

- - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

**Эрл Стенли ГАРДНЕР
ОСКАЛ ГОРИЛЛЫ**

В понедельник утром, без пяти минут десять, Перри Мейсон, держа под мышкой упакованный в коричневую бумагу сверток, свободной рукой снял шляпу и запустил ее в сторону бюста Блэкстоуна, венчавшего собой книжные полки позади его рабочего стола.

Шляпа, лениво заложив несколько виражей, шлепнулась прямо на мраморное чело великого юриста, придав тому нелепо залихватский вид.

Делла Страт, личная секретарша Мейсона, вскрывавшая за своим столом утреннюю почту, восторженно захлопала в ладоши.

— Да, в этот раз действительно неплохо получилось, — с мальчишеской гордостью согласился Мейсон.

— Блэкстоун, — заметила Делла, — наверное, в могиле перевернулся.

Мейсон улыбнулся:

— Он давно уже привык. Последние пятьдесят лет адвокаты только и делают, что водружают свои шляпы на благородное чело Блэкстоуна. Это вообще характерно для нашего времени.

— Что именно?

— Бросание шляп.

— Боюсь, я не вполне улавливаю.

— Пару поколений назад, — объяснил ей Мейсон, — юристы были на редкость занудными людьми. Заложив руку за борт пиджака, они произносили высокопарные речи по всем правилам ораторского искусства. Их офисы были обязательно украшены бюстами Блэкстоуна. А вот молодых юристов, унаследовавших бюсты вместе с конторской мебелью и грудами кодексов, просто выводило из себя напыщенное самодовольство, застывшее на каменной физиономии этого стариана.

— Тебе, наверное, нужно сходить к психоаналитику, шеф, — сказала Делла Страт. — Блэкстоун, вероятно, символизирует для тебя нечто, против чего ты неосознанно пытаешься бороться. А что это за сверток у тебя?

— А черт его знает, — ответил Мейсон. — По-моему, я пытаюсь бороться с дремучими предрассудками. Я заплатил за него пять долларов — я имею в виду этот сверток.

В голосе Деллы за показным возмущением скрывалась нежная снисходительность:

— Я надеюсь, ты не собираешься записать это в служебные расходы?

— Конечно, собираюсь. А иначе, по-твоему, что такое «общие расходы»?

— И ты даже не знаешь, что там внутри?

— Я купил его не разворачивая.

— Трудновато мне будет вести отчетность, если придется занести в графу расходов пять долларов за пакет, в котором неизвестно что лежит... Как это тебя угораздило?

— В общем, — произнес Мейсон, — дело было так...

Он улыбнулся.

— Ну а дальше что? — спросила Делла Страт, тоже не в силах удержаться от улыбки.

— Помнишь некую Элен Кэдмас? Тебе ни о чем не говорит это имя?

— Несколько странное имя, — сказала она. — Мне кажется... Постой, не та ли это девушка, что покончила жизнь самоубийством, прыгнув в море с яхты какого-то миллионера?

— Да, да, именно она. Бенджамин Эддикс, довольно эксцентричный миллионер, отдыхал на своей яхте. В открытом море его секретарша, Элен Кэдмас, бесследно исчезла. Предположили, что она прыгнула за борт. А в этом свертке... давай-ка взглянем, что тут написано.

Мейсон перевернул сверток и прочитал:

«Личные вещи Элен Кэдмас. Офис судебного исполнителя».

Делла Страт вздохнула:

— Я уже столько лет работаю твоей личной секретаршей... и мне даже порой кажется, что я достаточно хорошо тебя знаю, но тут случается что-нибудь в этом роде, и я вновь осознаю, что ты остаешься для меня загадкой. Господи, где ты это взял и чего ради выложил пять долларов?

— Судебный исполнитель довольно частенько выставляет на торги разное барахло, скопившееся в его конторе. Вот и сегодня в здании суда был аукцион, а я случайно оказался неподалеку. Там шли довольно азартные торги, все бились за ювелирные изделия, редкие холсты, столовое серебро и все такое прочее. А потом выставили на аукцион этот сверток, и никто не стал даже торговаться. Ну, ты ведь знаешь судебного исполнителя — он мой хороший приятель. Вот я, подмигнув ему, и предложил начальную цену в пять долларов, чтобы расшевелить публику, И что же? Не успел я опомниться, как мне всучили пакет, а в бумажнике у меня стало на пять долларов меньше.

— А что там внутри? — поинтересовалась Делла Страт.

— Давай посмотрим, — предложил Мейсон. Он открыл перочинный ножик, перерезал бечевку и развернул бумагу. — Ну-ка, ну-ка! Похоже, нам досталась английская грамматика, словарь, пара пособий по стенографии, несколько дневников и альбом с фотографиями.

— И за это — пять долларов! — воскликнула Делла Страт.

— Заглянем в альбом с фотографиями, — сказал Мейсон. — Ого! Да тут такая карточка, что за нее кто хочешь отвалит пятерку.

Делла подошла и заглянула ему через плечо.

— Если это называется купальником, — заметила она, — то я...

— Похоже, однако, что так оно и есть, — ответил Мейсон. — Купальник из трех квадратиков ткани, по-моему, каким-то чудом удерживался на плавных изгибах весьма симпатичной фигурки. Я полагаю, что это и есть Элен Кэдмас.

— Она не слишком-то много скрывала от посторонних глаз, — сказала Делла Страт.

— Вряд ли фотографировал кто-то посторонний — скорее всего, какая-нибудь ее подружка, умеющая обращаться с фотоаппаратом, сумела поймать эффектный кадр. О, да тут еще целая пачка фотографий обезьян.

— Теперь я вспоминаю, — сказала Делла Страт. — У ее босса, Эддикса, было целое стадо человекообразных обезьян, и он проводил с ними какие-то психологические эксперименты.

Мейсон кивнул, продолжая рассматривать фотографии.

— Тут есть очень неплохие снимки, — заметил он. — Кто бы ни был этот фотограф, он свое дело знал хорошо. Каждый выстрел в десятку.

— И что он снимал? — спросила Делла Страт, перелистывая четыре толстые тетрадки — дневники Элен Кэдмас.

— В основном одно и то же — Элен купается в море, Элен на яхте и все такое, — ответил Мейсон. — Фотографий обезьян и прочих приматов здесь совсем немного.

— А чем, по-твоему, обезьяна отличается от примата? — спросила Делла.

— По-моему, кто-то из них крупнее, — ответил Мейсон. — Ну, в конце концов, откуда мне знать? Если тебя это интересует, можешь взять фотографии и попробовать разобраться на досуге.

— Послушай, шеф, что написано в дневнике! — воскликнула Делла Страт.

— Читай, — ответил Мейсон, — я внимательно слушаю.

Он повернул альбом к свету — так, чтобы удобнее было разглядывать фотографию Элен Кэдмас, снятой в позе, гарантирующей повышенный интерес любого мужчины.

Делла Страт вырвала альбом с фотографиями у него из рук:

– Потом сможешь на это полюбоваться. Слушай, что она пишет.

И Делла зачитала отрывок из дневника:

«...Не знаю, смогу ли я выносить это и дальше. Бедняга Пит, похоже, догадался, что с ним собираются что-то делать, и невольно ищет у меня защиты. К остальным я более или менее равнодушна, а вот за Пита волнуюсь. Если они попытаются разрушить его разум или искалечить нервную систему, я буду вынуждена вмешаться. Другого выхода нет. Я скопила немного денег и попробую выкупить Пита, если, конечно, мистер Эддикс захочет его продать. Он не продаст, я абсолютно уверена в этом, если догадался, что я хочу избавить Пита от участия всех остальных. Не знаю, сможет ли вмешаться Общество защиты животных, но, если мне не удастся его купить, я буду вынуждена что-то предпринять».

– Все ясно, – подвел итог Мейсон, – какие-то домашние проблемы. Сильно сомневаюсь, что нам удастся извлечь из этого хоть какую-то пользу.

– Нужно попытаться выяснить, – сказала Делла Страт.

Мейсон нахмурился.

– Вообще-то, если копнуть поглубже, – задумавшись, проговорил он, то вполне могут возникнуть сомнения, действительно ли девушка покончила жизнь самоубийством. Насколько я помню, тело ее так и не было найдено. Когда яхта попала в шторм, они находились в открытом море, неподалеку от острова Каталина. Накануне вечером Эддикс продиктовал ей что-то, она обещала все перепечатать и принести к нему в каюту в восемь утра на следующий день. Шторм крепчал, и, когда она не пришла, Эддикс подумал, что ей, возможно, нездоровится. Он отправился в ее каюту проверить, все ли с ней в порядке, и обнаружил, что постель даже не разобрана. После этого осмотрели всю яхту – Элен нигде не было. Тогда возникло предположение, что ее или смыло за борт волной, или она покончила с собой. Эддикс приложил все силы, чтобы замять дело. По официальной версии, это самоубийство.

Неожиданно раздался телефонный звонок.

Делла Страт подняла трубку.

– Алло, – проговорила она, – да, Герти, это я... Ладно, соедини меня с ним. Алло, – повторила она через какое-то время, – это Делла Страт, личная секретарша Перри Мейсона. Все, что вам нужно, вы можете передать через меня. Кто?.. О, понятно... – Она слушала еще минуту, затем сказала: – Подождите немного, я попытаюсь связаться с мистером Мейсоном. Он сейчас на важном совещании, но, если вы настаиваете, я попробую ему все передать.

– Что там такое? – спросил Мейсон.

Делла Страт прикрыла ладонью трубку.

– Это из редакции «Инквайера», – сказала она. – Они хотят прислать сюда фотографа и репортера, чтобы подготовить небольшой материал для завтрашнего номера.

– О чём?

– Об истории с покупкой дневников Кэдмас. Похоже, судебный исполнитель сболтнул об этом кому-то из репортеров, и в редакции решили, что смогут сделать броскую статью. Они хотят подать это в виде захватывающей истории на подлинном документальном материале.

– Передай им: пусть приходят, – сказал Мейсон. – Я охотно снабжу их первоклассным материалом. Это же отличная возможность оправдаться перед налоговым управлением. Ты сможешь с чистой совестью заявить, что пять долларов были вложены в рекламу.

– В газете, по всей видимости, считают, что ты купил дневники, преследуя вполне определенную цель. Речь шла о каком-то судебном процессе, начатом миссис Кемптон против Эддикса. Тебе что-нибудь известно об этом?

– Первый раз слышу, – признался Мейсон. – Но пусть они об этом даже и не подозревают. Нужно казаться таинственным и загадочным. Если подогреть интерес публики, то может

получиться неплохой материал.

Делла кивнула и сказала в трубку:

– Мистер Мейсон сейчас на совещании, после этого у него деловая встреча, но он сможет уделить вам немного времени ровно через пять минут, если вы успеете сюда подъехать. – Она положила трубку. – А я-то надеялась, что мы сегодня сможем хоть немного расчистить эти почтовые завалы.

Мейсон улыбнулся:

– Ну кто же мог знать? Если бы не история с дневниками, мы вполне могли бы этим заняться. Вот что, Делла: пусть Джексон сходит в секретариат суда, просмотрит картотеку намеченных процессов и выяснит, что за иск, черт побери, возбудила Кемптон против Эддикса. И пусть сразу же позвонит мне. В общем-то, честно говоря, не больно нужно мне это интервью, ну да уж ладно – пускай они подготовят материальчик для своей газеты. Они имеют на это полное право, к тому же нипочем заранее не угадаешь, когда вдруг понадобятся дружеские связи с газетчиками.

Делла кивнула и, подойдя к бюсту Блэкстоуна, произнесла:

– Доброе утро, мистер Блэкстоун. Если вы не имеете ничего против, я позволю себе снять с вас эту шляпу, которую вы носите со столь неподражаемой лихостью. Мы ожидаем прибытия фотографа из газеты, и нам хочется, чтобы кабинет выглядел подобающим образом.

Во вторник утром Мейсон открыл дверь своего кабинета, снял шляпу и застыл на какое-то время с ней в руке, задумчиво уставившись на бюст Блэкстоуна.

— Ты уже читал сегодняшние газеты? — спросила Делла Страт.

— Нет, только на заголовки взглянул, а что? — Мейсон медленно опустил шляпу.

— В иллюстрированном разделе «Инквайера» ты сможешь полюбоваться на собственные фотографии. А еще советую обратить внимание на торчащий у тебя в приемной оловянный доллар, который каждые пятнадцать секунд плятится на свои часы и с нетерпением ждет твоего прихода, чтобы побеседовать о «пакете с личным имуществом Элен Кэдмас».

— Вот как? — спросил Мейсон, подходя к стенному шкафу и устраивая свою шляпу в более подходящее место. — А при чем тут оловянный доллар?

— Я хочу сказать, что он такой же насквозь фальшивый, как оловянный доллар, — ответила Делла Страт.

— А в чем это выражается?

— Зовут его Натан Фэллон. По его словам, он, я цитирую, является «в некотором роде компаньоном» мистера Бенджамина Эддикса, а также, как он уверяет, дальним родственником Элен Кэдмас. Он был просто шокирован, видите ли, когда узнал, что ее мемуары были проданы с торгов. Он такой весь елейный, сладкоречивый, утонченный, самодовольно ухмыляющийся, и у него якобы даже в голове не укладывается, как можно было поступить подобным образом. Ну, он-то, конечно, привык, что ему достаточно дать руководящие указания: «Эй, там, — сделать то и то».

— Ну, хорошо, — проговорил Мейсон. — А что выяснил Джексон о тяжбе Кемптон с Эддиксом?

— Он ведь вчера уже рассказал тебе в самых общих чертах об этом деле — предъявлено обвинение в клевете. Вот, можешь взглянуть на копию искового заявления.

Она вручила Мейсону копию жалобы, зарегистрированной в секретариате суда, и Мейсон бегло просмотрел ее, кивая головой и улыбаясь.

— Сюжет усложняется, — заметил он. — Насколько я понял, миссис Джозефина Кемптон была уволена при обстоятельствах, которые сочла совершенно неприемлемыми для себя. Она не смогла добиться от своего работодателя каких бы то ни было объяснений, а позже, когда она пыталась устроиться в другое место, оказалось, что если обращались за отзывом к мистеру Эддиксу, он письменно обвинял ее в воровстве.

— А как это можно квалифицировать с точки зрения закона? — спросила Делла Страт. — Можно это представить как добросовестное заблуждение?

— Ты имеешь в виду письма Эддикса?

— Да.

Мейсон улыбнулся:

— Дорогая моя Делла. Ты позволяешь себе посягнуть на прерогативы защиты в процессе «Кемптон против Эддикса». Что касается того, как этот случай можно квалифицировать с точки зрения закона, то пусть уж они сами доведут тяжбу до конца; а вот что касается некоторых подробностей дела, то они меня весьма заинтересовали. И мне очень хотелось бы знать, почему мистеру Фэллону так нужны дневники Элен Кэдмас.

— Ну, он, конечно, не признается, — сказала Делла Страт, — что его в первую очередь интересуют дневники. Ему просто хотелось бы получить личные вещи, оставшиеся после — я опять цитирую — «бедной, несчастной девочки».

— Ах ты Боже мой! — сказал Мейсон.

— Так что? — спросила она. — Ты примешь мистера Фэллона, или будешь дожидаться, пока он протрет дыру в ковре у нас в приемной, расхаживая взад-вперед?

— Я приму его, — ответил Мейсон, — но мистер Фэллон, который, очевидно, является не только напыщенным ничтожеством, но и скверным актером, должен увидеть нас во всей красе, Делла. Он, вероятно, привык иметь дело с самодовольными юристами, улаживающими делишки мистера Эддикса и дающими ему советы, как превратить доход в капитал, уплатив как можно меньше налогов. Я думаю, что как раз сейчас мистер Фэллон начинает постепенно осознавать, что столкнулся с совершенно другой породой кошечек, с этими словами Мейсон достал из шкафа свою шляпу, подошел к бюсту Блэкстоуна и, лихо заломив ее, водрузил ей на голову. — А теперь, Делла, ты можешь пригласить ко мне мистера Натана Фэллона.

Делла Страт улыбнулась эксцентричному поступку Мейсона и поспешила в приемную. Вернулась она оттуда вместе с человеком, которого назвала оловянным долларом.

У Натана Фэллона был огромный выпуклый лоб, маленький курносый нос, на котором сидели очки с толстыми стеклами без оправы, и большой улыбающийся рот, придававший лицу дружелюбное, хотя и несколько заискивающее выражение. На макушке у него была лысина, да и надо лбом волосы заметно поредели, зато оставшиеся он отрастил насколько это только было возможно и зачесывал снизу вверх, закрепляя лаком, чтобы лысина блестела не так ярко.

— Мистер Мейсон! — воскликнул он. — Мистер Перри Мейсон! Я просто не в состоянии выразить все мое удовольствие от личного знакомства с вами. Я ваш искренний и давний поклонник. Я следил за отчетами в прессе о ваших судебных триумфах. Я уже давно решил, что если вдруг окажусь в каком-нибудь затруднительном положении, то обращусь за помощью именно к вам.

— Отлично, — сказал Мейсон, пожимая ему руку и незаметно подмигивая Делле Страт. — Стало быть, насколько я понял, вы попали в затруднительное положение?

— Нет, нет, нет, отнюдь! Ну что вы, дорогой мой мистер Мейсон! Я боюсь, вы меня не так поняли. Со мной все в полном порядке.

— О, прошу прощения, — сказал Мейсон, — значит, я просто неверно вас понял. Садитесь!

Мейсон уселся за большим столом. Делла Страт, с блокнотом наготове, заняла свое место.

— О, дорогой мой мистер Мейсон, я просто не могу выразить мои чувства от встречи с вами и с вашей прелестной секретаршей — мисс Страт! Это подлинное удовольствие — видеть ее очаровательную фигуру.

— От ваших слов может создаться впечатление, что она раздета догола, — произнес Мейсон.

— О, нет, нет! Ну что вы, дорогой мой мистер Мейсон! Ну что вы, ради Бога!

Делла Страт, оторвавшись от своего блокнота, бросила на него озорной взгляд.

Фэллон поспешил оправдаться:

— Я всего лишь имел в виду, что раньше только читал о ней и она была для меня чем-то неосязаемым, неопределенным. А теперь она стала для меня вполне определенной и очень даже осозаемой.

— И к тому же, — добавил Мейсон, — готовой застенографировать ваше обращение, чтобы зарегистрировать его по всей форме, как это полагается в нашем офисе.

— Да, да, конечно! Извините меня, мистер Мейсон! Разумеется, я понимаю, насколько ценно ваше время. Я и сам отношусь к тем, кто привык брать быка за рога.

— Вот и давайте.

— Я компаньон Бенджамина Эддикса и, как это ни странно, к тому же еще и родственник Элен Кэдмас.

— И кем же вы ей приходитесь? — поинтересовался Мейсон.

– О, вообще-то я довольно дальний ее родственник, но она всегда называла меня дядюшкой. Это я помог ей получить место у Бенни.

– У Бенни? – переспросил Мейсон.

– Прошу прощения, у Бенджамина Эддикса. Мы называем его обычно Бенни.

– Понятно.

– Бедняжка Элен, милая моя девочка. Представить не могу, что заставило ее пойти на это, да еще совершив все столь ужасным способом. Ведь даже если она и решила покончить с собой, то намного проще было бы принять смертельную дозу снотворного, и не только намного проще, но и... позвольте мне говорить откровенно, мистер Мейсон, намного приличней.

– Я полагаю, – заметил Мейсон, – когда девушка находит свои жизненные проблемы непереносимыми и решает уйти в вечность, она менее всего озабочена приличиями.

– Да, да, конечно. Я понимаю, понимаю. Бедняжка. Я лично все это прекрасно понимаю, и тем не менее, мистер Мейсон, едва ли можно было совершить это более... если позволите мне так выразиться, более неподходящим способом.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, поднялась вся эта газетная шумиха, у Бенни – Бенджамина Эддикса – было много неприятностей, вот что я имею в виду. Мистер Эддикс был к ней очень привязан. Как к своей служащей, вы понимаете меня, мистер Мейсон, только как к своей служащей. Он сделал бы все возможное, чтобы облегчить ее страдания, если бы он, конечно, знал о них. Мне кажется, я могу заверить вас со всей определенностью, что если бы проблемы несчастной девушки были хоть каким-то образом связаны с деньгами, то мистер Эддикс сделал бы все возможное, оказал бы любую необходимую помощь...

– А в чем заключались проблемы? – спросил Мейсон.

Фэллон развел толстыми короткими руками:

– Я и сам этим озадачен, мистер Мейсон. Не могу вам сказать ничего определенного, Я просто не знаю.

– Она ни с кем не делилась своими переживаниями?

– Делилась, мистер Мейсон. Она делилась ими со мной, а я, к несчастью, не отнесся к этому достаточно серьезно. Мне казалось, что это всего лишь обычные женские разговоры, навеянные минутой уныния. Она говорила мне, что порой не в силах выносить груз возложенной на нее огромной ответственности, что часто жизнь становится для нее непереносимой, что она...

– О какой ответственности шла речь?

– Она не сказала мне, мистер Мейсон. К сожалению, я вынужден признать, что не сумел прибодрить девушку. Я... Но в конце концов, к чему теперь об этом. Все уже в прошлом, и ничего нельзя изменить. Не смею больше отнимать ваше драгоценное время. Я, собственно, вот по какому поводу: сегодня утром я с удивлением прочел в газете, что вы купили личные вещи Элен. Я даже понятия не имел, что они где-то хранятся. Как ее ближайший родственник...

– По-моему, вы сказали, что приходитесь ей довольно дальним родственником?

– Относительно дальним, мистер Мейсон. То есть я имею в виду, что наше родство действительно довольно дальнее, но поскольку более близких родственников нет, то я могу считать себя ближайшим. Звучит это не слишком складно, но я абсолютно уверен, что вы меня прекрасно понимаете.

– Едва ли я могу разделить ваш оптимизм, – сказал Мейсон. – Однако какое у вас ко мне, собственно, дело?

– Но это же совершенно ясно, мистер Мейсон! Естественно, мне хотелось бы получить личные вещи несчастной Элен, на память о моей бедной крошки. Я прекрасно понимаю, что вы

стали торговаться на аукционе только чтобы оказать услугу вашему приятелю, судебному исполнителю, и в результате были вынуждены купить вещи, не представляющие для вас никакой ценности. Вы уплатили, насколько мне известно, пять долларов. – Мистер Фэллон вскочил на ноги, вытащил из кармана хрустящую пятидолларовую бумажку и протянул ее Мейсону. Поскольку тот даже не шевельнулся, чтобы ее взять, Фэллон в некоторой растерянности повернулся к Делле Страт и сказал: – Я полагаю, что именно на вас возложены обязанности по ведению финансовых расчетов, мисс Страт?

Делла Страт вопросительно взглянула на Мейсона.

Адвокат незаметно покачал головой.

Фэллон продолжал стоять с пятидолларовой купюрой в руке, переводя взгляд с Мейсона на Деллу Страт, и на лице его было написано недоумение от полученного недвусмысленного отказа.

– Но я, откровенно говоря, не понимаю, – промолвил он. – Может быть, я выразился недостаточно понятно?

– Я купил пакет, – ответил Мейсон. – В нем было несколько тетрадей ее дневники, альбом с фотографиями и некоторые другие вещи. Я полагаю, что не зря потратил пять долларов.

– Дневники, мистер Мейсон?

– Вот именно, – ответил Мейсон, не сводя глаз с посетителя, – и довольно пространные дневники.

– Но, дорогой мой мистер Мейсон, они, конечно же, не могут представлять для вас никакого интереса, и я уверен, что вы, извините за выражение, не собираетесь совать нос в секреты погибшей девушки.

– А почему бы и нет? – спросил Мейсон.

– Почему бы и нет? – переспросил шокированный таким ответом Фэллон. Почему? О боже мой, мистер Мейсон, то есть как – почему?.. Вы, разумеется, шутите!

– И не думаю даже, – сказал Мейсон. – Мне ведь удается добывать себе средства к существованию только потому, что я немного разбираюсь в законах и немного в человеческой природе. Мне приходится выступать перед Судом Присяжных. Я занимаюсь перекрестным допросом свидетелей. Я просто обязан знать о человеческой природе немного больше, чем средний человек.

– Да, да, да. Я понимаю, мистер Мейсон. Это, конечно, само собой разумеется.

– Нельзя научиться понимать человеческую природу, – сказал Мейсон, если слушать только то, что вам говорят.

– В самом деле? – удивился Фэллон.

– Да, – кивнул Мейсон. – Ведь люди всегда стараются представить себя в самом выгодном свете. Чтобы изучить человеческую природу, нужно наблюдать за людьми, когда они об этом не догадываются; нужно слушать их разговоры, когда они не знают, что их подслушивают; нужно копаться в их мыслях, если вы уверены, что мысли подлинные. Нужно изучать людей, когда их души обнажены от страдания.

– Честное слово, мистер Мейсон, вы меня просто поражаете.

– Взять, к примеру, вас, – продолжил Мейсон. – Абсолютно ничего нельзя узнать ни о вас, ни о ваших мыслях, ни о мотивах, приведших вас сюда, ни о том, что вам на самом деле нужно, если слушать только то, что вы мне говорите.

– Я... мистер Мейсон... Вы что, обвиняете меня в лицемерии?

– Позвольте задать вам вопрос, – сказал Мейсон. – Вы рассказали мне всю правду?

– Ну конечно же! Да, да, разумеется, всю!

– И дневники нужны вам только по чисто сентиментальным мотивам?

– Ну да, совершенно верно.

– В таком случае, – сказал Мейсон, – я должен сообщить вам, что мне они нужны для дела. Они помогают мне лучше понять человеческую природу. Так что давайте на этом закончим нашу беседу, мистер Фэллон, и разойдемся, не испытывая друг к другу неприязненных чувств.

– Но я, честно говоря, не понял, мистер Мейсон.

– Я постарался вам объяснить.

– Может быть, вы хотите сказать, что эти вещи представляют для вас более существенную ценность в денежном выражении?

– Совершенно верно.

– О, – произнес Фэллон, лукаво улыбаясь, – в таком случае я полностью готов учесть ваши интересы. Я полагал, поскольку обращаюсь к вам как джентльмен к джентльмену, что компенсации в размере пяти долларов будет вполне достаточно, но раз вопрос упирается в финансовую сторону дела...

– Отнюдь, – сказал Мейсон, – просто выяснилось, что я не желаю расставаться с вещами, приобретенными мною в собственность.

– О, я понимаю, но если речь идет исключительно о финансовой стороне проблемы, о конкретной сумме, то я, мистер Мейсон, готов подойти к рассмотрению этого вопроса с принципиально иных позиций.

– Ну что ж, давайте, подходите.

– Прекрасно, мистер Мейсон... С точки зрения денежных интересов, исходя из того, что сделка должна быть выгодна для вас в финансовом отношении... Позвольте, я следующим образом сформулирую свою мысль: вы приобрели некое имущество за пять долларов и желаете получить прибыль от его продажи в размере по меньшей мере пяти долларов. Верно?

– Верно.

– Я бы даже сказал – больше пяти долларов.

– Совершенно верно, и намного больше.

Лукавая улыбка неожиданно сползла с лица Фэллона. Он запустил свою коротенькую руку во внутренний карман пиджака, извлек бумажник из свиной кожи, раскрыл его, отсчитал пять стодолларовых купюр и бросил их на стол перед Мейсоном.

– Отлично, мистер Мейсон, – сказал он. – Будем говорить начистоту. Вот ваша прибыль. Мейсон отрицательно покачал головой.

Фэллон удивленно поднял брови.

– Прошу прощения, – сказал Мейсон, – но едва ли меня сможет удовлетворить подобная компенсация.

Короткие пальцы Фэллона вновь раскрыли бумажник из свиной кожи. На стол легли еще пять сотенных бумажек.

– Отлично, Мейсон, – холодно произнес он, – итого здесь тысяча. И прекратим, черт возьми, этот фарс.

От добродушия его не осталось и следа, Теперь он напоминал игрока в покер, сделавшего ставку и внимательно наблюдавшего за своим противником, пытаясь угадать, чем тот ему ответит и какие у него на руках карты.

– Эти дневники не продаются, – сказал Мейсон.

– Но, мистер Мейсон, ситуация становится просто абсурдной!

– Мне она таковой совершенно не кажется, – возразил Мейсон. – Я купил некий товар, потому что он был мне нужен. И он по-прежнему мне нужен.

– Мистер Мейсон, – сказал Фэллон, – давайте говорить начистоту. Мне не хочется больше темнить. Я не могу предложить вам больше тысячи долларов. То есть я получил инструкцию

остановиться именно на этой сумме. Мне кажется, однако, что... Мистер Мейсон, не согласились бы вы переговорить лично с Бенджамином Эддиксом?

– О чём?

– О документах, имеющихся в вашем распоряжении.

Мейсон покачал головой:

– По-моему, нам не о чём с ним разговаривать.

– Я полагаю, есть о чём, мистер Мейсон. Мне кажется, что если вы встретитесь с мистером Эддиксом лично, то поймете... В конце концов, мистер Мейсон, давайте прекратим пустые препирательства и подойдем к делу трезво.

– Ну, тут все в ваших силах, – ответил Мейсон. – Вперед, пойдите, закажите себе что-нибудь безалкогольное. Я полагал, что вы интересуетесь пакетом сугубо по сентиментальным мотивам, как родственник Элен Кэдмас.

– Вы что, серьезно?

– Но вы же сами мне это сказали.

– Боже мой, мистер Мейсон, нужно же было хоть что-то вам сказать! Вы ведь юрист. И разумеется, осознаете, что обсуждаемая проблема требовала такого подхода, который позволил бы нам обоим сохранить лицо в данной ситуации.

– Я не уверен, что мое лицо нужно сохранять, – возразил Мейсон.

– Нет, нет, прошу вас, не нужно шутить, мистер Мейсон! Давайте говорить друг с другом серьезно и откровенно.

– Что касается меня, то я говорил с вами совершенно откровенно.

– Ну хорошо, в таком случае и я буду говорить с вами откровенно. Исчезновение Элен Кэдмас породило множество нелепых догадок. Газетные писаки, живущие за счет того, что выплескивают публике, жаждущей сенсаций, всякие помои, просто набросились на эту историю. Мистеру Эддиксу пришлось на какое-то время уединиться и принять тщательно продуманные меры предосторожности, чтобы не оказаться затравленным до смерти этими любителями сенсационной ерунды. А теперь вдруг выясняется, что Элен вела дневник. Не понимаю, как получилось, что следователи ничего об этом не знали.

– Ходят слухи, – сказал Мейсон, – что Эддикс использовал все свое политическое влияние. В результате следствие взяло огромную кисть и торопливо замазало дело толстым слоем побелки. Следствия, как такового, и не было.

– А по-моему, мистер Мейсон, ваше утверждение, не имеет под собой никаких оснований. Вы и сами едва ли в это верите. Мистер Эддикс всего лишь хотел оградить себя от некоторых неудобств личного плана, и не более того.

Мейсон усмехнулся.

– Прекрасно, – воскликнул Фэллон, – давайте говорить начистоту! Дневники эти всплыли совершенно случайно. Боже мой, мы ведь даже не имели представления, что они вообще существуют. Очевидно, их нашли в какой-нибудь коробке, о которой не было известно. Последний дневник, разумеется, был...

– Да? – переспросил Мейсон.

Фэллон кашлянул.

– Я не то хотел сказать. Это просто обмолвка.

– Что случилось с последним дневником? – спросил Мейсон.

Фэллон посмотрел Мейсону прямо в глаза. Взгляд его стал жестким и враждебным.

– Вы меня не так поняли, – медленно проговорил он. – Очевидно, она перестала вести дневник, и та тетрадь, что находится у вас, – последняя.

– Сколько Эддикс готов заплатить? – поинтересовался Мейсон.

— Я не знаю, — ответил Фэллон. — Он приказал мне торговаться с вами до тысячи долларов. Мы вообще были уверены, что получим их даром, просто возместив вам расходы или, в самом худшем случае, если бы вы решили сорвать на этом куш, уплатив две-три сотни долларов. Но встретившись с вами и уразумев, что вас не проведешь всей этой сентиментальной чепухой, я сразу предложил предельную сумму, на которую меня уполномочили.

— Отлично, — сказал Мейсон. — И что вы собираетесь предпринять теперь?

Фэллон упрятал сотенные купюры обратно в бумажник, аккуратно свернул пятидолларовую бумажку, положил ее в карман, улыбнулся Мейсону и ответил:

— Я пойду за дальнейшими инструкциями. Благодарю вас. Всего наилучшего!

Он резко повернулся и вышел из офиса.

Мейсон посмотрел на Деллу Страт. Во взгляде его можно было прочесть невысказанный вопрос.

— Ну что ж, — сказала Делла, — похоже, сегодня вечером обычной работой заняться не придется.

— Похоже, что заняться обычной работой не придется и в ближайшие сутки. Я возьму одну из тетрадок, ты возьмешь другую, дай одну Джексону и одну Герти. Мы должны прочитать эти дневники самым внимательным образом. Нужно вчитаться в каждое слово. Отмечай все, что покажется важным, и делайте выписки со ссылками на страницы. Мы должны выяснить, чем так обеспокоен мистер Бенджамин Эддикс, и желательно, еще до того, как мы получим от него весточку. Каким числом помечена последняя запись, Делла?

— Я уже посмотрела, шеф, — ответила она, — записи кончаются примерно за две недели до ее исчезновения.

— Черт побери, дорого бы я заплатил, чтобы взглянуть на тетрадь номер пять, — сказал Мейсон, — но по обмолвке, сделанной нашим оловянным Фэллоном, я понял, что Эддикс, Фэллон и компания уже нашли этот дневник, засунули его в мешок и, привязав что-нибудь потяжелее, швырнули за борт в самом глубоком месте пролива. Ну хорошо, Делла, давай выясним, чем же мы располагаем. Отмени все назначенные на сегодня визиты, смети со стола почту, и давай приниматься за работу.

Поздно вечером во вторник, когда все остальные уже разошлись по домам, Мейсон и Делла Страт сидели в кабинете адвоката и сопоставляли информацию, выуженную из дневников Элен Кэдмас.

— Чтобы мне провалиться, — воскликнул Мейсон, — но лично я не исключаю возможность убийства!

— Ну, а я уже почти наверняка могу исключить возможность несчастного случая или самоубийства, — сказала Делла Страт.

— У нас нет никаких улик, — возразил ей Мейсон, — то есть я имею в виду, ничего конкретного.

— Для меня они достаточно конкретны, — с чувством произнесла Делла Страт. — Ты ведь внимательно прочитал дневник, шеф, и перед тобой, конечно, возник образ чертовски симпатичной, совершенно нормальной молодой девушки с прекрасной фигурой — девушки, мечтавшей сниматься в кино, о чем мечтают почти все симпатичные девушки. И ты получил представление о ее проницательном и глубоком уме. Она восхищалась силой характера Бенджамина Эддикса. Ее возмущало, как он обращается с обезьянами. Она чувствовала, что в его жизни есть какая-то тайна. По первой тетради хорошо видно, с каким жгучим любопытством она пыталась выяснить, что это за тайна, а затем, совершенно неожиданно, перестает упоминать об этом. И вот еще что девушка была влюблена.

— Почему ты так решила, Делла?

— По ее настроению, по тому, что она писала в своем дневнике. У нее было предостаточно свободного времени, и она часто погружалась на досуге в романтические мечтания.

— Но она не доверяла свои романтические мечты дневнику, — заметил Мейсон.

— В открытую — нет, — согласилась Делла, — но это можно прочесть между строк. По каким-то причинам девушка избегала писать в дневнике совершенно откровенно, но она, вне всякого сомнения, выражала свои настроения. Влюбленные всегда пишут о красоте природы, о том, как прекрасна весна в природе и весна в человеческом сердце.

— Как ты поэтично рассказываешь, Делла!

— Я всего лишь рассуждаю логично.

— А ты сама случайно не ведешь дневник?

Лицо Деллы ярко вспыхнуло.

— И кроме того, — поспешно сказала она, — Элен ненавидела Натана Фэллона.

— А что, кто-нибудь испытывает к нему более дружеские чувства?

— Сам Натан Фэллон.

Мейсон откинулся назад и захихикал.

Делла улыбнулась и продолжила:

— Она любила животных и была очень сильно привязана к обезьяне по имени Пит. Ее возмущали эксперименты, которые Бенджамин Эддикс проводил с животными.

Мейсон задумчиво прищурился:

— Эксперименты у Эддикса велись на самом высоком научном уровне. Он пытался воздействовать на нервную систему животных. И у него были довольно своеобразные идеи, связанные с гипнозом. Очевидно, он осознал, что человека нельзя погрузить в гипнотический транс настолько глубоко, чтобы он смог сделать нечто противоречащее его высшим моральным установкам, но ему, похоже, казалось, что гориллы, как существа человекообразные, могут поддаваться воздействию гипноза и, к примеру, способны убить человека. Черт бы меня побрал,

если я понимаю, что именно он пытался этим доказать. Я чувствую, что это каким-то образом связано с прошлым Эддикса. С ним, очевидно, стряслась большая беда, возможно, он совершил преступление и подозревал, что пошел на это под чьим-то гипнотическим влиянием.

— Кошмарная обстановка для секретарши, — сказала Делла Страт. Эддикс богат, но это отнюдь не оправдывает его жестокого обращения с животными.

Мейсон кивнул:

— Вероятно, вначале Элен Кэдмас испытывала то же самое. Затем, похоже, ее взгляды несколько изменились. Она, несомненно, относилась к Эддиксу с большим уважением и чувствовала, очевидно, что за его экспериментами скрывается нечто очень важное.

— А затем ее убили, — сказала Делла Страт.

— Не нужно так говорить, Делла. Нет абсолютно никаких доказательств.

— Ну, я чувствую интуитивно, очень ясно чувствую, что она не могла пойти на самоубийство.

— В тетради, которую я читал, — сказал Мейсон, — есть еще одна очень любопытная вещь, Делла. Меня она очень заинтересовала.

— Что именно?

— У этой обезьяны, Пита, которую она так любила, появилась привычка таскать ее мелкие безделушки — все, чем она, по мнению обезьяны, любовалась. Пудреницу, губную помаду, сережки — она все подряд хватала и прятала. Скорее всего, ее любимым тайником была огромная греческая ваза в холле... Делла, у меня появилось одно подозрение... Кто из адвокатов представляет миссис Джозефину Кемптон в процессе против Эддикса?

— Сейчас посмотрю, — сказала Делла Страт и вышла из кабинета.

Вернувшись минуты через три, она вручила Мейсону листок, на котором было напечатано на машинке:

"Джеймс Этна, адвокатская контора «Этна, Этна и Дуглас».

— Боюсь, я совершила глупость, шеф, — сказала она, когда Мейсон ознакомился с запиской.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я вышла в приемную, телефон зазвонил так настойчиво, что казалось, вот-вот развалится на части. В общем, я хотела объяснить, что рабочее время уже кончилось и на звонок ответить некому... Ну и выяснилось, что я разговариваю с Мортимером Херши, финансовым управляющим Бенджамина Эддикса. Он очень хотел договориться о твоей встрече с мистером Эддиксом.

— Что ты ему ответила? — спросил Мейсон.

— Я сказала, что должна связаться с тобой, уточнить, какие встречи уже намечены на завтра, и назначить подходящее для тебя время. Тогда он заявил, что мистер Эддикс не сможет прийти к тебе в офис, поскольку он ранен.

— Ранен?

— Он сказал именно так.

— Он сообщил какие-нибудь подробности?

— Больше ничего. По его словам, мистер Эддикс ранен и не сможет приехать к тебе в офис, но, как ему представляется, встреча с мистером Эддиксом была бы в твоих же интересах. Я ответила, что попытаюсь связаться с тобой и перезвоню ему.

— Вот что, — сказал Мейсон, — попробуйте-ка, Делла, для очистки совести дозвониться до конторы «Этна, Этна и Дуглас».

— В такое время там наверняка уже никого нет.

— Кто-нибудь из компаний мог задержаться на работе. В конце концов, Делла, мы-то ведь работаем допоздна.

— Вот это точно. — Она сняла телефонную трубку, набрала номер и через мгновение спросила: — Простите, кто у телефона?.. Вас беспокоят из офиса Перри Мейсона... Да, да, адвокат... О, это вы?.. Прошу извинить за столь поздний звонок, но мистеру Мейсону нужно срочно поговорить с мистером Джеймсом Этной. Минутку, не вешайте, пожалуйста, трубку. — Делла Страт кивнула Мейсону и щелкнула рычажком коммутатора. — Еще одна сова, сказала она. — Он и в самом деле задержался из-за срочного дела.

Мейсон снял трубку:

— Алло. Говорит Перри Мейсон, Это Джеймс Этна?

— Да, я вас слушаю.

— Вы представляете интересы миссис Джозефины Кемптон в процессе против Бенджамина Эддикса?

— Совершенно верно.

— Случилось так, что меня заинтересовало это дело, — сказал Мейсон.

— А чьи, собственно, интересы вы представляете? — осторожно и с некоторой прохладцей в голосе полюбопытствовал Этна.

— Ничьи. Просто оно меня интересует.

— Ну, положим, оно и меня интересует. Случай, по-моему, возмутительный до безобразия. Это именно из-за него у меня сегодня вечером сорвался деловой ужин. Рассмотрение должно состояться в суде послезавтра, и я пытаюсь откопать какой-нибудь подходящий закон.

— Не могли бы вы вкратце сообщить мне, в чем суть проблемы?

— Я полагаю, в исковом заявлении все изложено достаточно ясно, осторожно ответил Этна.

— Мне хотелось бы получить более подробную информацию.

— С какой целью?

— Ну, скажем так, из чистого любопытства.

— Боюсь, мистер Мейсон, что не смогу вам ничем помочь — придется вам довольствоваться исковым заявлением. Разумеется, когда дело будет принято к рассмотрению в суде...

— Просто есть шанс, — сказал Мейсон, — что я смогу вам кое в чем помочь.

— Каким образом?

— В данный момент я не могу вам ничего объяснить, но если вы расскажете мне кое-что... Я, разумеется, не претендую на то, чтобы вы делились со мной конфиденциальной информацией, но...

— Ну ладно, — сказал Этна, — я могу изложить вам в общих чертах, в чем суть дела. Миссис Кемптон была уволена без предупреждения. Она работала у мистера Эддикса примерно два с половиной года, но Эддикс даже не пожелал объяснить ей причины увольнения. Миссис Кемптон покинула его вне себя от возмущения. Она не попросила рекомендательных писем и, таким образом, совершенно неожиданно осталась без работы.

— Неужели она не знает, почему так произошло?

— Насколько ей известно, никаких причин для этого не было.

— Продолжайте — что произошло дальше?

— Ну, в общем, она подыскала себе подходящее место. Естественно, хозяева хотели знать, у кого она раньше работала, и миссис Кемптон сказала. Работала она у них примерно две недели. Вне всяких сомнений, она вполне удовлетворительно справлялась со своими обязанностями, и вдруг как гром с ясного неба — ее опять увольняют без предупреждения. Она не могла понять, в чем дело. Как бы то ни было, миссис Кемптон — прекрасный повар и экономка — тут же устроилась в другое место. Разумеется, здесь тоже хотели знать ее прежнее место работы, она сообщила им, приступила к обязанностям, и все было отлично. Наниматели были абсолютно всем довольны, а затем неожиданно без лишних слов ее рассчитали.

— Продолжайте, — попросил Мейсон.

— Видите ли, это известно очень немногим. Но вам, я думаю, можно доверять.

— Если возникают какие-то проблемы, то можете не говорить, — сказал Мейсон. — Конфиденциальные сведения мне не нужны.

— О, на суде это все равно станет известно, — ответил Этна. — В общем, миссис Кемптон обращалась в нашу контору по поводу страховки и поделилась со мной возникшими подозрениями, подробно рассказав обо всем, что произошло. Я попросил одного моего приятеля написать Бенджамину Эддиксу и сообщить, что к нему устроилась на работу миссис Джозефина Кемптон, которая, насколько он понял, последние два года работала у мистера Эддикса. Он просил мистера Эддикса дать ей рекомендацию, охарактеризовав ее деловые качества.

— И что в результате? — спросил Мейсон.

— Не прошло и недели, как было получено письмо от Бенджамина Эддикса. В нем было короткое сообщение о том, что миссис Кемптон была уволена из-за ее нечестности, что бесследно исчезло весьма ценное бриллиантовое кольцо оно было очень дорого мистеру Эддиксу и стоило около пяти тысяч долларов; что платиновые часы, стоимостью тысяча семьсот пятьдесят долларов, тоже пропали; что не было достаточно улик для привлечения миссис Кемптон к суду за кражу, но доказательств было достаточно для Эддикса, чтобы ее немедленно уволить.

— Черт побери, это же надо суметь состряпать такое письмечко! воскликнул Мейсон.

— Вот именно, вы понимаете меня?

— И что же вы предприняли?

— Ну, только для того, чтобы подстраховаться, я устроил миссис Кемптон на работу к моим друзьям, людям, которым я могу доверять, — письмо должно быть безупречным с юридической точки зрения. Вы ведь понимаете первое письмо было написано человеком, на самом деле не нанимавшим на работу миссис Кемптон, и это могло серьезно осложнить ситуацию в суде.

— Да, я понимаю.

— И вот, миссис Кемптон таким образом нашла место с жалованьем в двести пятьдесят долларов в месяц, с питанием и комнатой, очень даже неплохое место. Хозяева написали мистеру Эддиксу и получили точно такое же письмо, как и все остальные. Они, естественно, его сохранили и готовы предъявить на суде.

— Дело будет рассматриваться послезавтра?

— Совершенно верно. Я из кожи вон лезу, чтобы как можно скорее начать судебное разбирательство, — для моего клиента это имеет очень большое значение. Эддикс может позволить себе стричь купоны. Мой клиент вынужден работать.

— Вы не пытались склонить Эддикса к компромиссу?

— Я сделал все возможное, чтобы хоть как-то повлиять на Эддикса. Не знаю, знакомы ли вы с ним.

— Нет.

— Короче говоря, он чрезвычайно упрямый человек. Он заявил мне, что у него есть улики, которые убедят кого угодно: именно миссис Кемптон стащила бриллиантовое кольцо и часы; и что он просто проявил великодушие и не стал возбуждать уголовное дело, но, если я потащу его в суд, он опозорит миссис Кемптон навсегда. Он сказал, что если она захочет устроиться на работу, не обращаясь к нему за рекомендациями, то он не будет иметь ничего против. Для этого ей всего лишь нужно сорвать о своем последнем месте работы. Но если кто-нибудь напишет ему и спросит его мнение о миссис Кемптон, он будет откровенен.

— Я полагаю, — сказал Мейсон, — что вы просмотрели все законоположения о добросовестном заблуждении?

— Вот как раз этим я сейчас и занимаюсь, — ответил Этна. — Тут множество проблем — добросовестного заблуждения, наличия злого умысла, разумных оснований для написания подобных писем и много чего еще. В законе достаточно определено это не сформулировано.

— Я хотел бы задать вам еще один вопрос, — сказал Мейсон. Вспомните, не доводилось ли вам читать в газетах об исчезновении секретаря Эддикса, девушки по имени Элен Кэдмас?

— Я никогда не запоминаю, о чем там они пишут в газетах. Нет, не помню, — ответил Этна.

— Но вам что-нибудь известно о ее исчезновении?

— Только то немногое, что сообщила мне миссис Кемптон, — осторожно проговорил Этна.

— Вот теперь, — сказал Мейсон, — мы и подошли к тому, что мне нужно. Что именно рассказала вам миссис Кемптон?

— А что конкретно вас интересует?

— В данный момент я не могу поделиться с вами информацией по этому вопросу.

— В таком случае я в данный момент не могу поделиться с вами вообще никакой информацией.

— Ну хорошо, меня интересует, не связано ли увольнение миссис Кемптон с исчезновением Элен Кэдмас?

Этна надолго задумался.

— Элен Кэдмас совершила, как предполагают, самоубийство примерно за два дня до увольнения миссис Кемптон. У нас сложилось мнение, что если, поймите меня правильно, мистер Мейсон, я никого не обвиняю, что если нечто было похищено в особняке Эддикса, то гораздо больше оснований подозревать Элен Кэдмас, а не миссис Кемптон. Я сейчас попытаюсь обосновать это предположение. Кольцо и часы были оставлены в спальне мистера Эддикса. Спальня была заперта. Ключ от нее был только у двоих — у миссис Кемптон и у Элен Кэдмас. Миссис Кемптон была экономкой, а Элен Кэдмас входила туда в связи с выполнением своих секретарских обязанностей. Собственно говоря, это были апартаменты из нескольких комнат: спальня, кабинет, ванная и небольшое помещение для животных. На данный момент, мистер Мейсон, это все, что я могу вам сообщить.

— По какому телефону я мог бы связаться с вами сегодня вечером?

— Я буду в конторе еще час или два. Мой домашний телефон Вест девятьсот семь двести одиннадцать.

— Огромное спасибо, — сказал Мейсон, — возможно, — я позвоню попозже.

Мейсон положил трубку. Делла Страт вопросительно посмотрела на него.

— Я полагаю, — сказал Мейсон, — твой невысказанный вопрос связан с желанием знать содержание моей беседы с мистером Джеймсом Этной.

— Мой невысказанный вопрос, — ответила она, — связан с желанием знать, когда же мы наконец поужинаем.

— Прямо сейчас, Делла, — рассмеялся Мейсон. — И сразу же после ужина отправимся к мистеру Эддиксу и выясним, что именно он собирается нам сообщить, и если случайно — пойми, Делла, это все равно что найти в полном мраке дробинку, один шанс из тысячи, — и если мы случайно найдем в греческой вазе в холле кольцо стоимостью пять тысяч долларов и платиновые часы стоимостью тысяча долларов, то заставим надменного и имеющего, похоже, садистские наклонности миллионера прижать хвост.

— Прекрасно, — сказала Делла Страт, — но я думаю, что не стоит заниматься этим на пустой желудок.

— Вот это точно. Где бы ты хотели перекусить?

— Там, где мне подадут огромный бифштекс с маслом и петрушкой, и, раз уж мы собираемся с визитом к миллионеру, я думаю, мы сможем позволить себе такую роскошь, как

французская булочка, поджаренная до хрустящей коричневой корочки и посыпанная тертым чесноком.

— Несомненно, — серьезно заявил Мейсон, — мы должны сполна наслаждаться теми редкими удовольствиями, которые предоставляет нам наша профессия. Ведь если бы мы составляли завещание для мистера Эддикса и он вызвал бы нас для консультации по деловому вопросу, мы были бы вынуждены отказаться от чеснока, Делла.

— О, само собой, — согласилась она, и глаза ее блеснули, — но при сложившихся обстоятельствах, принимая во внимание и то, что я сегодня работала до позднего вечера, ты мог бы заказать мне еще и бутылочку красного кьянти — к бифштексу и булочке с чесноком.

— Что ж, договорились, — сказал Мейсон. — И позвони перед уходом мистеру Мортимеру Херши, сообщи ему, что мы сможем приехать к мистеру Эддиксу сегодня в девять тридцать вечера.

— Может быть, если он еще не ужинал, посоветовать ему съесть немного чеснока, чтобы, учитывая сложившиеся обстоятельства, он мог получить большее удовольствие от общения с нами?

— Нет, — сказал Мейсон, — мы не настолько хорошо его знаем.

— Но ведь узнаем? — спросила она.

— О, несомненно, — пообещал с улыбкой Мейсон, — но он никакого удовольствия от этого не получит.

Мейсон плавно затормозил перед коваными железными воротами, сквозь прутья которых виднелась широкая дорожка, усыпанная гравием.

Охранник, с большой шерифской звездой на груди, мощным электрическим фонарем в руке и револьвером в кобуре, прицепленной к набитому патронташу, стоял сразу за воротами.

Яркий луч фонаря осветил салон автомобиля.

Мейсон опустил стекло.

— Что вам здесь нужно? — спросил охранник.

— Во-первых, — ответил Мейсон, — мне нужно, чтобы вы не слепили мне глаза фонарем.

Луч скользнул в сторону, затем фонарь погас.

— А во-вторых, мне нужно видеть Бенджамина Эддикса, — продолжал Мейсон.

— А я хочу знать, — пробурчал охранник, — нужно ли Бенджамину Эддиксу видеть вас.

— Он уверял, что очень нужно.

— Имя?

— Перри Мейсон.

— Ждите здесь, — сказал охранник, — и не вздумайте вылезать из машины. Сидите и ждите, пока я не позвоню в усадьбу.

Он подошел к телефону, спрятанному в углублении одной из квадратных каменных колонн, на которых крепились ворота.

— Здесь живут милые, дружелюбные и очень гостеприимные люди, верно ведь? — сказал Мейсон Делле Страт.

— Ну, это, может быть, вынужденные меры. Место здесь довольно уединенное, и, кроме того, шеф, похоже, мистер Эддикс очень богат. Мне кажется, он должен опасаться воров.

Охранник повесил телефонную трубку и нажал на кнопку — тяжелые ворота на отлично смазанных петлях начали медленно открываться.

Охранник подошел к машине.

— Все в порядке, — обратился он к Мейсону, — мистер Эддикс вас ждет. Поезжайте прямо по этой гравийной дорожке, никуда не сворачивая. Когда подъедете к главному входу — это там, где большие колонны, — остановите машину прямо у каменной лестницы. Вас будут встречать. Машину оставите там. По дороге не останавливаться и из машины не выходить. Все понятно?

— Все понятно, — сказал Мейсон, — хотя меня не слишком-то вдохновляет столь сердечная встреча. А что будет, если мы выйдем из машины?

— Много чего.

— Ну например?

— Ну, вы пересечете, к примеру, невидимые лучи сигнализации, а как только вы это сделаете, тут такое начнется, что вы и представить себе не можете! Вой сирен, прожектора. Кроме того, автоматически откроются двери собачьего питомника и сторожевые собаки будут выпущены на волю. Только потом не говорите, что я вас не предупреждал. Если вам хочется поэкспериментировать, то вперед — можете проверить сами.

Охранник вернулся на пост.

Мейсон повернулся к Делле Страт.

— Мне кажется, мистер Эддикс превосходно организовал свою защиту. Недостаток гостеприимства он, похоже, решил компенсировать прекрасной технической организацией.

Адвокат переключил передачу, и машина скользнула в ворота. Под шинами шуршал гравий широкой, плавно изгибающейся дорожки; неискушенному наблюдателю казалось, что

ухоженная территория вокруг представляет множество возможностей для уединения.

Через несколько мгновений перед ними возникли смутные очертания огромного каменного дома, смягченные выюющимся то тут, то там плющом.

— Да, — сказал Мейсон, — перед нами типичный образец элегантной архитектуры федеральной тюрьмы.

Он затормозил у ступенек парадного входа.

Каменное крыльце было залито ослепительным светом. Где-то позади захлебывались диким лаем собаки.

Мейсон заглушил мотор, выключил фары и, открыв дверцу, пошел вокруг машины, чтобы помочь выйти Делле. Она, не дожидаясь его, сама распахнула дверцу и быстро взбежала наверх по ступенькам каменной лестницы.

Огромная дверь особняка отворилась, и появился Натан Фэллон.

— Добро пожаловать в Стоунхендж, — поприветствовал он гостей.

— Стоунхендж? — удивленно переспросила Делла Страт.

— Да, именно так называется особняк, — ответил Фэллон, — он довольно большой, мисс Страт. Здесь достаточно места для удовлетворения всех потребностей мистера Эддикса — для приема гостей, для работы, для экспериментов с животными.

— Да, кстати, а с какой целью проводятся эксперименты, о которых вы упомянули? — спросил Мейсон.

Натан Фэллон больше не пытался демонстрировать любезность. Он перестал улыбаться и молча посмотрел на Мейсона сквозь толстые линзы своих очков.

— Не ваше дело, — отрезал он.

На мгновение воцарилась тишина, затем Натан Фэллон сделал шаг назад и жестом пригласил их войти.

— Прошу вас, — произнес он.

Они вошли в гостиную, в могучем тяжеловесном убранстве которой варьировался все тот же мотив федеральной тюрьмы.

Справа в дверях отдернулась портьера — там стоял, наблюдая за ними, худощавый человек.

У него были серо-голубые, абсолютно ничего не выражавшие глаза такие большие, что, когда он моргал, веки, казалось, опускались неестественно медленно, как у совы. Затем, когда огромные выпуклые глаза вновь открывались, они напоминали объективы двух фотоаппаратов, снимающих все происходящее на пленку.

— Добрый вечер, — произнес мужчина, неуловимой интонацией ясно дав понять, что это не обычное приветствие, а утомительная пустая формальность.

— Разрешите представить вам мистера Мортимера Херши, — сказка Натан Фэллон, — менеджера мистера Эддикса.

— Если я правильно понял, — произнес Херши, — это мисс Страт, а в данный момент я имею честь беседовать с мистером Перри Мейсоном?

— Совершенно верно.

— Прошу вас, проходите.

Он провел их в комнату, которая оказалась своего рода гибридом библиотеки и громадного офиса.

Посреди комнаты стоял массивный стол длиной добрых пятнадцать футов. Вдоль одной из его сторон были выстроены удобные кожаные кресла.

Однако, как бы ни был огромен стол, сами размеры комнаты были таковы, что он не доминировал над окружающей обстановкой. Три стороны комнаты занимали книжные шкафы. Над ними висели полотна, изображавшие сражающихся рыцарей.

На некоторых картинах закованные в латы всадники, наклонившись вперед с копьями на изготовку, атаковали друг друга. На других были изображены пешие рыцари, сошедшиеся в рукопашном бою, или тяжело вооруженные всадники, нападавшие на пехотинцев; на каких-то – лучники, выстроившись в боевой порядок, выпускали из длинных луков стрелы, дрожавшие в полете от собственной тяжести и неумолимой энергии движения и устремлявшиеся в сторону группы тяжеловооруженных рыцарей; кони ржали, агонизируя среди тел убитых пехотинцев и рыцарей, сжимавших алые от крови мечи и щиты.

По всей комнате стояли большие кожаные кресла, в которых можно было устроиться с чрезвычайным комфортом. Перед каждым таким креслом имелась скамеечка для ног, а сбоку – неяркая лампа для чтения. Сама комната была освещена ровным светом скрытых ламп.

– Прошу вас, присаживайтесь, – пригласил их Херши и, проводив к столу, устроил так, что Мейсон и Делла Страт сели с одной стороны, а Натан Фэллон и сам Херши – с другой.

– А теперь, – проговорил Херши, осторожно подбирая слова, – я хотел бы, мистер Мейсон, принести вам извинения от имени мистера Эддикса.

– За что?

– За то, что вас недооценили.

– Вы имеете в виду, что меня недооценил мистер Эддикс?

– Нет – Фэллон, – сказал Херши, неторопливо повернулся и, медленно подняв веки, в упор взглянул на Фэллона.

В его оценивающем взгляде было что-то нарочито презрительное, но на губах Херши застыла все та же улыбка.

Он снова повернулся к Мейсону.

– Отлично, – сказал Мейсон, – сначала меня недооценили, затем мне принесли извинения. Никакой нужды, впрочем, в этих извинениях не было.

– Ну разумеется.

Мортимер Херши выдвинул ящик стола, извлек оттуда пачку купюр и принял нарочито медленно отсчитывать, пока перед ним не оказалось тридцать новеньких, хрустящих стодолларовых банкнот.

– Это за что? – спросил Мейсон.

– За дневники и фотографии, – ответил Херши.

– И для чего они вам нужны?

– Их хочет получить мистер Эддикс. Само собой разумеется, мистер Мейсон, вы должны понимать: мистер Эддикс никогда не подтвердит, что уплатил такую сумму за эти документы, а значит, и у вас не возникнет надобности в этом признаваться.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду вот что, – сказал Херши. – В бухгалтерских книгах мистера Эддикса не будет указано, что вам выплачены три тысячи долларов. В отчетности мистера Эддикса будет значиться, что вам возместили расходы в размере пяти долларов, потраченных вами. Остальные три тысячи долларов будут носить характер подарка, сделанного вам мистером Эддиксом. Таким образом, не будет никакой необходимости уплачивать с этой суммы налоги. Я ясно выражаюсь?

– О, вполне, – сказал Мейсон, – единственное, чего я не понимаю, так это нетерпения мистера Эддикса заполучить себе фотографии и дневники.

– У него есть на то свои причины.

– Вы знаете, – сказал Мейсон, – мне предпочтительнее было бы обсудить этот вопрос лично с мистером Эддиксом. Я полагал, что еду на встречу с ним. Только ради этого я сюда приехал.

– Мистер Эддикс просил передать вам свои извинения. Он нездоров.

Мейсон покачал головой.

— Я приехал сюда, чтобы встретиться с Бенджамином Эддиксом. Вы утверждаете, что он нездоров и не может сюда прийти. А я еще раз повторяю вам, что приехал специально ради встречи с ним. И хочу говорить с ним лично.

— Если вы настаиваете, — сказал Херши, — то не сомневаюсь, что мистер Эддикс согласится поговорить с вами. Но, как бы то ни было, могу заверить вас, мистер Мейсон, что это предложение окончательное. Мистер Эддикс не добавит ни цента. Вам остается или принять его, или отклонить.

— Прекрасно, — тут же ответил Мейсон, — я его отклоняю.

— Вы слишком уж поспешно отклоняете серьезные предложения, — сказал Херши.

— Ну, если вы предпочитаете, чтобы я сформулировал отказ более дипломатично, — с улыбкой проговорил Мейсон, — то я вынужден констатировать следующее: исходя из того факта, что я нахожу дневники в высшей степени интересными, а также принимая во внимание тот факт, что в них, как мне кажется, содержится ключ к разгадке одной тайны, я не имею ни малейшего желания с ними расставаться.

— Ключ к разгадке тайны?

— Ключ к разгадке тайны, — подтвердил Мейсон.

— К разгадке какой тайны, позвольте вас спросить?

— Спросить я вам, конечно, позволю, — сказал Мейсон, — а вот отвечать не стану. Ответ на этот вопрос я приберегу лично для мистера Эддикса.

— Видите ли, мистер Мейсон, это причинит мистеру Эддиксу определенные неудобства, но тем не менее я охотно передам ему ваши слова. И я нисколько не сомневаюсь в том, что он захочет лично с вами встретиться. Подождите, пожалуйста, одну минуту.

Херши повернулся и посмотрел на Фэллона.

Натан Фэллон подскочил в кресле словно от удара током, быстрым широким шагом пересек комнату и скрылся за занавешенной дверью.

Херши взглянул на три тысячи долларов, в сотенных купюрах, сложил их в соблазнительного вида пачку и протянул Мейсону. Тот отрицательно покачал головой.

Херши открыл ящик стола, бросил деньги обратно, задвинул ящик и, сложив руки перед собой на столе, замер в полной неподвижности.

Через мгновение тяжелые портьеры в дальнем углу комнаты раздвинулись, и коренастый широкогрудый мужчина, прихрамывая и тяжело опираясь на палку, вошел в комнату. Лицо его было забинтовано, а глаза скрывались за темными очками. Забинтована была почти вся правая сторона лица и часть левой. Слева повязка была закреплена на чисто выбритой коже кусочком пластиря, однако было заметно, что под бинтом, там, где кончалась выбритая щека, росла иссиня-черная борода.

Лицо под повязкой разглядеть было трудно, но челюсть казалась довольно тяжелой, а низкий лоб венчала копна черных, коротко остриженных волос.

— Мистер Бенджамин Эддикс, — представил его Херши.

Кивнув, Эддикс сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте! Прошу прощения, я не вполне здоров.

В сопровождении Натана Фэллона он прохромал через всю комнату и протянул руку.

— Мистер Перри Мейсон, — представил Херши.

— Рад видеть вас, мистер Мейсон. Много слышал о вас. Следил по газетным отчетам за несколькими вашими процессами.

— А это мисс Страт, секретарша мистера Мейсона, — продолжал Херши.

— Добрый вечер, мисс Страт. Очень рад вас видеть. Прошу прощения, я весь перебинтован.

Я, знаете ли, занимаюсь экспериментами с животными, а это не всегда благоприятно отражается на здоровье. – Забинтованное лицо исказилось кривой ухмылкой. – Одна из этих чертовых горилл, – Эддикс говорил с трудом из-за мешавшей ему повязки, – схватила меня за пиджак, когда я слишком близко подошел к ее клетке, и не успел я его скинуть, как она дернула меня за руку и потащила к решетке. Я рванулся назад и попытался высвободиться, пнув ее, но она крепко стиснула мою ногу, да еще оцарапала меня и поставила несколько синяков. В общем ничего страшного, но вид у меня теперь не слишком представительный.

Он отодвинул кресло и, болезненно поморщившись, неловко уселся в него.

– Горилла, – пояснил Натан Фэллон, – намеревалась схватить мистера Эддикса за горло. Если бы ей это удалось, своими могучими пальцами она просто сломала бы ему шею.

– Перестаньте, – нетерпеливо перебил его Эддикс. – Вы всегда торопитесь делать выводы, не имея достаточно данных, словно какая-нибудь выжившая из ума старуха. Я не думаю, что горилла пыталась схватить меня за горло. Не могу утверждать наверняка, но, по-моему, она тянулась за моим галстуком. – Он повернулся к Мейсону и пояснил: – Все гориллы таковы. Они сами не свои становятся, если им захочется завладеть чем-нибудь из одежды, например свисающим галстуком. Если вы подходите слишком близко, они могут дотянуться сквозь прутья решетки и схватить вас за него. Но, разумеется, если у гориллы появятся злые намерения, то она становится очень опасной.

– Вы сознательно подвергаете себя такому риску? – спросил Мейсон.

– Я занимаюсь научными исследованиями, – ответил Эддикс, – и должен выяснить, насколько глубоко инстинкт убийства укоренен в сознании высших приматов.

– Похоже, – заметил Мейсон, – вы были недалеко от того, чтобы это выяснить.

– Я инстинктивно отшатнулся назад, – сказал Эддикс. – Черт побери, но на мгновение и мне показалось, что она хочет схватить меня за горло. Однако, как следует поразмыслив над этим впоследствии, я не могу исключить возможность того, что она пыталась вцепиться в мой галстук. Для них это совершенно естественно, знаете ли, а эта просто оказалась особенно ловкой. Гориллы – крупные животные, но могут двигаться молниеносно, мистер Мейсон, просто молниеносно.

– Я все прекрасно видел, – сказал Фэллон, – и у меня нет абсолютно никаких сомнений, что она пыталась схватить вас за горло, Бенни.

– Ну, честно говоря, мне действительно пришлось довольно туго, согласился Эддикс. – Я на какое-то мгновение ошеломил ее, пнув ногой и оперевшись о решетку. А тут подоспел Натан, закричал на нее и замахнулся дубинкой.

– Похоже, – сказал Мейсон, – что ваши эксперименты обречены на неудачу – вы не сможете сделать окончательного вывода, пока горилла и на самом деле не убьет кого-нибудь.

Эддикс пристально посмотрел на него и пожал плечами.

– По-моему, вы не совсем правильно поняли, чем я занимаюсь, мистер Мейсон, и, честно говоря, я не считаю нужным пускаться в разъяснения. Меня прежде всего интересует проблема гипноза. Кому-то, может быть, это не нравится, но мне, черт побери, плевать. Это мои гориллы. Я их купил, и они принадлежат мне.

– У меня есть некоторые сомнения, – возразил Мейсон.

– На что вы намекаете?

– Вы можете физически владеть гориллами, – объяснил Мейсон, – но с моральной точки зрения, я думаю, человек не может быть хозяином живого существа. Животное имеет право на полноценное существование в силу самого феномена жизни.

– Вы юрист. Я владею ими на законных основаниях, и вы должны с этим согласиться.

– Я говорил о моральном аспекте проблемы, о моральной собственности.

— Дайте мне в физическое владение что-нибудь запертое в клетке за железной решеткой и дайте мне бумагу, что я это купил, и можете оставить себе вашу моральную ответственность. А что касается меня, я в полном соответствии с законом буду распоряжаться своей собственностью.

— Вы хотели со мной для чего-то встретиться? — спросил Мейсон.

— Да, хотел, а теперь не хочу.

— И что заставило вас изменить свое намерение?

— Вы сами. Вам предложили три тысячи долларов за дневники. Вы отказались. Отлично. Если вы решили действовать таким образом, мы принимаем правила игры. Предложение аннулируется. Цена теперь снова прежняя — пять долларов. Вам ясно?

— Ясно. Деньги остаются у вас, дневники — у меня.

— Давайте говорить начистоту, Мейсон. Вы ловкий адвокат. Но и я парень не промах. Если вы дадите дневники газетчикам и начнете раздувать историю с гибелью Элен, я вас просто сломаю.

Мейсон встал.

— Стращайте такой болтовней своих служащих, — сказал он. — По-моему, это еще одно свидетельство того, что вы сами перепуганы. Пойдем, Делла.

Они вышли из комнаты в сопровождении трех мужчин.

В холле Мейсон повернулся к Делле.

— Не могла бы ты мне помочь, Делла?

— Что вам взбрело в голову? — с подозрением спросил Эддикс.

— Хочу взглянуть, что лежит в этой каменной урне.

— А с чего вы взяли, что там что-то лежит?

Мейсон холодно улыбнулся.

— Узнал из дневников.

— Натаан, опустите-ка с Мортимером эту урну. Переверните ее. Покажите Мейсону, что там ничего нет.

Они сняли с постамента большую каменную урну и осторожно опустили ее на пол.

Натаан Фэллон посветил в глубину урны карманным фонариком. В то же мгновение она осветилась изнутри тысячами переливающихся бликов.

— Боже мой! — воскликнул Фэллон. — Да там огромный бриллиант, Бенни.

— Достаньте его, — отрывисто приказал Эддикс.

Фэллон полез рукой в урну, но не смог дотянуться до дна.

— Сейчас я сниму пиджак, — сказал он, — да и то не знаю, достану ли.

— Нужно перевернуть урну вверх дном, — сказал Эддикс. — Беритесь-ка за нее и переворачивайте. Поглядим, что там за чертовщина внутри.

Они схватили урну за верхний край, опрокинули ее набок, затем медленно приподняли дно. Первым выкатилось большое кольцо с бриллиантом.

— Мой бриллиант! — воскликнул Эддикс.

Вслед за кольцом по гладкой внутренней поверхности урны выскоились платиновые часы.

Фэллон схватил их.

— Приподнимите-ка еще, — сказал Мейсон.

На пол выкатилась целая коллекция ювелирных изделий, монеты, бумажник, колода карт, пудреница.

— Вот это да, черт бы меня побрал! — воскликнул Эддикс.

Мейсон холодно сказал:

— В дневнике написано, что одна из обезьян, Пит, иногда озорничала и у нее появилась привычка хватать предметы, особенно те, которые, по ее мнению, ценила Элен Кэдмас, и прятать их в эту урну.

— Так вот в чем дело! — Эддикс был озадачен.

Мейсон твердо взглянул ему в единственный открытый глаз.

— Насколько мне известно, послезавтра состоится судебный процесс по иску Джозефины Кемптон, обвиняющей вас в диффамации.

— Ах вот оно что! — произнес Эддикс.

— А! — воскликнул Фэллон. — Вот теперь все стало ясно. Теперь понятно, почему сам великий Перри Мейсон заинтересовался вдруг дневниками Элен Кэдмас. Вот теперь, Бенни, все встало на свои места.

Эддикс, быстро взглянув на Фэллона, оборвал его:

— Заткнись!

Затем он повернулся к Мейсону:

— Вы умны. Я люблю умных людей. Что вы в связи с этим собираетесь предпринять?

— Ничего, — ответил Мейсон.

— А вот ты, Бенни, что теперь собираешься делать? — поинтересовался Натаан Фэллон.

Эддикс подобрал часы и принял вертеть их в руке.

— Абсолютно ничего, и сильно сомневаюсь, черт побери, что ты сможешь что-нибудь придумать.

— Мейсон все это спланировал заранее. Он подстроил нам искусственную ловушку, — продолжил Фэллон.

— Придержите язык, — сказал Мейсон. — За такие слова можно ответить, Фэллон. Выбирайте выражения.

— Мне незачем выбирать выражения, — сердито ответил Фэллон. — Когда вы проходили через холл в первый раз, вы подбросили вещи в каменную урну, а потом придумали историю с обезьянкой, которая якобы спрятала их.

— Я не приближался к урне, — возразил Мейсон.

— Вы прошли как раз мимо нее.

— Вы все это время были здесь со мной.

— Я повернулся спиной. Я направлялся в другую комнату.

— Фэллон, — сказал Мейсон, — взгляните-ка мне прямо в глаза.

Фэллон посмотрел на него.

— Вы лжец, черт бы вас побрал, — сказал Мейсон.

Фэллон сжал кулаки, но затем, поразмыслив получше, решил, похоже, не реагировать.

— Подождите, подождите, — сказал Эддикс, — все произошло слишком уж стремительно. Мне нужно сначала как следует разобраться со всем этим. Херши, вам я доверяю. С того места, где вы стояли, вам было видно, как Мейсон проходил мимо урны?

— Он не проходил рядом с ней, — сказал Херши. — Он взглянул на нее, но близко к ней не подходил и не мог ничего в нее подбросить. Да вы и сами видите, что все эти вещи покрыты толстым слоем пыли. Они лежат там уже давно.

— Это ваш главный недостаток, Фэллон, — сказал Эддикс. — Вечно вы, складывая два и два, получаете шесть, а потом еще пытаетесь убедить меня, что это и есть правильный ответ. Черт возьми, из-за вас мы чуть не влипли в историю. Сядьте и заткнитесь.

В холле резко зазвонил телефон.

— Какого еще черта? — сказал Эддикс и повернулся к Фэллону: Возьмите трубку.

Фэллон снял трубку:

— Алло, Натан Фэллон у телефона... Кто?.. Хм, мистер Эддикс не договаривался с ним о встрече... Подождите минутку.

— Тут такое дело, — сказал Фэллон Эддиксу. — Приехал ваш юрист, Сидней Хардвик. Он там, за воротами.

— Я не могу его принять, — сказал Эддикс, — я определенно не в состоянии больше подвергать свои нервы испытаниям и не собираюсь сегодня никого больше видеть. К черту его. Я с ним не договаривался о встрече.

— Но он говорит, что это очень важно, — сказал Фэллон. — Что будем делать? Мы не можем просто прогнать его от ворот.

Эддикс повернулся к нему:

— Кто ты такой, чтобы указывать мне, что я могу делать, а чего не могу, а, Фэллон? Я вытащил тебя из деръма и в конце концов засуну тебя туда обратно. Я сказал, что не собираюсь принимать Хардвика, и так оно и будет. Мне наплевать, важно это или неважно.

Эддикс прихрамывая вышел из комнаты, затем вдруг вернулся и появился на мгновение в дверях.

— Вы чертовски умно разыграли ваши карты, Мейсон, — сказал он. Спокойной ночи.

Мортимер Херши со значением поглядел на Фэллена:

— Вам придется самому позаботиться о Хардвике, Натан.

Фэллон приказал в трубку:

— Открывайте ворота. Сидней Хардвик может приезжать в любое время. Он повесил трубку и сказал: — Я попросил бы вас задержаться здесь на минутку, мистер Мейсон. Я сожалею, что вел себя неподобающим образом. Я пытался защитить интересы Бенни. Вы видели, какова его благодарность.

Мейсон, склонившись над вещами, выкатившимися из урны, обратился к Делле Страт:

— Составьте список всех предметов, находившихся в урне, Делла.

— Ничего не трогайте, — предупредил Фэллон. — Не смейте ни до чего дотрагиваться. Я вас предупредил.

— Я ничего не трогаю, — ответил ему Мейсон, — я только смотрю. У вас есть возражения против этого?

Фэллон помедлил мгновение, затем ответил:

— Теперь на вопросы будет отвечать Хардвик. С меня на сегодня разговоров уже хватит. — Он открыл входную дверь. — А вот и мистер Хардвик. Входите же, входите!

Хардвик, высокий, худой мужчина лет шестидесяти, с длинным носом, острым подбородком, густыми бровями и проницательными серыми глазами, задержался в дверях, пожимая руку Фэллону. С дужки его очков очень заметно свисала черная лента. В правом ухе у него был слуховой аппарат.

— Здравствуйте, Фэллон, — сказал он. — Как себя чувствует сегодня Бенни?

— Бенни не совсем здоров, — ответил Фэллон, — и не может вас принять.

— Что? — воскликнул в изумлении Хардвик. — Не может принять меня? Но это очень важно. Я уже говорил ему о возникших затруднениях, из-за которых нужно, чтобы его завещание...

— Есть вещи и поважнее, — сказал Фэллон со значением, ткнув большим пальцем в сторону Перри Мейсона и Деллы Страт. — У нас тут маленькая неприятность.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хардвик, только сейчас обратив внимание на Мейсона и Деллу Страт.

— У нас небольшой конфликт с законом, — пояснил Натан Фэллон. — Это Перри Мейсон.

— А ведь верно, черт бы меня побрал, — сказал Хардвик. Лицо его осветилось улыбкой. Он подошел и, протянув свою сильную костлявую руку, обменялся с Мейсоном сердечным

рукопожатием.

— Мисс Делла Страт, моя секретарша, — представил Мейсон.

Хардwick поклонился:

— Я так рад познакомиться с вами, мисс Страт. Ну-ну, Мейсон, а вас что сюда привело?

— Я приехал сюда, — сказал Мейсон, — по просьбе мистера Эддикса, и совершенно по другому поводу. Как вам объяснит мистер Фэллон, мы просто обнаружили данные, свидетельствующие, что якобы имевшие место случаи воровства, приписываемые миссис Джозефине Кемптон, экономке, на самом деле были совершены обезьяной.

Улыбка мгновенно пропала с лица Хардwickа. С застывшим выражением профессиональной серьезности он повернулся к Фэллону.

— Как это произошло, Натан? — спросил он.

— Мистер Мейсон приехал сюда, чтобы встретиться с Херши и со мной совершенно по другому поводу. Мы предложили ему урегулировать один финансовый вопрос.

— По какому поводу? — резко спросил Хардwick, и его вопрос прозвучал как удар хлыста.

— По поводу дневников Элен Кэдмас.

— Я видел фотографию Мейсона в газете в связи с этой историей, сказал Хардwick. — Это и есть вторая причина, по которой я хотел переговорить с мистером Эддиксом.

— Мы предложили ему за них деньги.

— Сколько?

— Три тысячи.

— И что?

— Он отказался.

Хардwick нахмурился и повернулся к Мейсону:

— В самом деле, господин адвокат? А я-то полагал, что вы будете рады отдать эти дневники кому угодно, лишь бы вам возместили затраты на их приобретение.

— Если бы они были хоть немного сдержаннее, я отдал бы им дневники, сказал Мейсон. — Но они были до смерти перепуганы, и мне захотелось узнать, по какой причине.

— Мы всего лишь опасались возможной огласки, — сказал Херши.

Мейсон не стал возражать Херши, но его холодная скептическая улыбка была достаточно красноречива.

Херши закрыл глаза.

— Продолжайте, — сказал Хардwick.

Натан Фэллон сообщил некоторые подробности:

— После знакомства с этими дневниками Мейсону пришла в голову мысль заглянуть в каменную урну здесь, в холле. Вы сами видите, что мы там нашли. Все лежит на полу. Бенни взял уже бриллиантовое кольцо, но здесь еще и платиновые часы, пудреница, кое-что из драгоценностей, битком набитый бумажник — вероятно, с деньгами. Собственно говоря, я думаю, что это мой бумажник.

Хардwick подошел и взглянул на разложенные на полу находки.

— Подождите минутку, насчет бумажника я сейчас вам точно скажу, пообещал Фэллон.

Он нагнулся, поднял бумажник, раскрыл его и с улыбкой продемонстрировал Хардwickу пластинку со своим именем, прикрепленную внутри.

— Ну точно, — сказал он, — мой. Он пропал некоторое время назад.

— Сколько в нем денег? — спросил Хардwick.

— Когда я его потерял, там было тридцать два доллара, — ответил Фэллон. Он заглянул внутрь бумажника, сказал: — Все в порядке, — и поспешно засунул его в карман.

— Лучше пересчитайте-ка и убедитесь, что ничего не пропало, предложил Мейсон.

Фэллон холодно взглянул на него:

- Все на месте.
- Это осложняет ситуацию, – произнес Хардwick. – Мейсон, а вам-то что до всего этого?
- Меня это заинтересовало.
- Я понимаю, но с какой стати? Кто вас нанял?
- Никто, – сказал Мейсон и добавил: – По крайней мере, на данный момент.
- Ну тогда, – сказал Хардwick, – в связи с этим есть одно заманчивое предложение. При сложившихся обстоятельствах, я полагаю, мистер Эддикс наймет вас помогать мне в том процессе, который должен состояться послезавтра. Процессе, в котором, возможно, удастся... Однако, я думаю, мы обсудим с вами юридические аспекты после того, как будет заключен контракт.

– Сожалею, – сказал Мейсон, – но я не приму подобное предложение со стороны мистера Эддикса.

– Вы намекаете, что вас наняла миссис Кемптон?

– Не совсем так, – сказал Мейсон. – Мне довелось узнать кое-что об этом деле, и я беседовал с ее адвокатом.

– Отлично, – сказал Хардwick. – Давайте будем откровенны, мистер Мейсон. Не говорите ничего миссис Кемптон или ее юристам до того, как нам удастся достичь с ней соглашения.

Мейсон улыбнулся и покачал головой.

– Вы хотите сказать, что собираетесь поделиться с ними информацией?

– Я хочу сказать, что собираюсь сообщить Джеймсу Этне из фирмы «Этна, Этна и Дуглас» о записи в дневнике и о нашей находке.

– Это ни к чему хорошему не приведет, – сказал Хардwick. – От этого будет только вред. Мейсон пожал плечами.

– Давайте непредвзято рассмотрим проблему с точки зрения закона, продолжал Хардwick. – Есть только два случая, когда человек, обвинивший другое лицо в совершении преступления, не несет никакой ответственности. Первый случай – это если данное лицо действительно виновно в совершении преступления. Закон о клевете в нашей стране отличается от аналогичных законов многих других стран. У нас соответствие истине является бесспорным оправданием для заявлений, которые иначе могли бы квалифицироваться как клеветнические или оскорбительные.

– Благодарю вас за юридическую консультацию, – сказал Мейсон.

Хардwick улыбнулся:

– Я не собираюсь вас консультировать. Я обращаю ваше внимание на сложившуюся ситуацию – как она выглядит с точки зрения закона. И второй тип случая, мистер Мейсон, – это добросовестное заблуждение. Теперь предположим, что мистер Эддикс обвиняет Джозефину Кемптон в совершении преступления. У него может быть два оправдания. В том случае, если она виновна в совершении преступления, он может доказать Суду свою правоту и это будет для него исчерпывающим оправданием. В том случае, если она не виновна в совершении преступления, а он утверждал, что виновна, ему требуется лишь доказать, что его заблуждение было добросовестным. Другими словами, что он был искренне убежден в своей правоте, давая подобную информацию третьему лицу, проявившему законный интерес к этому делу. Это полностью снимает обвинение в диффамации.

Мейсон потянулся, зевнул и сказал:

– Я не имею ни малейшего желания обсуждать юридические вопросы, пока мне за это не заплатили. Меня ведь еще никто не нанял, и мне почему-то кажется, что и не наймет.

– Конечно, мистер Мейсон, – сказал Хардwick, – обстоятельства сложились так, что вы

попали в довольно странную ситуацию. Если я правильно вас понял – вы впервые заподозрили, что упомянутые предметы могут находиться в каменной урне, когда прочитали записи в дневнике Элен Кэдмас?

– Совершенно верно.

– Записи были сделаны ее собственной рукой?

– Честно говоря, господин адвокат, я не знаю.

– Само собой разумеется, что такого рода записи не могут быть серьезным доказательством, – сказал Хардwick. – Суд не сможет всерьез их рассматривать. Это просто слова, написанные рукой Элен Кэдмас. Они могут оказаться заранее подготовленным самооправданием.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Мейсон.

– Она ведь могла сама взять эти вещи и спрятать их в урне, а затем специально сделать запись в дневнике – чтобы в случае, если попадет под подозрение, она могла бы сослаться на свой дневник. Запись должна была бы подтвердить ее заявление о том, что вещи прятала обезьяна. Ну, Мейсон, ведь совершенно ясно, что мне не нужно вам объяснять, как она могла подготовить для себя оправдание.

– Я не думаю, что вам вообще нужно что бы то ни было мне объяснять, сказал Мейсон.

Хардwick повернулся к Натану Фэллону:

– Я полагаю, нам лучше обсудить этот вопрос с мистером Эддиксом.

– Он просил передать вам, что не сможет вас принять, – непреклонно заявил Фэллон. – Он ранен. Вчера его чуть не убила горилла, которую он дрессировал. Все это произошло на моих глазах.

Хардwick нахмурился.

– Ну что ж, Натан, я думаю, что нет никакой необходимости задерживать мистера Мейсона и мисс Страт. Насколько я понял, они собираются уходить.

– Да, верно.

– Спокойной ночи, – отрывисто сказал Хардwick, пожиная руку Мейсону и поклонившись еще раз Делле Страт.

– Я позвоню привратнику, – сказал Фэллон, – чтобы он вас выпустил, мистер Мейсон. Полагаю, нeliшним будет предупредить вас, чтобы вы ехали прямо по дороге к воротам. Не останавливайтесь и, упаси боже, не выходите из машины. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказал Мейсон.

Машина Мейсона проехала сквозь большие железные ворота. Поглядывавший с подозрением охранник стоял наготове. Едва машина миновала каменные колонны, массивные ворота тяжело повернулись на шарнирах и со скрежетом захлопнулись. Лязгнул железный засов.

Мейсон прибавил газ.

- Да, ну и дела, – сказала Делла Страт.
- Многовато хлопот для одного вечера, – согласился Мейсон.
- А сейчас чем мы займемся?..

– Сейчас нам предстоит сделать несколько важных дел, – ответил Мейсон. – И самое первое – нужно попробовать связаться с Джеймсом Этной. Будем надеяться, что он еще не спит. Здесь должна быть аптека с телефонной будкой... Примерно через полмили, насколько я припоминаю.

Мейсон прибавил скорость.

– Ты не обратил внимание на какой-то специфический затхлый запах в этом доме? – спросила Делла Страт. – Что-то напоминающее... Я не могу понять, что имение, и все же у меня до сих пор мурашки по коже от этого.

- Аромат зоопарка, – пояснил Мейсон. – Это запах животных, которых держат в клетках.
- У меня до сих пор от этого гусиная кожа, – сказала она со смехом.

– От одного вида этого дома мурашки по коже побегут, – усмехнулся Мейсон. – Хотел бы я знать побольше о Бенджамине Эддиксе, но, в конце концов, нас это не касается, Делла. Мы окажем добрую услугу Джеймсу Этне, и с нас довольно.

Он подрулил к аптеке. Делла Страт набрала номер домашнего телефона Джеймса Этны, поговорила с минуту, затем кивнула Мейсону и сообщила:

– Все в порядке, они еще не легли спать. Я говорила с его женой. Он только что приехал из офиса. – Услышав в трубке ответ, она сказала: Мистер Этна, это секретарша мистера Мейсона. Подождите секундочку, пожалуйста.

Она встала и уступила место Мейсону. Тот устроился в телефонной будке поудобнее.

– Прошу прощения, что беспокою вас так поздно, мистер Этна, но причиной тому некоторые довольно необычные обстоятельства. Речь идет о том, что адвокаты Эддикса должны связаться с вами и попытаться прийти к компромиссу. Я подумал, что, принимая во внимание любезность, оказанную вами некоторое время назад, я должен поставить вас в известность о том, что произошло.

– Эддикс не пойдет на компромисс, – сказал Этна, и по его голосу слышно было, что он утомлен долгой ночной работой в офисе. – Он из тех твердолобых людей, которые всегда дерутся до последнего, лишь бы было с кем драться, и это может затянуться надолго. Он уверяет, что до сих пор и пятицентовика не уплатил по судебным искам и не собирается платить и в дальнейшем.

– А сейчас он выложит пятицентовик, никуда не денется, – сказал Мейсон. – Имеется в виду, что, скорее всего, Сидней Хардwick свяжется с вами в ближайшие пять минут или, по крайней мере, как только вы откроете свою контору завтра утром – и предложит вам пойти на компромисс.

– Что случилось?

– Они нашли платиновые часы и перстень с большим бриллиантом, которые, как считал Эддикс, были украдены миссис Кемптон.

– Черт побери, да неужели?! – торжествующе воскликнул Этна.

– Это точно.

– Где они были и как им удалось их найти?

– Собственно говоря, – сказал Мейсон, – это я их нашел.

– Вы?

– Ну да. Я пролистывал дневники Элен Кэдмас и обратил внимание, что она упомянула место, куда одна из самых озорных обезьян имела обыкновение прятать всякие безделушки, особенно если эти безделушки, по ее мнению, нравились Элен Кэдмас. И когда я приехал к Эддиксу по его приглашению, я сказал ему, что неплохо было бы взглянуть в это укромное местечко.

– И что это за место?

– Каменная греческая урна в холле.

– Так, так! – воскликнул Этна. – Это же совершенно меняет ситуацию. Собственно говоря, Мейсон, именно это меня больше всего и беспокоило. Я не мог быть абсолютно уверен в моем клиенте. Я, конечно, верил, что она невиновна, но, в конце концов, все улики, я имею в виду улики, свидетельствующие о том, что она могла в принципе взять эти вещи, были в полном распоряжении противной стороны. Вы знаете, как оно бывает. Они могли представить любое количество косвенных улик, доказывающих, что у Эддикса были, по меньшей мере, серьезные основания полагать, что вещи взяла она. Тогда мне пришлось бы защищаться в течение всего процесса.

– Конечно, – заметил Мейсон, – здесь есть еще одно юридическое затруднение. Как пытался убедить меня Хардвик, ситуация не изменилась в юридическом смысле. Тот факт, что вещи были найдены, не влияет на его аргументы – ведь речь идет о добросовестном заблуждении, и...

Этна ликующее засмеялся.

– Пусть он попытается углубиться во все эти технические подробности, – сказал он. – Если мне не нужно оброняться, то я уж сумею пробиться сквозь их оборону. Я сведу весь случай к простейшей ситуации, Мейсон. Женщина, работающая в поте лица, из кожи вон лезет, чтобы удовлетворить все прихоти миллионера. Миллионер выгоняет ее неожиданно и без какой бы то ни было причины. Впоследствии он обвиняет ее в нечестности, чернит ее репутацию и не дает ей зарабатывать на существование, заявляя, что она украла очень ценное кольцо с бриллиантом и платиновые часы. Затем он находит платиновые часы и кольцо с бриллиантом в своем собственном доме, где они и находились все это время. У моей клиентки нет сбережений, ей не на что жить, и она не может устроиться на работу, а Эддикс мультимиллионер. Ну а теперь прикиньте, как это будет выглядеть перед Судом Присяжных. И мне плевать, черт побери, какие еще технические подробности они выдвинут в свое оправдание. Они попались, и крепко попались.

– Ну, я подумал, что все-таки лучше вас предупредить, – сказал Мейсон.

– Послушайте, мистер Мейсон, это чрезвычайно любезно с вашей стороны. Само собой разумеется, теперь, я полагаю, вы хотите стать моим партнером в процессе. Я еще не подготовил конкретный договор относительно размера гонорара, но, разумеется, та информация, которую вы предоставили...

– Постойте, постойте, – сказал ему Мейсон, – поймите меня правильно. Я не собираюсь быть вашим партнером в деле. Я просто дал вам эту информацию в порядке дружеской услуг.

– Хм... Ну, в таком случае, хоть что-нибудь вам от меня нужно?

– Ничего, – ответил Мейсон, – единственное, чего бы мне хотелось, это чтобы после подписания договора миссис Джозефина Кемpton заглянула ко мне в офис с визитом.

— С визитом?

— Ну да, — сказал Мейсон, — меня заинтересовали обстоятельства таинственной смерти Элен Кэдмас. Мне просто хотелось бы узнать некоторые подробности.

— Миссис Кемптон придет к вам в офис в любое удобное для вас время, торжественно заверил Этна.

— Ну, например, завтра в десять утра?

— Она будет у вас, и я приду вместе с ней. Хочу пожать вам руку и сказать, насколько высоко я ценю полученную от вас информацию, мистер Мейсон. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал Мейсон.

В кабинет вошла Делла Страт и сообщила:

- Шеф, клиент, которому ты назначил встречу на десять часов, уже здесь.
- Мейсон оторвался от бумаг, разложенных у него на столе:
- Миссис Кемптон?

- Совершенно верно. Миссис Джозефина Кемптон и ее адвокат, Джеймс Этна.
- И какое у тебя впечатление о них, Делла?
- В миссис Кемптон есть что-то загадочное. Она худощава, лет примерно пятидесяти и с совершенно непроницаемым лицом – как у игрока в покер. Можно сделать вывод, что жизнь не слишком ее баловала и она привыкла смотреть на все философски.

– А Этна?

– Он просто хороший, энергичный молодой юрист. Он ваш почитатель и не скрывает, что возможность встретиться с вами привела его в сильное волнение.

– Ну что ж, давайте пригласим их, – сказал Мейсон, – и посмотрим, что они смогут нам рассказать.

Делла Страт вышла в приемную и вернулась вместе с посетителями.

Джеймс Этна, мужчина лет тридцати пяти, стремительно бросился вперед и схватил Мейсона за руку.

– Мистер Мейсон, я просто не в состоянии выразить, как много это для меня значит. Должен вам сказать, что, по моему мнению, прошлой ночью вы поступили просто замечательно, просто чудесно. После нашего разговора я осознал это в полной мере.

– Ну что ж, я рад, что смог хоть чем-то помочь, – сказал Мейсон. – А это, как я понимаю, миссис Кемптон?

Миссис Кемптон улыбнулась – улыбка у нее была усталой и мягкой:

– Здравствуйте, мистер Мейсон.

– Вы знаете, что произошло? – продолжал Этна, пуская пузыри от восторга. – Не успели вы повесить трубку, как позвонил Хардвик. Он сказал мне, что хотел бы извиниться за столь поздний звонок, но утром он будет очень занят, а информация, по его мнению, настолько важна, что, несомненно, вызовет у меня интерес.

– Ну, разумеется, – кивнул Мейсон.

– Совершенно верно, а затем он предложил мне пять тысяч долларов, чтобы замять дело, – пять тысяч долларов!

– Вы согласились? – спросил Мейсон, понизив голос, поскольку разговор происходил в присутствии клиентки Этны.

– Неужели я похож на дурака? – воскликнул Этна. – Вчера днем я бы замял дело и за полторы тысячи. Собственно говоря, я бы даже согласился замять дело, взяв с него обещание больше не писать писем, обвиняющих мою клиентку в воровстве, но вчера ночью, зная то, что я знал, я ни за что не принял бы первое же их предложение, даже если бы речь шла о пятистах тысячах долларов.

– Молодец, – одобрил Мейсон. – И что потом?

– Ну, потом он долго запинался и мямлил, пока не увеличил сумму до семи с половиной тысяч.

– А вы?

– Я отказался.

– И что дальше?

– Дальше он прямо спросил, не получил ли я от вас каких-нибудь сведений.

– И что вы ему ответили?

– Я сказал ему правду. Я ответил, что да, действительно, я получил определенные сведения от мистера Мейсона и что мистер Мейсон обещал дать мне знать, если обнаружит что-нибудь еще, представляющее для меня интерес в связи с этим делом.

– И что потом?

– Потом Хардwick сказал: «Отлично. Я, правда, считаю, что у мистера Мейсона нет никакого права вмешиваться в это дело. Я думаю, что все случившееся, если говорить прямо, вовсе его, черт побери, не касалось, но, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства и тот факт, что он уже вмешался, и поскольку мой клиент хочет поступить справедливо, я предлагаю вам двадцать тысяч долларов. Это максимум того, что мы можем вам предложить. В противном случае мы будем до последнего отстаивать тот факт, что речь идет о добросовестном заблуждении и мистер Эддикс искренне полагал, что сведения, сообщенные им, соответствуют действительности».

– И как вы поступили? – спросил Мейсон.

– Я ухватился обеими руками за это предложение, – сказал Этна. – Я ответил, что мы принимаем его.

– Разумно, – одобрил Мейсон. – Я думаю, что Хардwick скорее всего говорил вам правду и это было действительно их окончательное решение.

– Я тоже так прикинул. Ведь с точки зрения закона здесь действительно еще долго нужно разбираться. Возникает множество вопросов – о его искренности, отсутствии или наличии злого умысла, о том, является ли это добросовестным заблуждением, и многое еще чего.

– Да, но как вы сами мне сказали прошлой ночью, раскрыв передо мной все карты, – возразил Мейсон, – когда мультимиллионер, купающийся в деньгах и имеющий возможность удовлетворить любую свою прихоть, опускается до того, чтобы лично преследовать женщину, зарабатывающую свой хлеб трудом и пытающуюся найти хоть какое-то место... Ну, вы же сами знаете, как на это посмотрят присяжные.

– Я, конечно, знаю, а главное, что и Хардwick знает. Я полагаю, что мог бы добиться большей компенсации по приговору Суда, но они вполне могли подать апелляцию, дело передали бы в новый Суд и... в конце концов, нас удовлетворили двадцать тысяч долларов. Верно, Джозефина?

Миссис Кемптон улыбнулась своей терпеливой усталой улыбкой, но смотрела она при этом на Мейсона, а не на своего адвоката.

– Вполне, вполне удовлетворили, – согласилась она.

– Я полагаю, вам нужно знать, – сказал Этна, – что я выставил Джозефине счет на пять тысяч долларов, а пятнадцать остались ей.

– Отлично, – одобрил Мейсон.

– И из этих пятнадцати тысяч некоторую сумму я хочу выплатить вам, сказала миссис Кемптон. – По-моему, я просто должна это сделать. Если бы не вы, мистер Мейсон...

Мейсон покачал головой.

– Но вы ведь много работали, занимаясь этим делом. Вы копались в дневниках, и благодаря вашей догадке...

– Нет, нет, садитесь, пожалуйста, – сказал ей Мейсон. – Давайте-ка сразу перейдем на неофициальный и дружеский тон. Мне не нужно ни цента ни от кого из вас. Я рад, что вам удалось заключить выгодное соглашение. Я полагаю, что это заслуга вашего юриста. Я согласен с мистером Этной, что хотя вы и могли рассчитывать на большее по вердикту присяжных, но если уж вы привлекли бы Эддикса к суду, он сражался бы до последнего – вплоть до самых

высших судебных инстанций. В конце концов, он больше всего боялся оказаться высмеянным в прессе – как богач, не дающий зарабатывать на жизнь простой женщине.

- Я тоже так подумал, – сказал Этна.
- А теперь, – продолжал Мейсон, – и вы можете кое-что сделать для меня, миссис Кемптон.
- Все, что угодно.
- Мне нужно узнать все, что только возможно, об Элен Кэдмас.
- Ну, в общем, она была немногого... я не знаю, как это выразить словами...
- Ничего, рассказывайте, как сумеете. Если я правильно понял, она была немного странной?
- В ее жизни была какая-то страшная сердечная драма, я в этом уверена.
- Вы долго работали с ней вместе?
- По-моему, около двух лет.
- И вас уволили довольно скоро после того, как она исчезла?
- Через два дня.
- Было ли ваше увольнение хоть каким-то образом связано с Элен Кэдмас или ее исчезновением?

Миссис Кемптон покачала головой:

- Он выгнал меня за воровство.
- Постарайтесь хорошенко вспомнить, – сказал Мейсон, – давайте-ка попробуем пояснить этот вопрос. В конце концов, было ли случайным стечением обстоятельств то, что...
- Нет, – сказала она, – мистер Эддикс был просто ужасно потрясен тем, что произошло с Элен. Мне кажется, он был влюблен в нее. И еще мне кажется, что...
- Подождите-ка, – перебил ее Мейсон, – вы сказали, он был влюблен в Элен. Вы полагаете, между ними что-то было?
- Ну... я не знаю. У них были в первую очередь отношения хозяина и служащей, а уж потом дружеские отношения. Но я не думаю... Бенджамин Эддикс не такой человек, чтобы откровенно проявлять свои эмоции.
- Что ж, тогда давайте сначала поговорим об Элен.

– Элен была очень красива и знала это. Она очень, очень гордилась своей фигурой. Она любила фотографироваться и любоваться на себя в зеркало. Уж я-то знаю. В ее комнате было зеркало в полный рост, и несколько раз я замечала, что она... ну, в общем, она гордилась своей фигурой.

- А что вы там сказали насчет зеркала? – переспросил Мейсон.
- Она довольно часто стояла перед ним и любовалась собой.
- А вы откуда знаете?
- Ну, мне доводилось иногда открывать дверь и входить в ее комнату, и я заставала ее перед ним.
- Вы хотите сказать, что она любила наряжаться и любовалась в зеркале собой и своими туалетами?
- Вся ее одежда была размером не больше почтовой марки, – улыбнулась миссис Кемптон.
- Она была обнаженной? – спросил Мейсон.
- Нет, не обнаженной. Но эти ее купальники... Ей нравилось взять два или три квадратика ткани и так их закрепить на себе, что они превращались в миленький купальник. Конечно, не особенно-то в нем станешь купаться, да и носить долго не сможешь.
- А на яхте она их надевала?
- Иногда.
- И при посторонних?

– Ну, во всяком случае, при тех, с кем она была знакома. Она не была... нет, скорее я бы выразилась так – для Элен не была характерна чрезвычайная скромность. Она была девушка без предрассудков и очень любила загорать. У нее было прекрасное тело – мне не доводилось видеть ничего подобного. Она загорала до тех пор, пока не покрывалась ровным бронзовым загаром.

– Если не считать, разумеется, следа от купальника? – спросил Мейсон.

– Это как раз беспокоило ее больше всего: чтобы у нее не осталось белых полосок на теле. Нет, мистер Мейсон, на крыше у нее было место, где она обычно загорала, и загорала она совсем обнаженной. Она хотела, чтобы у нее был равномерный загар по всему телу. Я думаю даже, что она больше гордилась своим загаром, чем своими... ну, в общем, своими формами. А формы у нее были в полном порядке – все как полагается.

– Не находите ли вы весьма странным, что такая девушка покончила жизнь самоубийством?

– Это в высшей степени странно.

– Где находились вы, когда произошло самоубийство?

– Я была на борту яхты.

– На той самой яхте?

– Да.

– Я хотел бы знать об этом подробнее. Что вы можете мне рассказать?

– Я расскажу вам все, что вспомню. Мистер Эддикс решил отправиться на Каталину. Он всегда брал с собой в путешествия Элен и очень часто меня.

– Кто следил за домом, пока вас не было?

– У нас был целый штат прислугои, приходившей днем. Я осуществляла общий надзор и руководила ими. Кроме того, я следила за порядком на яхте, и поверьте, мистер Мейсон, это работенка не из легких. Пусть на вашей яхте даже все моряки мира надраивают все до блеска снаружи, но вот внутри, в каютах, и в... Ну, короче говоря, приборка, вытряхивание пепельниц, выметание мусора, который остается в кают-компании после круиза. Окурки, рюмки, пустые бутылки из-под виски и все такое. Это была тяжелая работа.

– Вам кто-нибудь помогал?

– Нет. Я управлялась с этим сама. Вы, разумеется, понимаете, что даже на большой яхте не так уж много места и нет возможности брать на борт большой штат прислугои, особенно женщин. Мужчины могут спать все вместе в одном помещении, но с женщинами по-другому. У каждой из нас должна быть отдельная каюта.

– Ну хорошо, давайте вернемся к событиям того дня.

– Мистер Эддикс решил отправиться на Каталину. Он отдал по телефону необходимые распоряжения, и яхта была наготове. Он собирался отплыть в два часа дня, но его задержали какие-то неожиданно возникшие дела, и он не смог прибыть на яхту раньше пяти часов. Но в это время разразился один из этих ужасных ураганов и для небольших судов вывесили штормовое предупреждение. Мистер Эддикс тем не менее приказал выйти в море.

– Что случилось потом?

– Ну, начался настоящий шторм. Мы в конце концов вынуждены были лечь в дрейф и переждать его. Мы не смогли добраться до Каталины раньше следующего утра.

– Теперь вот какой вопрос: вы добрались до яхты на машинах?

– Да.

– Вы приехали туда с мистером Эддиксом?

– Да.

– И Элен приехала вместе с вами?

– Нет, она выехала... О, ну я не знаю точно, примерно на час раньше. Она отправилась туда на спортивной машине с откидным верхом и поднялась на борт одна. Ей нужно было что-то напечатать. Именно этим в первую очередь и была вызвана задержка. Возникли какие-то неотложные проблемы, и мистер Эддикс надиктовал ей целую кучу бумаг – мне кажется, речь шла о каких-то соглашениях и конфиденциальных письмах к ним.

– Продолжайте.

– Ну, она отправилась на яхту. Мистер Эддикс задержался, чтобы подготовить еще какие-то документы, затем мы отправились вместе с ним.

– На борту были посторонние?

– Нет. Мы собирались взять на борт несколько человек на Каталине, но при отплытии на яхте была только команда, Элен и я.

– Когда вы видели Элен в последний раз?

– В тот день... подождите-ка минуточку... я ее не видела. По пути туда мистер Эддикс решил внести какие-то изменения в письмо или договор, или что там он ей дал, – в общем, как только мы поднялись на борт, он прошел прямо в ее каюту. Он диктовал ей там в течение... ну, я не знаю точно... примерно с полчаса.

– Откуда вы знаете, что он диктовал что-то?

– Я слышала его голос. Каюта Элен находилась рядом с моей. Они были соединены общей душевой. Я припоминаю, что пошла умыться, и слышала, как мистер Эддикс диктует. И, очевидно, он не полагался на стенографическую запись, а диктовал прямо на пишущую машинку, потому что я слышала, как он диктовал, а Элен стучала на машинке.

– Что произошло потом?

– Там есть гавань и внешний рейд. Мы отплыли, но на море ужасно штормило, и мистер Эддикс приказал переждать на внешнем рейде, пока не стихнет ветер и море не успокоится. Но оно не успокоилось. Мистер Эддикс позвонил своим друзьям на Каталину. Те не могли больше ждать. Яхта мистера Эддикса – это большое морское судно, на котором можно отправиться даже в кругосветное путешествие, так что он решил выйти в море и идти средним ходом.

– Сколько времени он диктовал?

– Я полагаю, до тех пор, пока качка позволила Элен печатать. Это было ужасно.

– Вы слышали, чтобы он диктовал уже после того, как яхта вышла в море?

– О да.

– И долго это продолжалось?

– Не могу вам сказать. Моряк из меня никудышный. Я пошла спать.

– Спать? – переспросил Мейсон.

– Да. У меня есть таблетки, которые я обычно принимаю в сильную качку, и они прекрасно помогают, но от них хочется спать... Я...

– Вы не ужинали в тот вечер?

– Ужинала? Боже мой, конечно, нет! Я очень плохо себя чувствовала, но потом подействовало лекарство, и я отправилась спать, и думаю, что проснулась не раньше чем в полночь. Погода была по-прежнему скверной. Я приняла еще одну таблетку и заснула, и примерно... ну, точно я не могу сказать... примерно часов в семь или восемь утра проснулась и обнаружила, что на море спокойно. Мы в тот момент уже подходили к острову.

– И что было потом?

– Ну, вскоре после этого мы как раз и обнаружили, что Элен пропала. Мистер Эддикс спустился в ее каюту и... Ну, я полагаю, остальное вам и так известно. Постель ее так и осталась неразобранной.

– Ее не могло случайно смыть за борт волной? – спросил Мейсон.

– Да, конечно, могло.

– Она могла, вероятно, выйти на палубу?

– Она могла... Но сильно штормило, и, пока мы не легли в дрейф, была сильная качка. Сама-то я была внизу, в своей каюте, но потом матросы мне рассказывали. Я думаю, что волны захлестывали палубу. В проливе вообще сильно штормит.

– Хорошо, – сказал Мейсон, – теперь вот что – Элен вела дневник. Вы об этом знали?

– Да.

– Так вот, – сказал Мейсон, – у меня четыре тетради этого дневника. Пятая тетрадь пропала. Элен должна была начать ее примерно недели за две до своего исчезновения. То есть четвертая тетрадь кончилась ровно за две недели до смерти Элен. Как вы считаете, могла она бросить вести дневник?

– Нет, я абсолютно уверена в том, что она не бросила. У нее была сумка, и она обычно носила в ней дневник с собой. Я помню, пыталась как-то ее образумить.

– Но почему? Что плохого в том, что она вела дневник?

– Да нет, ничего такого нет, если человек просто записывает коротенько – где они были, что делали или что-нибудь в этом роде. Но Элен была так увлечена своим дневником, она тратила на него часы напролет. Часы, которые она могла провести более разумно – например, общаясь с другими людьми.

– Вот это меня как раз особенно интересует, – сказал Мейсон, – об этом я хотел бы знать подробнее. Кто были ее друзья?

– Мистер Мейсон, мне кажется, у нее их вообще не было.

– Тогда для чего она так тщательно следила за своей внешностью, добивалась такого превосходного загара?

– Она была честолюбива. Она хотела отправиться в Голливуд и стать актрисой и думала, что рано или поздно у нее появится такая возможность благодаря знакомствам мистера Эддикса.

– У Эддикса были знакомые в Голливуде?

– Нет, в том-то и дело, что не было. Конечно, благодаря своему положению он вполне мог бы завязать там знакомства, но дело в том, что мистер Эддикс... Мне не очень хочется обсуждать моего бывшего хозяина, мистер Мейсон, но мистер Эддикс очень, очень необщителен. Я думаю, что на его образ жизни в сильнейшей степени повлияло... Ну, я полагаю, вам известно, что стряслось с ним?

– И что же с ним случилось?

– Он совершил убийство.

– Где?

– Где-то за границей. Кажется, в Австралии.

– Он был осужден?

– По-моему, да. Мне точно известно лишь то, что мистер Эддикс совершил убийство и что он был очень, очень привязан к своему брату, и, по-видимому, мистер Эддикс... ну, если вас интересует мое мнение... Он боится.

– Боится чего?

– Боится самого себя. Боится, что это своего рода семейное проклятие, что у него нечто вроде предрасположенности к убийству, как и у его брата. Я думаю, он пытался каким-то образом это выяснить.

– И поэтому он экспериментирует с обезьянами?

– Да, в основном с гориллами. Он говорит, что гориллы ближе всего к человеку по особенностям психики, что шимпанзе слишком дружелюбны и все такое, поэтому его

интересуют именно гориллы.

- И он держит их в клетках?
- Конечно. И разумеется, клетки для них должны быть очень прочными, потому что...
- У них специальный дрессировщик?
- Несколько дрессировщиков и психолог, который...
- И где живут все эти люди? – спросил Мейсон. – Кто обслуживает их? Кто готовит им еду?
- Они живут у себя дома. А работают в полностью изолированном крыле здания, выходящем на другую улицу. Они приходят туда и уходят, когда им заблагорассудится. Им категорически запрещено выходить в парк, окружающий особняк. В главное здание они могут пройти по коридору, но только если их вызовут.
- Кто следит за гориллами ночью?
- Никто. Они заперты в надежных металлических клетках.
- А вдруг ночью случится пожар?
- Об этом даже подумать страшно. Если уж на то пошло, подумайте, что будет, если пожар случится днем. Нельзя же просто открыть клетку с гориллами и сказать: «А ну-ка, выходи отсюда!»
- Эти гориллы злые? – спросил Мейсон, прищурившись.
- По-моему, очень. Я баловала только одну, самую маленькую. Она любила меня. Некоторые из них хорошо относятся к людям, а некоторые не очень... Отдельные эксперименты проводились специально для того, чтобы довести их до помешательства. Их приучали брать пищу из ящика, только когда звенит звонок. В другое время они получали удар электричеством, если пытались открыть ящик. Затем дрессировщики меняли абсолютно все сигналы они это как-то объясняли – что-то вроде потери ориентации. Мне это не нравилось. И Элен тоже.
- Ну ладно, – заключил Мейсон. – Как бы там ни было, но меня больше всего заинтересовало то, что вы сообщили о дневнике. Большое спасибо.
- Элен была очень скрытной, мистер Мейсон, – сказала миссис Кемптон. – У нее были огромные амбиции. Ради них она была готова все принести в жертву, и, разумеется, когда-то в прошлом у нее была несчастная любовь.
- Она вам об этом рассказывала?
- Боже милостивый, конечно нет. Да и не было никакой необходимости. Все и так было ясно как божий день.
- И в чем это выражалось?
- Она была, очевидно, безответно влюблена в кого-то, кто... ну, иногда у меня мелькала мысль, что это был некто из высших слоев общества, считавший, что она ему не пара. И Элен, похоже, посвятила всю свою жизнь, чтобы доказать ему, что она сама может добиться успеха в жизни, а единственное, в чем она действительно могла бы преуспеть, так это... ну, что-нибудь вроде съемок в кино. Она была действительно красива.
- Похоже, вы правы, – сказал Мейсон, – я видел несколько ее фотографий. Вы не знаете, кто ее снимал?
- Наверное, мистер Эддикс. Он постоянно всех щелкал, и в общем у него получались довольно приличные снимки.
- У него и на яхте был фотоаппарат?
- У него и на яхте были фотоаппараты, и дома у него были фотоаппараты, и где их только не было. У него множество камер самых разных марок.
- А вот насчет неудачной любви Элен – откуда у вас такая информация?
- Это же просто как дважды два. Она была симпатичной нормальной девушкой, но, похоже, не слишком стремилась бывать в обществе. Она работала, вела дневник, загорала. У нее даже

была кварцевая лампа специально для сумрачных дождливых дней.

– И в этом заключалась вся ее жизнь?

– Да, и еще работа. Конечно, у нее не было определенных рабочих часов. Она всегда была наготове, на случай, если вдруг возникнет в ней необходимость, и, само собой разумеется, она сопровождала мистера Эддикса, куда бы тот ни отправлялся.

– И часто такое случалось?

– О да. У него на плите всегда грелось много утюгов. Случалось, что ему звонили по поводу его рудников или чего-нибудь еще и он срывался с места, бросая вещи в машину и тут же отправлялся – иногда вместе с Херши, иногда с Фэллоном, иногда один – ну, если, конечно, не считать Элен. Она сопровождала его во всех поездках.

– Позвольте напоследок задать вам еще один вопрос. Не кажется ли вам, что было нечто странное в обстоятельствах смерти Элен?

– Ну конечно же.

– Я имею в виду: не было ли у нас такого чувства, что она не могла покончить жизнь самоубийством?

– То есть что ее случайно смыло за борт?

– Я прошу вас ответить на мой вопрос, – настаивал Мейсон.

– Мистер Мейсон, – ответила она, – я никогда не говорю того, что могло бы поставить кого-то в затруднительное положение. Мне слишком хорошо известно, как начинают ползти слухи и как они могут отравить кому-нибудь всю жизнь, но... в общем, на месте полиции я бы так просто это дело не оставила.

– Почему?

– Потому что... ну, потому, что я уверена, я просто абсолютно уверена – Элен не могла покончить жизнь самоубийством, и я знаю, что кто-то взял ее дневник и выбросил за борт.

– Откуда вам это известно?

– Потому что ее дневник пропал, а я точно знаю, что он всегда был при ней.

– Откуда вы знаете, что он пропал?

– Мне пришлось впоследствии побывать в каюте Элен – чтобы прибрать там и собрать вещи для судебного исполнителя. Мы пришли туда вместе с ним и тщательно все осмотрели. Он положил всю ее одежду и личные вещи в одну коробку, а книги в другую.

– У нее не осталось родственников?

– Никто не смог ничего о ней разузнать – ну, откуда она и все такое.

– Натан Фэллон увернет, что он ее дальний родственник, – сказал Мейсон.

– Натан Фэллон? – удивленно воскликнула миссис Кемптон.

Мейсон кивнул.

– Да она его люто ненавидела. Он скорее родственник не ей, а тем обезьянам в клетках.

– А вам не показалось, что они, возможно, были знакомы еще до того, как она получила это место и...

– Вы хотите сказать, что она устроилась на это место благодаря ему?

– Ну, в общем, да.

– Боже мой, конечно же, нет, Она ненавидела Натана Фэллона.

– А вы как к нему относились?

– Я считаю, что никого нельзя ненавидеть.

– Но он вам не нравится?

– Разумеется, нет.

– Не пытался ли Фэллон ухаживать за...

– Не пытался ли он за ней ухаживать? Конечно, пытался. Поначалу он просто прилип к ней

— пока она не поставила его на место самым решительным образом. Он один из тех, кто так и будет ходить кругами, стараясь случайно коснуться, задеть локтем, притиснуться поближе. Он сперва дотронется до вашей руки, потом потреплет по плечу, а затем примется хватать за коленки. При удобном случае он вас тут же обнимет — руки его не знают покоя. Он какой-то... сальный. Иногда хочется просто плюнуть ему в физиономию.

— Ну что ж, полагаю, я узнал от вас все, что хотел, — сказал Мейсон, — вы меня в высшей степени заинтересовали, рассказав об исчезнувшем дневнике.

— Ну, меня это тоже... очень удивило. Ведь не могла же она прыгнуть за борт вместе с ним.

— А еще что-нибудь удивило?

— Да.

— Что именно?

— Ну, в общем, — проговорила она, — тот важный документ, который она печатала для мистера Эддикса. Меня это очень удивило, и я часто размышляла, что с ним могло случиться.

— Что вы имеете в виду?

— Его не было у нее в каюте, и я не думаю, что Эддикс забрал его с собой, уходя. Конечно, он мог его взять, но я сомневаюсь в этом. Она, по-моему, должна была перепечатать его к следующему утру. Они отложили работу, когда шторм усилился.

— Ну хорошо, давайте предположим, что ее смерть не была самоубийством и что это не был несчастный случай, — сказал Мейсон.

Она пристально посмотрела на него.

— Тогда остается убийство.

— Тогда остается убийство, — подтвердил Мейсон.

Лицо ее по-прежнему оставалось совершенно бесстрастным, губы были плотно сжаты.

— Что же вы молчите? — спросил ее Мейсон.

— А я и не собиралась ничего говорить.

Мейсон встал и пожал ей руку:

— Ну что ж, я рад, что смог хоть чем-то быть вам полезным, и рад, что вы сумели добиться компромисса, миссис Кемптон.

Джеймс Этна схватил Мейсона за руку и энергично принял ее трясти:

— Я просто не в состоянии выразить вам всей нашей благодарности моей и моей клиентки. Я... ну, я просто не могу найти слов, чтобы сказать вам, насколько это было важно для нас обоих.

— Ну что вы, о чём речь, — сказал Мейсон, — я был рад сделать это для вас.

— Нет, нет, это было чрезвычайно любезно с вашей стороны.

— Кстати, — сказала миссис Кемптон, — у меня у самой пропали там кое-какие вещи. Не могли бы вы сказать мне, что там было найдено в этой урне, если, конечно, вы в курсе? Не было ли там вот такой серьги с жемчугом?

Она показала серьгу, и Делла Страт выразительно кивнула.

— Там была точно такая же серьга, — сказала она, — я отлично помню, что обратила особое внимание на то, каким образом жемчужины собраны в небольшую гроздь.

— О, благодарю вас! — воскликнула миссис Кемптон. — Я так рада! Эти серьги достались мне от матери, и, в общем, я ужасно расстроилась, когда одна из них пропала. Я...

— Вы кому-нибудь говорили о пропаже? — спросил Мейсон.

— Нет.

— Почему?

— Ну, я думала... я сама не знаю почему. Живи сам и давай жить другим — вот мой лозунг, и я не хотела предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать ненужные проблемы.

– Вы думали, что потеряли ее?

– Я знала наверняка, что не потеряла, так как обе серьги лежали в моей шкатулке, а когда я собралась их надеть, то на месте оказалась только одна.

– То есть вы думали, что кто-то взял серьгу?

– Ну, в общем, я... я не знала, что и подумать.

– И вы никому ничего не сказали?

– Нет.

– Ну хорошо, – сказал Мейсон, – во всяком случае, она была среди барахла, высыпавшегося из урны. Я помню, что видел жемчужную серьгу, а мисс Страт, похоже, совершенно уверена, что серьга парная вашей.

– Я абсолютно уверена, – подтвердила Делла.

– Огромное вам спасибо, – сказала миссис Кемптон и одарила их своей спокойной приветливой улыбкой.

Джеймс Этна, казалось, и не собирается отпускать руку Мейсона:

– Это один из самых интересных случаев в моей практике, мистер Мейсон. Я надеялся когда-нибудь в будущем познакомиться с вами, но не смел даже подумать что вы поможете мне в такого рода деле... Я очень высоко ценю это.

– Рад, что смог хоть чем-то вам помочь, – сказал Мейсон.

Они вышли из кабинета. Делла Страт взглянула на адвоката.

– Ну как? – спросила она.

– И опять наша маленькая подружка вытворяет свои фокусы, – сказал Мейсон.

– Ты имеешь в виду Судьбу?

Мейсон кивнул.

– А что в этот раз задумала Судьба?

– Я полагаю, – сказал он, – что была некая причина, по которой меня вдруг так заинтересовали дневники Элен Кэдмас.

– Ну что ж, – улыбнулась Делла, – значит, Судьбе было угодно, чтобы ты оказал добрую услугу миссис Джозефине Кемптон, и ты ее оказал. Если хочешь знать мое мнение, то могу поклясться, что гонорар в пять тысяч долларов немало значит для этого молодого адвоката.

– Возможно, ты и права, – сказал Мейсон, – но, похоже, ответа мы так и не получили.

– Но почему нет? Ты ведь во всем разобрался и... Хотя, мне кажется, ты всерьез озабочен исчезновением Элен Кэдмас.

– Да, меня весьма беспокоит таинственное исчезновение Элен Кэдмас.

– Ты полагаешь, это не было самоубийством?

– Мне никак не удается в глубине души отделаться от мысли, – сказал Мейсон, – что это могло быть убийство.

– Боже мой, шеф, но ведь ее мог убить только один человек – Бенджамин Эддикс.

– Или ее приятель Натан Фэллон, – сказал Мейсон. – Не забывай о нем.

– И... – Делла Страт замялась.

– Да, – кивнула, улыбаясь, Мейсон, – продолжай.

Делла Страт покачала головой.

Мейсон улыбнулся еще шире.

– О, Боже, – сказала она, – мне не хочется даже подумать об этом, но уж если начинаешь расследовать убийство – ну, тогда просто нельзя забывать о женщине, у которой была смежная каюта и прекрасная возможность пройти к Элен в любое время через общую ванную и которая уверяет, что приняла лекарство, усыпившее ее на всю ночь... Боже мой, шеф, мышление у меня становится просто извращенным – и все оттого, что я работаю у циничного адвоката.

- Мысление у тебя становится упорядоченным и логичным, — поправил ее Мейсон.
- Шеф! Но ты же не подозреваешь ее?
- Если имеешь дело с убийством, — сказал Мейсон, — нужно подозревать всех.
- Но ведь неизвестно еще — убийство это или нет.
- Неизвестно, — согласился Мейсон, — и я сильно сомневаюсь — так ли уж мне хочется это выяснить. Вот ведь что странно — мне почему-то кажется порой, что люди оставляют за собой нечто вроде телепатической мысли, которая может сама по себе залететь в чью-то голову.
- Или если ты веришь в спиритизм, — подхватила Делла Страт, — то можете представить, что, возможно, Элен Кэдмас, зная о твоей способности расследовать преступления, посыпает тебе подозрительный импульс и, возможно...
- Ну хватит, — сказал, усмехнувшись, Мейсон, — или мне придется отправиться к медиуму.
- Что ж, — серьезно сказала Делла Страт, — при сложившихся обстоятельствах было бы любопытно послушать, что скажет медиум.
- Мне кажется, что это как-то связано с телепатией, — сказал Мейсон, — медиум может, прочитав мои мысли, сбить меня с толку, помешать сделать верные выводы.
- Вряд ли медиум может привести тебя в большее замешательство, чем ты меня, — заметила Делла Страт. — У меня даже муряшки по коже побежали. И ведь действительно: есть что-то такое в этой... ну, я не знаю, ты сам об этом заговорил... есть нечто странное в этой женщине.
- Ты имеешь в виду миссис Кемптон?
- Да.
- Довольно необычный тип женщин, — сказал Мейсон, — но не такой уж редкий. Они встречаются весьма часто, особенно среди экономок. Это люди, которые в результате смерти родных, развода или по какой-нибудь другой причине потеряли свой собственный дом, но которым все же хочется заняться домашним хозяйством. Тогда они начинаются на работу и начинают обустраивать чей-нибудь чужой дом, и, занимаясь этим, они... ну, естественно, они вынуждены подавлять свои собственные чувства, и их всегда окружает атмосфера подавленности.
- Делла Страт поежилась.
- Лучше бы я и не думала об этом. У меня даже холодок по спине прошел.
- Что ж, давай перестанем об этом думать, — сказал Мейсон, — и примемся за работу.

В этот вечер Мейсон и Делла Стратт задержались в кабинете допоздна. От работы их отвлекло непрерывное гудение коммутатора в приемной.

— Я был уверен, что мы его отключили, — заметил Мейсон.

— Все еще гудит, — отозвалась Делла, — слышишь?

— Это, несомненно, звонит какой-то оптимист, — сказал Мейсон. Коммутатор гудит с небольшими перерывами вот уже целых пять минут. Сходи послушай, кто там, Делла.

— Не знаю, кому могло прийти в голову, что в такое время мы все еще в офисе.

— Да, действительно. Но вспомни, как получилось с Джеймсом Этной? Мы попытали счастья и... Сходи узнайте, кто это, Делла.

Делла подключилась к коммутатору.

— Алло, — проговорила она и нахмурилась. — Да... Кто?.. О, конечно, миссис Кемптон.

Она махнула рукой Мейсону, привлекая его внимание, и показала на телефон.

Мейсон осторожно снял трубку со своего телефона, чтобы слышать разговор.

Голос миссис Кемптон в трубке звучал почти истерически:

— Ситуация ужасная, а я никак не могу дозвониться до мистера Этны! Я не знаю, что мне делать. Мне нужно с кем-нибудь посоветоваться. Мне нужен... Мне просто отчаянно нужен мистер Мейсон! Я звоню, звоню, звоню кто-то же должен мне помочь! Я не понимаю, что здесь происходит. Я просто в кошмарном положении.

— Где вы находитесь? — спросила Делла Стратт.

— Я в Стоунхендрже. В особняке Бенджамина Эддикса, и здесь творится нечто чудовищное.

Мейсон включился в разговор:

— Это Перри Мейсон, миссис Кемптон. А теперь скажите мне, что там у вас произошло.

— Только не по телефону, мистер Мейсон. Это ужасно! Мне нужна помощь.

— Я полагаю, вам нужно вызвать полицию, миссис Кемптон.

— Нет, нет, нет, только не полицию. По крайней мере, пока я не поговорю со своим адвокатом. Мне просто необходимо посоветоваться с адвокатом. Я пыталась дозвониться до мистера Этны, чтобы он разыскал вас. Вы единственный, кто может мне помочь, мистер Мейсон. Благодаря вам у меня достаточно денег, чтобы оплатить ваши услуги. Я просто должна встретиться с вами.

— Вы не можете уйти оттуда?

— Я не хочу... Здесь есть нечто, что... о чем мне нужно с вами посоветоваться. Мне нужен ваш совет.

— Как вы там оказались?

— Мистер Мейсон, ну пожалуйста! Я не могу объяснить вам все это по телефону. О, если бы вы только смогли сюда приехать. Умоляю вас, приезжайте, мистер Мейсон. Уверяю вас, что ничего важнее этой просьбы в моей жизни не было. Я просто схожу с ума.

— Ну хорошо, — сказал Мейсон, — я приеду. Да, а где же мистер Эддикс?

— Мистер Мейсон, — продолжала она, не обратив внимания на его вопрос, — пожалуйста, сделайте все точно, как я вам скажу. Главный вход в особняк находится на Олив-стрит. Там железные ворота и охранник, но есть еще один вход, с Роуз-стрит. Им пользуются те, кто работает с животными. У этого входа нет охранника. Там есть неприметная дверь. Я постараюсь встретить вас у этой двери. Я думаю, что вам потребуется примерно пятнадцать минут, чтобы добраться сюда, мистер Мейсон. Пожалуйста, поторопитесь и приезжайте как можно скорее. Вы можете выехать немедленно?

— Я выезжаю прямо сейчас, — сказал Мейсон, — встречайте меня у заднего входа. Он находится на Роуз-стрит, насколько я понял.

— На Роуз-стрит, как раз напротив того места на Олив-стрит, где расположены большие железные ворота. Это неказистое строение, напоминает гараж. На двери номер пятьсот сорок шесть. Других примет нет. Только эта дверь с номером пятьсот сорок шесть, выходящая на Роуз-стрит. Подойдите к ней и поверните ручку. Я буду вас там ждать — если смогу и если вы поспешите.

— А что, может случиться так, что вы будете не в состоянии меня встретить? — спросил Мейсон.

— Да, — ответила она и неожиданно повесила трубку.

Мейсон постучал пальцем по телефонной трубке, затем взглянул на Деллу Страт. Она положила трубку параллельного телефона, подошла к Мейсону и встала рядом.

— Думаешь, нас прервали, Делла?

— По-моему, она бросила трубку.

— Что ж, — сказал Мейсон, — очевидно, ситуация там накалилась до предела.

— Но, шеф, что вообще могло ей там понадобиться? Она ведь все уладила с Эддиксом.

— Возможно, она попыталась шантажировать его в связи с убийством Элен Кэдмас, — предположил Мейсон. — Знаешь, она довольно странный человек. Она, без сомнения, чрезвычайно внимательно слушала все, что мы говорили по поводу Элен Кэдмас и ее дневников.

— В таком случае, — сказала Делла Страт, — пойдем. Мы можем обсудить все это по дороге и...

— С какой это стати ты говоришь «мы»? — перебил ее Мейсон. — Там, похоже, началась крепкая заварушка, Делла.

— Не думай, что тебе сейчас удастся от меня отделаться, — возразила она. — Я крепкий орешек. Пойдем же, нам нужно спешить.

Она облетела весь офис, выключая свет, схватила свою шляпку, нахлобучила ее на голову, вручила Мейсону его шляпу и распахнула дверь.

— Я побегу вперед и вызову лифт, — сказала она и, обогнав Мейсона, быстро побежала на цыпочках по длинному гулкому коридору здания.

Когда Мейсон подошел к лифту, Делла Страт уже ждала его у открытой кабины.

— Молодец, — похвалил ее Мейсон.

Ночной сторож, дежуривший у лифта, заметил:

— Похоже, вы куда-то сильно спешите.

— Это точно, — подтвердил Мейсон.

Когда кабина опустилась на первый этаж, Мейсон наспех расписался в книге, отметив время ухода из офиса.

Они побежали к стоянке, прыгнули в машину Мейсона, Мейсон включил мотор и, махнув рукой служащему автостоянки, выехал в переулок так быстро, что покрышки протестующе взвизгнули.

Доехав до конца переулка, Мейсон слегка притормозил — ровно настолько, чтобы справиться с управлением, и, резко свернув вправо на улицу, вдавил акселератор до упора.

Первый перекресток он проскочил на желтый свет, через мгновение после того, как погас красный.

— Если нам придется останавливаться и вступать в объяснения с дорожной полицией, — сказала Делла Страт, — это может нас надолго задержать.

— Это уж точно, — согласился Мейсон, — но у меня такое предчувствие, что в этот раз действительно нужно поторопиться.

— А если, — заметила Делла Страт, — мы не успеем вовремя, то тогда не стоило и вовсе выезжать.

— Тоже верно, — сухо сказал Мейсон.

— Шеф, ты что, решила взяться за это дело вслепую?

— Что ты под этим подразумеваешь?

— Ты возьмешь ее в свои клиентки даже в том случае, если она... ну, ты понимаешь, что я имею в виду?

— В том случае, если мы обнаружим там труп? — уточнил Мейсон.

— Да.

— Не знаю, — сказал Мейсон. — В Джозефине Кемптон есть нечто странное. Я не знаю, что именно. Когда с ней разговариваешь, создается впечатление, что она очень хочет выяснить, о чем думаешь ты, и в то же время у нее нет ни малейшего намерения позволить узнать ее мысли. Это напоминает профессиональную игру в покер. У тебя такое чувство, что она прекрасно знает все твои карты, а вот о ее картах абсолютно ничего не известно, и к тому же у тебя есть смутное опасение, что это могут оказаться тузы.

— Ты можешь вlipнуть из-за нее в скверную историю, если будешь действовать слишком импульсивно.

— Верно, — согласился Мейсон. — Именно поэтому я собираюсь оценить ситуацию до того, как решу, что следует предпринять. В этом деле есть нечто такое, Делла, ну, во всей этой истории, что возбудило мое любопытство.

— К твоему сведению, — сухо заметила она, — мы только что проскочили знак обязательной остановки.

— Знаю, — ответил Мейсон, — но на проспекте нет ни одной машины, и я не счел нужным выполнять пустую формальность.

Делла Страт откинулась назад на сиденье, уперлась ногой в щиток, чтобы обезопасить себя от резкого торможения, и сказала:

— Мне кажется, последнее замечание совершенно точно отражает твой характер.

Когда они подъехали к Стоунхенджу, Мейсон сказал:

— Я, пожалуй, сначала быстренько объеду особняк со стороны главного входа, Делла.

— Нас заметит охранник.

— Я не собираюсь останавливаться перед воротами. Я всего лишь проеду мимо — достаточно медленно, чтобы произвести беглый осмотр и выяснить, как выглядит фасад особняка...

— Да ведь с дороги его не видно, разве нет?

— Мне кажется, все же стоит взглянуть.

Адвокат поехал по Олив-стрит и слегка притормозил, проезжая мимо двух массивных каменных колонн.

Тяжелые железные ворота были закрыты.

— Что-то не вижу я там никакого охранника, — сказала Делла Страт.

— Если бы я остановил машину, думаю, он тут же выскочил бы, усмехнулся Мейсон и, прибавив скорости, повернул на перекрестке направо.

Проехав по боковой улице, они доехали до точки, откуда можно было хорошо разглядеть весь северный фронтон особняка.

— У них там все огни горят, словно в церкви, — заметила Делла Страт.

Мейсон притормозил.

— Сплошной забор из прочной металлической сетки в десять футов высотой, — сказал он. — На самом верху он расходится буквой "Y", и с обеих сторон натянута колючая проволока. Это значит, что проволока нависает над землей и ни с той, ни с этой стороны на забор вскарабкаться

нельзя. Мистер Эддикс определенно весьма озабочен неприкосновенностью своей частной собственности.

— А разве он... Шеф, взгляни! Взгляни туда!

— Куда?

— На верхнее окно фасада вон там. Видишь человека? Он вылезает из окна и...

— Это не человек, — сказал Мейсон, — это горилла.

Ошеломленные, они сидели и молча наблюдали за вырисовывающимся на фоне освещенного окна силуэтом огромной гориллы. Животное вытянуло длинную руку, словно нащупывая что-то, затем прыгнуло и скрылось среди темных ветвей раскидистого дерева. Через мгновение горилла скользнула вниз по ветвям дерева, и не прошло и нескольких секунд, как прожектора залили ярким светом участок, тревожно завыли сирены, а собаки захлебнулись неистовым лаем.

— А теперь-то что там такое? — удивилась Делла Страт.

— Очевидно, горилла спрыгнула на землю, — сказал Мейсон, — и пересекла невидимый луч, который привел в действие электрическое устройство, зажигающее прожектора, включающее сирены и выпускающее на свободу сторожевых собак. Посмотрим, что будет теперь.

Секунду или две он сидел неподвижно, следя за происходящим, затем неожиданно завел машину.

Делла удивленно взглянула на него:

— Шеф, надеюсь, вы не собираетесь сейчас попытаться проникнуть в дом?

— Именно это я и собираюсь.

— Не лучше ли нам остаться здесь и подождать дальнейшего развития событий?

— Возможно, будет намного лучше, если мы окажемся там до того, как некоторые из этих событий произойдут, — ответил Мейсон.

Он свернулся на Роуз-стрит.

Высокая ограда с колючей проволокой отступала от дороги, оставляя пространство для зацементированной стоянки перед гаражами. Двухэтажное здание находилось примерно в двадцати футах от дороги, так что перед ним было достаточно места для того, чтобы припарковать машину или развернуться.

На двери двухэтажного здания хорошо были видны цифры: 546.

Мейсон остановил машину прямо перед дверью, выскочил и нажал на кнопку звонка.

Слышно было, что внутри раздался электрический звонок, но ждал Мейсон напрасно — не было ни малейших признаков того, что на звонок обратили внимание.

— Шеф, — с тревогой сказала Делла Страт, — она обещала, что встретит вас здесь. Ну, а раз не встретила — что ж, тут ничего не поделаешь. Мы можем вызвать полицию или...

Мейсон покачал головой и вновь позвонил.

— Там что-то стряслось, — сказал он, — что-то такое, что помешало ей. По крайней мере одна из тех огромных горилл оказалась на свободе.

— Шеф, они же могут разорвать тебя на части. Ты только вспомни какой огромной казалась эта горилла на фоне освещенного окна... а как она потом прыгнула, чтобы ухватиться за ветку дерева...

Вздрогнув, она умолкла.

— Все понятно, — сказал Мейсон, — у тебя от этого мурашки по коже бегут, но там определенно что-то стряслось. У миссис Кемптон в голосе был слышен подлинный ужас.

— Ну вот, совершенно ясно, что никто не реагирует на звонок. Она, наверное, уже ушла куда-нибудь.

Мейсон дернул ручку двери.

— Да она не заперта, — сказал он.
— Шеф, не надо!
— Подожди в машине, — приказал ей Мейсон. — Если я не вернусь через пять минут, поезжай к ближайшему телефону и вызывай полицию.
— Нет, нет. Я пойду с вами. Я...
— Ты будешь ждать в машине, — сказал Мейсон. — У тебя пять минут...
— Шеф, я пойду с тобой.
— Все равно ты ничем не сможете помочь. От тебя не будет никакого проку.
— Может быть, и нет, но все равно это гораздо лучше, чем сидеть в машине и ждать, пока...
— Нет, — перебил ее Мейсон. — Ты будете ждать в машине. По истечении пяти минут вызывай полицию. Если я не выйду через пять минут, не жди меня и не мешкай. Немедленно поезжай к ближайшему телефону и звони в полицию.

— Если ты не вернешься через пять минут, то будет бесполезно вызывать даже армию, — сказала она. — Ты понимаете это так же хорошо, как и я.

— Ты будешь ждать в машине, — повторил Мейсон.
— Ты просто пытаешься уберечь меня от опасности, — запротестовала она.
— Это приказ, — ответил Мейсон и, открыв дверь, вошел в дом.

Без дальнейших разговоров он захлопнул за собой дверь. Внутри на двери был засов, и Мейсон задвинул его на тот случай, если Делла Страт, вопреки инструкциям, попытается последовать за ним.

Здесь стоял тяжелый неприятный запах, характерный для мест, где содержат животных. Мейсону показалось, что он попал в зоопарк.

По короткому коридору он пошел к открытой двери и попал в контору, оборудованную письменными столами, шкафами и пишущими машинками. На стене висело около дюжины диаграмм.

Мейсон пересек контору, открыл дверь и обнаружил, что находится в длинном бетонном коридоре, по одной стороне которого тянулся длинный ряд клеток.

В клетках сидели гориллы, шимпанзе и прочие обезьяны. Животные, похоже, были в состоянии крайнего возбуждения.

Все лампы были включены, и коридор был залит ослепительным светом.

В дальнем конце коридора он увидел распахнутые настежь дверцы двух больших железных клеток.

Помедлив мгновение, он пошел по коридору, глядя прямо перед собой и стараясь идти как можно ровнее, чтобы ни в коем случае не показать своего страха.

Обезьяны, увидев его, заверещали в диком возбуждении. Горилла ударила в ладони, когда адвокат проходил мимо ее клетки. Звук был похож на неожиданный выстрел из автомата.

Сделав над собой усилие, Мейсон продолжал спокойно идти вперед, стараясь не показывать своего волнения.

Он был как раз напротив большой клетки с дверцей из толстых железных прутьев, когда с демоническим воплем огромная горилла, сидевшая в дальнем углу клетки, прыгнула в его сторону, бросившись на прутья с такой силой, что даже пол вздрогнул. Через мгновение длинная волосатая лапа просунулась сквозь прутья, пытаясь схватить адвоката.

Он отскочил назад. Короткие толстые пальцы огромной гориллы скользнули по его пиджаку, попытавшись вцепиться, но сорвались.

Мейсон прижался к стене. Огромное животное уставилось на него в ярости и затем, неожиданно отпустив прутья решетки, оскалило клыки и принялось барабанить себя в грудь.

Прижимаясь к стене, Мейсон наконец осторожно двинулся дальше.

Большая горилла попыталась схватить его еще раз. Теперь ее лапа не дотянулась до его одежды всего лишь несколько дюймов.

Затем вдруг горилла захотела. Мейсон зачарованно уставился на ее черное туловоище, на черную морду с сардоническими глазками и огромным красным ртом, в котором обнажились в страшном оскале клыки.

— Вот что, старушка, — произнес Мейсон, — уж и не знаю, решила ли ты просто поиграть со мной и слегка пугнуть или же захотела схватить меня и разорвать на части, но проверить это я не рискну.

Горилла продолжала колотить себя в грудь.

В следующей клетке сидело животное, похожее, по мнению Мейсона, на шимпанзе, далее была клетка с какими-то маленькими обезьянами, а затем две пустые клетки с широко распахнутыми дверцами.

У Мейсона возникло недобро предчувствие, что громадные животные удрали из клеток совсем недавно и, скорее всего, проникли в особняк через ту самую дверь в конце коридора, которая, как заметил Мейсон, была не заперта и медленно приоткрылась.

Он взглянул на часы. Прошло немногим более минуты с того момента, как он оставил Деллу Страт на улице. Мейсон толкнул дверь. Как он и предполагал, она вела прямо в главное здание — с толстыми коврами на полу, хрустальной люстрой, свисавшей с потолка, и винтовой лестницей, ведущей на второй этаж.

Мейсон помедлил, раздумывая, не повернуть ли назад.

— Эй! — крикнул он.

Даже ему самому собственный голос показался недостаточно уверененным.

Неожиданно со второго этажа донесся страшный грохот, целая серия ударов, нанесенных с неописуемой скоростью и потрясших, казалось, весь дом.

— Миссис Кемптон, с вами все в порядке? — крикнул Мейсон.

Грохот смолк.

— Миссис Кемптон! — снова позвал он. — Эй, миссис Кемптон!

Грохот возобновился с прежней силой, на этот раз, похоже, немного ближе, возле самой лестницы.

Мейсон помчался по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

Лестница вела в верхний коридор. Взглянув в конец коридора, Мейсон увидел источник шума. Большая горилла висела, уцепившись длинной левой лапой за верхний край открытой двери. Ногами и второй рукой она выбивала яростную дробь на полу холла.

Заметив Мейсона, горилла отпустила дверь, перестала барабанить и побежала прямо к адвокату странной неуклюжей походкой.

Мейсон стоял как вкопанный.

Горилла приближалась.

Мейсон в тревоге оглянулся и понял, что до того, как он успеет пробежать половину лестницы, горилла его настигнет.

Мейсон протянул руку ладонью вперед.

Горилла остановилась, выпрямилась и принялась быстро колотить себя в грудь кулаками так, что весь коридор наполнился эхом от глухих, напоминающих барабанную дробь ударов.

Мейсон медленно попятился, пытаясь рукой нащупать у себя за спиной край металлической балюстрады.

Горилла внезапно прекратила бить себя в грудь и уставилась на Мейсона как кот на мышь.

Рука адвоката неожиданно наткнулась не на металлическую балюстраду, а на дверную ручку. Он повернул ручку. Дверь, оказавшаяся незапертой, открылась внутрь комнаты. Он

проскользнул в дверь, быстро закрыл ее и в отчаянных поисках запора наткнулся на тяжелый засов, который тут же задвинул.

Из коридора не доносилось ни звука.

Мейсон обнаружил, что находится в большой комнате, судя по обстановке, служившей одновременно спальней и кабинетом. Из-за ширмы выглядывал край кровати, а на кровати он сразу же заметил мужскую ногу.

Обстановка комнаты состояла из большого письменного стола, пары шкафов, круглого, похожего на пушечное ядро сейфа, полок с книгами и полдюжины больших кресел. На стенах висели картины и несколько фотографий в рамках.

Мейсон стал обходить большой письменный стол, но остановился, увидев на полу скорчившееся тело женщины, лежавшей на боку с запрокинутой головой. Ее левая рука, стиснутая в кулак, была прижата к телу, а правая, с растопыренными пальцами, откинута на ковер.

На лицо женщины падал тусклый свет, так что Мейсон сразу узнал ее. Это была миссис Кемптон.

Мейсон обежал вокруг ширмы и склонился над кроватью.

На ней – лицом вниз, в неловкой позе – распростерся мужчина.

Из спины у него торчала ручка большого кухонного ножа. Нож вошел по самую рукоятку; на стене были видны брызги крови, кровь залила покрывало на кровати, а когда Мейсон наклонился ниже, он заметил на шее у мужчины еще одну рваную рану.

Проверять пульс было явно незачем – мужчина, вне всяких сомнений, был мертв.

Мейсон направился к лежавшей на полу миссис Кемптон.

Едва он успел подойти к ней, как вся комната вздрогнула от удара страшной силы, обрушившегося на дверь.

Затем на мгновение наступила тишина. Висевшая на стене картина в раме, покачнувшаяся от удара, вернулась на место.

Тишина длилась всего полсекунды, потом неожиданно вновь раздался удар в дверь. На этот раз дверь сорвалась с петель и с грохотом рухнула в комнату.

В дверном проеме замерла, уставившись на Мейсона, большая горилла, которую адвокат видел в конце коридора.

Мейсон попытался успокоить ее голосом.

– Подожди минутку, малыш, – проговорил он. – Ты, главное, не волнуйся. Спокойно, спокойно!

Горилла стояла совершенно неподвижно, в упор глядя на Мейсона. Большой письменный стол мешал горилле видеть распространенную на полу миссис Кемптон, по этой же причине не заметил ее и Мейсон, войдя в комнату.

Момент был напряженный. Мейсон слышал стук собственного сердца и видел, что горилла самым внимательным образом следит за каждым его движением.

– Ну, ну, спокойно, малыш, – сказал Мейсон.

Горилла наклонилась вперед, поставив ногу на разбитую вдребезги, расколотую дверь, затем вдруг убрала ее, словно передумав. Длинные передние лапы животного были протянуты вперед, костяшками левой руки горилла слегка опиралась на расщепленный дверной косяк.

Мейсон старался взглядом хоть немного успокоить животное.

Какое-то время они оба стояли неподвижно.

Мейсон начал говорить, стараясь, чтобы голос его звучал непринужденно.

– Черт бы меня побрал, если я знаю, что мне нужно говорить в такой ситуации, – ласково промолвил он, обращаясь к горилле. – Я понятия не имею, чего ты от меня ждешь. У меня есть

подозрение, что если я двинусь вперед, то, скорее всего, буду убит, а вот если я попытаюсь убежать, то буду убит наверняка. Оставаясь же на одном месте и ничего не предпринимая, я просто нагнетаю напряженность и...

Неожиданно Мейсон осознал, что до него доносится слабый, но настойчивый голос миссис Кемптон.

— Не смотрите на нее, мистер Мейсон, — проговорила она. — Наклонитесь к полу и начните что-нибудь делать, все равно что. Достаньте из кармана монеты, ножик, часы — все, что блестит. Начните выкладывать из них какие-нибудь узоры.

Мейсон, все еще глядя на гориллу, спросил через плечо:

— С вами все в порядке? Я боялся, что вы...

— Не обращайте на меня внимания, делайте, что я говорю. Быстрей!

Мейсон услышал, что миссис Кемптон пошевелилась на полу, пытаясь сесть.

У Мейсона в правом кармане брюк было несколько мелких монет. Он вытащил их и начался раскладывать на полу, сосредоточенно склонившись над ними.

Через мгновение Мейсон заметил, что горилла шагнула вперед, и увидел, что она уставилась на монеты, разложенные им с преувеличенной старательностью.

Миссис Кемптон удалось сесть, а затем встать на колени.

— У вас больше ничего нет? — спросила она. — Ручка с блестящим колпачком? Часы? Хоть что-нибудь.

Мейсон расстегнул свои наручные часы и положил их на пол в середину кружка из монет, отметив при этом, что прошло ровно пять с половиной минут с того момента, как он оставил за дверью Деллу Страт. Если она точно выполнила инструкции, то теперь должна была уже ехать к телефону, чтобы вызвать полицию.

— А сейчас, — сказала миссис Кемптон, — медленно идите назад, не отрывая взгляда от монет. Не смотрите на гориллу. Отходите назад. Медленно отходите назад. Когда вы попытитесь, она подойдет и попытается понять, что вы там делаете. Они страшно любопытны. Я надеюсь, ей захочется поиграть с предметами, оставленными вами на полу.

Мейсон медленно поднялся.

— Не смотрите на гориллу, — предупредила миссис Кемптон.

Мейсон продолжал смотреть вниз — на разложенные на полу монеты, авторучку с блестящим колпачком и ручные часы.

— Продолжайте пятиться, — сказала она. — Медленно отходите назад в мою сторону.

Мейсон старательно выполнил ее указания.

Она взяла его за руку, и он почувствовал на мгновение тяжесть ее тела, когда она оперлась на его руку, чтобы встать на ноги.

Горилла не сводила глаз с разложенных на полу предметов, склонившись над ними точно так же, как это только что делал Мейсон.

— Быстрей, — сказала миссис Кемптон, — но только не бегите. Идите спокойно, а главное — абсолютно уверенно. Пусть она пока поломает себе голову над этой задачкой. Идите быстрей.

— Что случилось? — спросил Мейсон. — Что?..

— Не знаю, — перебила его миссис Кемптон. — Давайте сначала выберемся отсюда. Нам угрожает смертельная опасность. Эта горилла очень опасна. Если только она заподозрит, что мы испугались ее, или вдруг ей покажется, что мы убегаем от нее... О, быстрей, пожалуйста!

— На кровати лежит труп, — сказал Мейсон.

— Знаю, — ответила она, — это Бенджамин Эддикс. Он зарезан.

— Кто его зарезал?

— Перестаньте разговаривать. Идите за мной молча, прошу вас.

Она провела его мимо кровати в ванную комнату.

– Сюда, быстрее.

Она захлопнула и заперла дверь, открыла другую дверь – в противоположном конце ванной, – выходившую в смежную с ванной спальню.

– Поторопитесь, – сказала она.

Теперь она бежала, показывая Мейсону дорогу.

Мейсон не отставал от нее.

– А если эта горилла...

– Одному Богу известно, что этой горилле взбредет в голову, – сказала миссис Кемптон. – Неизвестно, что еще может произойти. Все гориллы действуют совершенно непредсказуемым образом, а с этими животными к тому же проводились психологические эксперименты. Нервы у них основательно расшатаны.

– Но ради Бога, вы-то что здесь делаете?

– Я потом вам все расскажу.

Она побежала через комнату и замерла у двери, прислушиваясь.

Затем она открыла дверь, высунула голову в коридор, быстро огляделась по сторонам и проговорила шепотом:

– Похоже, путь свободен. Нам нужно пробежать по коридору и спуститься по лестнице в переднюю гостиную... Вы бы лучше сняли ботинки.

Мейсон скинул ботинки и увидел, что, пока они разговаривали, миссис Кемптон уже успела снять свои туфли.

– Нам нужно пробежать быстро, – сказала она, – но они ни в коем случае не должны услышать наши шаги. Если только они услышат, что мы бежим, если заметят хоть какие-то признаки паники – может произойти что-то ужасное.

Она выскользнула в коридор. Мейсон последовал за ней. Вдвоем они побежали по винтовой лестнице, которая вела вниз, в гостиную, откуда Мейсон только что осматривал убранство особняка.

Неожиданно Мейсон осознал, что уже некоторое время прислушивается к далекому шуму, распадавшемуся на монотонное завывание сирен и почти истерический собачий лай. В какой-то момент лай достиг кульминации, а затем вдруг сменился дружным визгом – с таким визгом отлетает в сторону сбитая автомобилем собака.

– А это что такое? – спросил Мейсон.

– Я же говорю вам, не знаю, – сказала миссис Кемптон. – Нам нужно быстрее выбираться отсюда! Мы должны как можно скорее выбраться отсюда!

Она спустилась по лестнице и вбежала в гостиную. Мейсон направился к главному входу.

– Нет, нет, не сюда, – предупредила миссис Кемптон.

Она прошла через соседнюю комнату в столовую, оттуда в буфетную, потом в кухню и сказала:

– Нам придется рискнуть. Это проход в зоопарк. Одному Богу известно, не вернулась ли какая-нибудь из этих обезьян обратно.

Она открыла дверь.

Мейсон шагнул следом за ней в коридор и увидел, что дверцы пустых клеток все еще распахнуты. Похоже, убежавших животных в коридоре не было.

– Пойдемте, – сказал Мейсон и побежал вперед.

– Опасайтесь вон той гориллы, – предупредила она и остановилась только на мгновение, чтобы надеть обувь. Мейсон так резко затормозил, что налетел на стену.

И вновь, когда он поравнялся с клеткой, горилла в диком прыжке бросилась на него,

ударившись о прутья решетки.

Даже стены в коридоре вздрогнули от страшного удара, с которым огромное тело налетело на дверцу.

Мейсон оглянулся и увидел, что миссис Кемптон замерла, прижавшись к стене.

Длинная волосатая лапа гориллы тянулась сквозь прутья клетки, в дикой ярости пытаясь ее достать, и не дотянулась всего несколько дюймов.

В парке собаки снова залились лаем, словно загнав кого-то на дерево. Сирены выли не переставая.

Мейсон отпер дверь, выглянул наружу и сказал:

– Ну а теперь – бегом отсюда.

Они выбежали на Роуз-стрит. Ночной воздух казался сладким и упоительным после страшной звериной вони тесно уставленного клетками коридора.

За спиной у них все было залито ослепительным светом множества прожекторов, освещавших каждый дюйм территории вокруг особняка. Одна из собак завизжала от боли, вслед за этим раздался новый взрыв захлебывающегося лая.

Мейсон оглядел улицу. Поскольку свои часы он оставил поиграть горилле, он не имел понятия, сколько времени прошло с тех пор, как Делла отправилась за полицией.

– Мы можем на кого-нибудь наткнуться, – сказал он, – так что давайте вести себя так, словно мы случайные прохожие, напуганные всей этой суматохой. Мы пойдем быстро, но постараемся не переходить на бег. А теперь расскажите мне, что произошло.

– Ну, – сказала она, – это длинная история. Есть один вопрос, по которому я должна немедленно проконсультироваться с юристом и...

– Кто убил Эддикса? – нетерпеливо прервал ее Мейсон.

Она ускорила шаг.

– Ну-ка подождите! – приказал Мейсон. – Кто убил?..

Он не успел договорить, потому что из-за поворота выехала полицейская машина, две ее красные мигалки выбрасывали два кроваво-красных луча.

Фары выхватили из мрака силуэты Мейсона и миссис Кемптон, и тут же мощный прожектор залил их ослепительно ярким светом.

Взревела сирена.

Миссис Кемптон с тревогой посмотрела на Мейсона.

– Стойте спокойно, – сказал он.

Голос из полицейской машины крикнул:

– Руки вверх!

Мейсон поднял руки.

Полицейская машина притормозила и остановилась рядом с ними: Мейсон разглядел блики на голубоватом металле оружия.

– Что тут происходит, черт бы вас побрал? – спросил голос.

– Я и сам хотел бы это знать, – ответил ему Мейсон.

– Ну, вы-то должны знать. Вы удирали из этого дома во весь дух.

Мейсон сказал:

– Как только вы вполне убедитесь в том, что у меня нет оружия, я достану из кармана свой бумажник и вы сможете убедиться, что я адвокат и что я как раз один из тех, кто вызвал полицию.

– Черт возьми, да это Перри Мейсон! – воскликнул другой голос в полицейской машине. – Вы что, были в этом доме, Мейсон?

– Да, я там был, – сказал Мейсон, – и должен сделать вам заявление, что в спальне на

втором этаже лежит на кровати мертвый человек. Он явно зарезан, и, судя по характеру ран и по тому, как рукоятка ножа торчит у него из спины, я могу со всей уверенностью утверждать, что это не могло быть самоубийством. Вот мое заявление.

Прожектор погас. Один из полицейских спросил:

– А кто это с вами?

– Ее зовут Джозефина Кемптон, – ответил Мейсон, – она мой клиент, и я уполномочен ответить на все вопросы от ее имени.

– Давайте-ка не будем начинать разговор таким образом.

– Мы уже начали именно таким образом.

– Она намерена что-то скрыть от нас?

– Насколько мне известно, нет.

– Тогда почему бы ей не рассказать все самой?

– Потому что, к счастью, она обладает определенными правами. Я хочу получить возможность обстоятельно поговорить с ней наедине до того, как решу, что ей нужно говорить, а чего говорить не стоит. Хочу также обратить ваше внимание на то, что если бы я был единственным адвокатом, кто занят этим делом, то приложил бы все усилия, чтобы прояснить все факты, имеющие отношение к сложившейся ситуации, и сделал бы заявление, проясняющее ее позицию. Однако получилось так, что я всего лишь один из двух ее адвокатов.

– А кто второй?

– Джеймс Этна из фирмы «Этна, Этна и Дуглас».

– И где же он?

– А вот это, – сказал Мейсон, – мы и сами хотели бы узнать как можно скорее.

– Ну что ж, отлично, тогда полезайте в машину, – сказал полицейский. – Сейчас подъедет еще одна машина. Если эта женщина не собирается ничего говорить, мы должны задержать ее как важного свидетеля. Вам это прекрасно известно.

– Превосходно, – ответил Мейсон. – Вы выполняете свой долг, а я свой. Если хотите, задержите ее в качестве свидетеля. Но она будет давать показания, только когда я ей скажу. А я скажу ей только после того, как узнаю, что она собирается рассказывать.

Один из полицейских распахнул заднюю дверцу машины.

– Садитесь на заднее сиденье, – приказал он. – Как вы вообще, черт побери, попали в этот дом? Главные ворота, похоже, заперты и...

– Нет ничего проще – поезжайте по этой улице, пока не увидите дверь с номером пятьсот сорок шесть. Только будьте поосторожнее, когда будете туда входить, потому что там бродят на свободе несколько горилл и, похоже, настроены они весьма воинственно.

– Черт бы побрал такие задания, – недовольно пробормотал один из полицейских второму. – Где же наконец девятнадцатая машина?

– Вот она.

Еще одна полицейская машина показалась в другом конце Роуз-стрит и направилась в их сторону. Ее сирена, только что ревевшая в пронзительном крещендо, выключилась, постепенно затихая в заунывном бормотании.

– Ну вот и порядок, – сказал водитель. – Я, пожалуй, отправлюсь туда вместе с девятнадцатой. А ты оставайся тут и не спускай глаз с этих двоих. И дай-ка мне автомат – не больно-то мне по душе охота на горилл.

Мейсон повернулся к миссис Джозефине Кемптон.

– Вы слышали, что я сказал? – тихо спросил он ее.

– Да.

– Вы поняли, что не должны никому ничего говорить до того, пока не побеседуете со мной

и я не выслушаю всю вашу историю? Вы это хорошо поняли?

– Да.

– Вы не станете нарушать мои инструкции? Вы сможете отказаться от дачи каких бы то ни было показаний?

– Не сомневайтесь.

Патрульные машины продолжали съезжаться. Полицейские переговорили по радиотелефону, и еще несколько патрульных машин с воем сирен прибыли на место происшествия.

Делла Страт припарковала машину Мейсона на соседней улице и теперь бежала со всех ног по переулку.

Мейсон начал вылезать из полицейской машины.

- Эй, сидите спокойно, – одернул его оставленный присматривать за ними полицейский.
- Это моя секретарша, – сказал Мейсон, – я велел ей вызвать полицию. Позовите ее.

Полицейский подумал немного, затем протянул руку к выключателю и помигал красным прожектором.

Мейсон высунул голову из окна машины и крикнул:

- Делла, мы здесь, здесь! Делла! Все в порядке!

Делла Страт замерла на мгновение, прислушиваясь, откуда доносится голос, потом заметила мигающий фонарь и, сразу поняв, что это означает, с криком побежала к машине:

- Шеф, шеф, где ты?
- Я здесь, Делла. Все в порядке.
- Вы секретарша этого типа? – спросил полицейский.
- Да.
- Это она вызвала полицию, – сказал Мейсон. – Она позвонила по телефону.
- Это верно? – спросил полицейский.
- Верно, – ответила Делла. – А кто это там с вами? О, миссис Кемптон. Ради бога, шеф, что там стряслось? Я в жизни не была так испугана. Я подождала пять минут, как ты мне и велел, и, поверь, я следила за секундной стрелкой на моих часах, не снимая руки с педали газа, и в ту самую секунду, когда пять минут прошли, я тронулась с места. Мне казалось, что я никогда в жизни не найду телефон.

– Не беспокойся, Делла, – сказал Мейсон. – Похоже, там, в доме, стряслось что-то действительно из ряда вон выходящее. Я не знаю еще точно, что там случилось. У нескольких клеток были распахнуты дверцы. Очевидно, некоторым гориллам удалось сбежать и они бродили по всему дому. Я как раз собирался вернуться и рассказать тебе об обстановке, но одна из горилл оказалась не слишком дружелюбно настроенной, или, вернее, она стала проявлять совершенно чрезмерное дружелюбие.

- Но в чем причина? Из-за чего поднялась вся суматоха?
- Очевидно, – сказал Мейсон, – охранная сигнализация установлена там...
- Давайте-ка, мэм, садитесь лучше в машину, – вмешался полицейский. Если полицию вызвали именно вы, то нужно будет взять у вас показания. Так что лучше вам подождать тут.
- Моя машина припаркована на соседней улице, – сказала Делла, – я выскочила в такой спешке, что не успела вытащить ключ зажигания. Боюсь, мотор продолжает работать.
- Ничего страшного, – сказал полицейский.
- Но я могла бы быстро сбежать, выключить его и...
- Вы, конечно, могли бы, но лучше будет, если вы останетесь здесь, возразил полицейский.
- И в самом деле, Делла, – сказал Мейсон, – мистера Бенджамина Эддикса, вероятно, убили. Полиция, естественно, должна выяснить все обстоятельства его смерти.
- Ого! – воскликнула Делла Страт.

Мейсон распахнул дверцу машины:

– Залезай и садись с нами.

– Добрый вечер, мисс Страт, – сказала миссис Кемптон.

– Добрый вечер. А что вы...

Она осеклась, потому что Мейсон толкнул ее коленом.

– Продолжайте, продолжайте, – сказал полицейский, – о чем вы собирались ее спросить?

Делла Страт, нисколько не смущившись, совершенно спокойно ответила:

– Я всего лишь хотела спросить ее, как она собирается возвращаться обратно в город. Ведь мы с мистером Мейсоном на машине и могли бы подбросить ее.

– Вот это уж теперь не ваша забота, – ответил полицейский. – Мы сами доставим ее в город. Да, кстати, и вас с мистером Мейсоном тоже.

Из громкоговорителя донеслось:

– Седьмая машина,зываю седьмую машину!

Полицейский наклонился вперед, щелкнул переключателем и ответил:

– Седьмая машина на связи. Прием.

– Это вы сообщили об убийстве в особняке Эддикса?

– Так точно. Я узнал об этом от двоих задержанных – они выбежали из дома. Один из них Перри Мейсон, адвокат. Он заявил, что Бенджамин Эддикс убит. Так вот, с ним была женщина, Джозефина Кемптон, и только что появилась его секретарша. Мистер Мейсон уверяет, что это она вызвала полицию. Что мне делать дальше?

Полицейский щелкнул переключателем.

– Седьмая машина, сообщаю в ответ на ваш запрос: немедленно, как только вернется ваш напарник, доставить в Управление мистера Мейсона, миссис Кемптон и секретаршу мистера Мейсона. Ни при каких обстоятельствах не позволяйте им покинуть машину. Не позволяйте им ни с кем общаться. Проследите, чтобы они не смогли ничего спрятать. Ваш напарник только что получил приказ присоединиться к вам. Все.

Полицейский выключил радио, повернулся к Мейсону и сказал:

– Хорошо, вы сами слышали инструкцию.

– Но вы должны предоставить мне возможность, – возразил Мейсон, перегнать мою машину к Управлению и припарковать ее там. Я поеду за вами следом или, если хотите, перед вами, по любому маршруту, который вы...

– Сидите где сидите, – перебил его полицейский. – В этом деле не все чисто. Вы, черт побери, отлично знаете, почему из Управления отдали такой приказ.

– Почему? – с невинным видом спросил Мейсон.

– Кто-то позвонил с улицы и сделал заявление. О чем бы ни шла речь в этом заявлении, оно заставило... А вот и мой напарник.

Дверь, ведущая в зоопарк, распахнулась, оттуда выбежал полицейский и направился прямо к машине.

Полицейский, стороживший сидевшую на заднем сиденье троицу, завел мотор и отодвинулся в сторону.

Его напарник рванул дверцу машины и прыжком уселся за руль.

– Из Управления нам приказали...

– Я знаю, – перебил водитель и резко рванул с места. – Им надо, чтобы мы доставили этих людей как можно скорее. Включи-ка сирену, Майлз, и пускай она ревет на всю катушку.

– Я оставила машину мистера Мейсона с включенным мотором, – сказала Делла Страт.

Никто не обратил на нее ни малейшего внимания.

Полицейская машина пронеслась по Роуз-стрит, свернула направо, и Делла Страт, взглянув в заднее стекло, воскликнула:

– О боже, фары я тоже не выключила!

Водитель был полностью поглощен дорогой. Второй полицейский внимательно осматривал обочину. Стрелка спидометра переползла через отметку «сорок», затем «пятьдесят», достигла шестидесяти и наконец замерла на отметке примерно семьдесят миль в час, когда они мчались по проспекту.

Мейсон откинулся назад и сказал:

– Расслабьтесь. Расслабьтесь и получите удовольствие!

– Расслабиться! – процедила миссис Кемптон сквозь стиснутые зубы. Черт возьми, с какой стати?

– Вам, – ответил Мейсон, – следовало бы лучше знать китайские пословицы.

Мейсон сидел в Управлении полиции в небольшой комнате для допроса свидетелей. Вдоль стены выстроилось полдюжины обшарпанных стульев. В центре комнаты стоял изрезанный дубовый стол со следами потушенных окурков по краям. В дальнем углу был бачок с водой и упаковкой бумажных стаканчиков. Кроме стульев, стола, бачка с водой, корзины для мусора и двух обшарпанных плевательниц, в комнате больше абсолютно ничего не было.

Мейсон устроился на одном из крайне неудобных стульев. Вытянув свои длинные ноги, и, со значением посмотрев на свое голое запястье, где должны были находиться наручные часы, он подчеркнуто нетерпеливо опустил руку.

Сидевший в комнате полицейский в форме, флегматично попыхивая сигарой, сказал:

– Теперь уже скоро, Не волнуйтесь.

Мейсон недовольно посмотрел на него:

– Мне не нравится, когда со мной обращаются подобным образом.

– Ясное дело, кому же это понравится.

– Вы, наверно, вообразили, что это мы совершили убийство.

– Но вы ведь могли его совершить, разве нет? Кроме вас, в доме никого не было.

– Это просто чушь! – воскликнул Мейсон.

На несколько секунд воцарилось молчание.

– А эта ваша идея: поместить мою секретаршу в одну комнату, меня в другую, мою клиентку – в третью, чтобы мы не могли общаться друг с другом, это, если хотите знать мое мнение, просто дешевый театральный трюк, во всяком случае когда вы имеете дело со мной.

– Ну, – сказал полицейский, попыхивая сигарой, – мое дело маленькое, я выполняю приказ. А вот что вы думаете насчет «Джайантс»? А? Каковы ребята? Что скажете?

– Да, ребята что надо, – согласился Мейсон.

– Ну. А «Доджерс»? Вот это команда!

– Пожалуй, – кивнул Мейсон.

Полицейский курил с абсолютно отрешенным видом, и было совершенно ясно – единственное, что его может заинтересовать, – это время, когда пора будет сменяться с дежурства. Все остальное он воспринимая как скучную неизбежность. Ему было приказано сидеть в этой комнате вместе с Мейсоном и следить, чтобы он ни с кем не общался, – значит, нужно устроиться с максимальными удобствами, выполняя отданый приказ.

– И какой только умник распорядился об этом? – спросил Мейсон.

Полицейский помедлил мгновение, перекинул сигару из одного угла рта в другой, внимательно рассмотрел ее кончик, убедившись, что она горит равномерно, и только после этого ответил:

– Сержант Холкомб.

– Видите ли, – сказал Мейсон, – мое время очень дорого стоит. К тому же мой автомобиль остался там стоять с работающим мотором иключенными фарами.

– Да нет, не остался.

– Что вы имеете в виду?

– Да он у нас внизу стоит. Вы только не говорите никому, что узнали это от меня. Об автомобиле вы можете больше не беспокоиться.

– Отлично, – сказал Мейсон, – значит, я смогу поехать на нем домой.

Полицейский ухмыльнулся.

– Боже милосердный! – воскликнул Мейсон. – Не хотите же вы сказать, что они

собираются и машину конфисковать в качестве вещественного доказательства.

— Ребята как раз ее обшаривают, — ответил полицейский. — Может, они успеют управиться к тому времени, как вас отсюда выпустят. А может быть, и не успеют.

Мейсон сердито заметил:

— Вот мне награда за то, что велел своей секретарше вызвать полицию.

— Нет, — ответил полицейский, — это вам награда за то, что вы находитите слишком много трупов. Больно уж вы шустрый парень. Сержант, видимо, думает, что было бы лучше, если бы вы сидели в своем офисе, а клиенты сами к вам приходили. А то вы вечно оказываетесь где-нибудь на самой линии огня — похоже, у вас просто дар оказываться на месте происшествия как раз в тот момент, когда кого-нибудь кокнут. Да, задумчиво продолжал полицейский, — если речь идет о борьбе за кубок, то я, знаете ли, предпочитаю команды, которые действуют по старинке. Это энергичные ребята, действующие заодно, — вот что приводит команду к успеху. Хорошо еще, что есть такие команды. А некоторые всю игру действуют вразнобой. Вот взять, к примеру, команду, которая играет в бейсбол так себе — на среднем уровне. И вот вдруг совершенно неожиданно кто-то зажигает игру, и ты только видишь, что вся команда словно с ума сходит, вышибает питчеров [в бейсболе: игрок, который бросает мяч игроку, наносящему удар битой], расшвыривает мячи по всей площадке. Они выигрывают кучу пробежек и только после этого успокаиваются. Они могут теперь себе это позволить. Они уже выиграли игру.

— Да, пробежки — это в бейсболе главное, — утомленно согласился Мейсон.

— Ну вот, и я то же самое говорю. Ну, а взять вот, к примеру, «Джайантс». С тех пор как к ним пришел Дюроше, команда действует как одно целое. Вы только представьте себе — что бы они ни делали, они работают сплоченно, как один человек. Они играют с машинной точностью и ждут, пока противник где-нибудь не допустит промашку, и тогда уж они все разом бросаются в прорыв, и нет им равных. Они...

Дверь распахнулась.

Высокий, хорошо одетый мужчина стоял на пороге и приветливо улыбался Мейсону.

Мейсон вскочил со своего стула:

— Ну, вот и лейтенант Трэгг собственной персоной. Вот это действительно приятный сюрприз. А то я боялся, что придется иметь дело с коровьей тупостью сержанта Холкомба.

Лейтенант Трэгг пожал ему руку.

— Не стоит так пренебрежительно отзываться о полицейском, беседуя с его коллегой, Мейсон, — сказал он. — Сержант Холкомб сейчас занят — он беседует... с остальными.

— Я надеюсь, он не обрушит всю свою деликатность и такт на Деллу Страт, — сказал Мейсон.

Лейтенант Трэгг прошел к столу и сел.

— Ну хорошо, Мейсон, — сказал он, — так что же все-таки случилось?

Открылась дверь. Вошел мужчина в штатском с блокнотом для стенографии в руках, уселся за стол, раскрыл блокнот, извлек из кармана авторучку, отвинтил колпачок, поерзал на стуле, словно пытаясь найти единственно верное положение для своих локтей, затем кивнул лейтенанту Трэггу.

— Давайте-ка лучше начнем с самого начала, — сказал лейтенант Трэгг Мейсону.

— В самом начале, — стал рассказывать Мейсон, — Делла Страт и я сидели в офисе. Коммутатор звонил не переставая. Это раздражает. Вообще-то мы ночью на звонки не отвечаем, да обычно никто и не звонит. В общем, мы в конце концов сняли трубку. Кто-то попросил нас приехать в особняк Бенджамина Эддикса.

— Кто-то? — переспросил лейтенант Трэгг.

— Ну да.

– И кто же был этот «кто-то»?

– Я лично голос не узнал, – сказал Мейсон, – во всяком случае, я не настолько уверен, чтобы присягнуть.

– Ну, по крайней мере, какое-то определенное мнение у вас сложилось, не так ли?

– А я думал, что вам нужны свидетельские показания.

– Вы решили ставить нам палки в колеса, Мейсон?

– Нет, всего лишь соблюдать осторожность.

– Хорошо, тогда я спрошу вас прямо. Звонила миссис Кемптон?

– Я не уверен.

– Звонивший представился как миссис Кемптон?

– Ничего не могу вам сказать.

– То есть что это значит – не можете сказать? Вы не знаете, что вам было сказано по телефону?

– Знаю, но у меня еще не было возможности переговорить с моей клиенткой.

– И давно она ваша клиентка?

– Ну вот опять, – сказал Мейсон, – вы касаетесь проблем, которые я хотел бы обсудить с моей клиенткой до того, как буду давать показания полиции. Если вы предоставите мне возможность поговорить пять или десять минут с ней наедине, то я могу сэкономить нам обоим кучу времени.

– Вы, может быть, удивитесь, но мы предоставим вам такую возможность, – небрежно произнес Трэгг, словно уступая в чем-то малозначительном. Итак, вы поехали к особняку Эддикса. Что вы обнаружили, приехав туда, Мейсон?

– Дверь.

– Боже, вы меня просто потрясаете! И что вы сделали, обнаружив дверь?

– Я позвонил. Никто не отозвался. Я толкнул дверь. Она была открыта. Я заглянул внутрь.

Мне не понравилось то, что...

– Да, да. Продолжайте, – поторопил его Трэгг, заметив, что Мейсон запнулся.

– Мне не понравилась обстановка внутри, – ответил Мейсон.

– И что тогда?

– Тогда я велел Делле Страт вызвать полицию, если я не вернусь через пять минут. Я не вернулся через пять минут, и она вызвала полицию.

– Почему вы не вернулись?

– Я был занят.

– И чем же вы были заняты?

– Играл в пятнашки со стадом горилл, предпочтавших, похоже, жесткий стиль игры, а также обнаруживал тела.

– Где находилось тело, когда вы его нашли?

– Я полагаю, на том самом месте, где и вы его нашли. Лежало лицом вниз на кровати.

– Лицом вниз?

– Ну, собственно говоря, тело лежало на животе, а голова была слегка повернута в сторону, так что можно было разглядеть профиль. На шее была рана, а из спины торчал нож, почти точно между лопатками, немного левее позвоночника, как мне показалось.

– А где вы обнаружили миссис Кемптон?

– Она лежала на полу.

– Что она делала?

– Дышала, и больше ничего.

– И что потом?

– Потом мы покинули дом, и нас схватила полиция.
– Мне бы хотелось узнать все более подробно, – сказал Трэгг.
Мейсон пожал плечами.

Трэгг отодвинул стул, взглянул с ухмылкой на полицейского и сказал:
– Отведите мистера Мейсона в ту комнату, где содержится миссис Кемптон. Скажите полицейскому, который за ней присматривает, что я велел оставить их наедине. Я хочу, чтобы им была предоставлена возможность поговорить десять минут с глазу на глаз. Затем мистер Мейсон должен вернуться сюда.

– Благодарю вас, – сказал Мейсон.
– Не за что. Рад оказать вам услугу, – ответил Трэгг.

Полицейский провел Мейсона по коридору в другую комнату, где под охраной полицейского на стуле сидела миссис Кемптон.

Мейсон быстро проговорил:

– Лейтенант Трэгг разрешил нам поговорить десять или пятнадцать минут наедине, миссис Кемптон.

– О, я так рада.

Мейсон выразительно посмотрел на полицейского:

– Наедине.

Увидев подтверждающий кивок сослуживца, полицейский, сидевший в комнате, встал и вышел в коридор.

Как только дверь закрылась, Мейсон вытащил из кармана авторучку, раскрыл блокнот и сказал:

– А теперь, миссис Кемптон, постарайтесь расслабиться и расскажите мне подробно, что случилось.

Он положил блокнот на стол и написал: «В комнате наверняка микрофон. Скажите мне, что вы чересчур взволнованы, чтобы разговаривать».

Миссис Кемптон сказала:

– О, вряд ли... вряд ли я смогу рассказать вам многое, мистер Мейсон. Я так ужасно взволнована.

– Вы уже разговаривали с полицией? – спросил Мейсон.

– Нет.

– Ну, хоть что-то вы ведь должны были им сказать.

– Я сказала им, что вы мой адвокат.

– Что еще?

– Я сказала, что если им хочется услышать от меня какое-нибудь заявление, то они могут обратиться к моему адвокату.

– Ну что же, это правильно, – одобрил Мейсон. – Как бы то ни было, мы можем обсудить все сейчас, и тогда я буду знать, что говорить полиции. Хотя, возможно... ну, если вы так чрезмерно взволнованы, мы попробуем обсудить все вопросы постепенно.

В блокноте Мейсон написал: «Скажите мне, что вы не хотите делать никаких заявлений, пока здесь нет вместе со мной Джеймса Этны».

Миссис Кемптон откашлялась и сказала:

– Ну, я, конечно, могла бы подробно рассказать вам обо всем, что произошло... о том, что мне известно, конечно, мистер Мейсон.

– Совершенно правильно, – сказал Мейсон, – разумеется, вы можете рассказать только то, что вам известно наверняка, и не более того.

– Но, видите ли, у меня есть еще один адвокат, Джеймс Этна. Я полагаю, необходимо

пригласить его. Мне не хотелось бы сначала рассказывать вам, а потом еще один раз ему. Я думаю, лучше подождать, мистер Мейсон, пока я сумею связаться с мистером Этной, и тогда я смогу рассказать вам обоим все, что знаю, хотя знаю я не так уж и иного... и, кроме того, я просто ужасно взволнована.

— Ну что ж, — сказал Мейсон, пряча в карман блокнот и авторучку, если вы так считаете, миссис Кемптон, то я не буду настаивать на своем. Хочу надеяться, что самообладание вернется к вам в самое ближайшее время. Вы должны рассказать нам все, что произошло, и тогда мы сможем сделать заявление для полиции и прессы. Я считаю, что полиция имеет право получить такое заявление как можно раньше, и, конечно, никуда не годится, если вы заявите прессе, что вам нечего сказать.

— Они до сих пор не позволили мне встретиться с прессой, или, вернее, они не позволили прессе встретиться со мной.

— Ну, я думаю, скорее всего, они не станут этому препятствовать, ободряюще сказал Мейсон, потягиваясь и зевая. — Тем не менее вы можете им сказать, что, как только мы проведем совместное совещание с Джеймсом Этной, мы подготовим заявление для прессы.

— Благодарю вас.

Несколько секунд они молчали.

Неожиданно дверь распахнулась, и полицейский сказал Мейсону:

— Пошли обратно. Лейтенант Трэгг хочет вас видеть.

Полицейский, охранявший миссис Кемптон, вошел из коридора в комнату и уселся.

Мейсон жестом успокоил миссис Кемптон и следом за вторым полицейским отправился обратно в ту комнату, где его ждал лейтенант Трэгг.

— Вы взяли что-нибудь в том доме? — спросил лейтенант Трэгг.

— Каком доме?

— В том самом, доме Эддикса, в Стоунхендрже.

Мейсон покачал головой.

— Ну так вот, — сказал Трэгг, — нам нужно в этом удостовериться. Это, конечно, чистая формальность. У вас ведь нет возражений, верно?

— Ну разумеется, у меня есть возражения.

— Не создавайте ненужных сложностей, Мейсон, — вздохнул Трэгг. — Вы не хуже меня знаете, что если будете возражать против досмотра, то мы оформим вас как свидетеля по делу и после оформления заберем у вас все ваши вещи и положим их в конверт, а потом посадим вас в чудесную спокойную камеру и...

— Ладно, — сказал Мейсон, — черт с вами.

Трэгг бегло ощупал одежду Мейсона и сказал:

— Достаньте все из карманов и выложите на стол, Мейсон.

Мейсон заметил:

— Вообще-то мне нужно было бы послать вас к черту, лейтенант, но, поскольку мне сегодня предстоит еще много работы и я хочу поскорее со всем этим покончить, я буду покладистым.

— Вот и прекрасно, — одобрил Трэгг.

— А еще, — продолжал Мейсон, — поскольку мне нечего скрывать.

Мейсон достал из кармана записную книжку.

Трэгг схватил ее.

Мейсон попытался вырвать ее, но опоздал.

Трэгг ухмыльнулся и сказал:

— Это как раз то, что мне нужно, Мейсон.

— Вы не имеете права читать мои личные записи, — возмутился Мейсон.

Трэгг бегло пролистал книжку, наткнулся на страницу, где были написаны инструкции Мейсона миссис Кемптон, вырвал эту страницу и сказал:

— Черт побери, я-то знал, что вас на такой дешевке не проведешь, и это мне нужно только в качестве лишнего доказательства моей правоты — я покажу это тому парню, который решил, что это замечательная идея.

Мейсон запротестовал:

— Вы не имеете права вырывать страницы из моей записной книжки.

— Знаю, знаю, — сказал Трэгг, — идите в суд, возьмите там предписание для нас, и мы тут же вам вернем страницу. А все-таки почему вы так боитесь, что ваша клиентка заговорит?

— Потому что я не знаю, что именно она собирается рассказать.

— Отлично, — сказал Трэгг, — а теперь я хочу кое-что сообщить вам, Мейсон, для вашей же пользы.

— Что? — спросил Мейсон.

— Против миссис Кемптон имеются определенные улики. Мы задержим ее здесь на всю ночь, а возможно, и на весь завтрашний день.

— В чем вы ее обвиняете?

Трэгг ухмыльнулся.

— Вы обязаны выдвинуть против нее обвинение, — настаивал Мейсон, или я подам на вас протест в связи с нарушением закона о неприкосновенности личности.

— Давайте, — сказал Трэгг, — пишите протест о незаконности ареста, Мейсон, и после этого мы или предъявим ей обвинение, или отпустим. А до того как вы оформите все бумаги, она останется у нас. И я хочу предупредить вас — не влезайте в эту историю слишком рьяно, пока не узнаете, в чем там дело. Собственно говоря, Мейсон, в доме находились только двое — она и Бенджамин Эддикс. Одного из них зарезали. Вы понимаете теперь, в каком положении оказалась ваша клиентка?

— Если бы вы дали мне возможность услышать от нее о том, что там произошло, — ответил Мейсон, — я бы...

— Я предоставил вам такую возможность, — возразил Трэгг, — а вы не позволили ей говорить.

— Естественно, — сказал Мейсон, — когда прямо под столом был микрофон, а семнадцать детективов сидели на другом конце провода и подслушивали.

— Ну хорошо, а чего вы, собственно, ждали? — спросил Трэгг.

— Ничего другого я и не ожидал, — согласился Мейсон.

— Тогда, значит, вас не постигло разочарование. Могу поделиться с вами еще парой новостей. Ваша машина в полном порядке. Делла Стратт сидит в ней и дожидается вас. Возвращайтесь в ваш офис. Если вам очень хочется, обратитесь в суд по поводу незаконного ареста. Мне кажется, это не так просто — найти ночью судью, и едва ли вы раньше завтрашнего утра сможете оформить все бумаги и привезти их нам. Лучше позвоните мне завтра утром, и я избавлю вас от множества ненужных хлопот.

— А до тех пор? — спросил Мейсон.

— А до тех пор миссис Кемптон останется у нас.

Мейсон спустился в полицейский гараж, где стояла его машина. Делла Страт, сидевшая за рулем, махнула ему рукой и завела мотор.

Мейсон подошел к машине, открыл правую дверцу и сел рядом.

Делла Страт плавно тронула с места, выехала из полицейского гаража и свернула на соседнюю улицу с уверенностью опытного водителя.

Продолжая внимательно следить за дорогой, она спросила через плечо:

— Ну как, смогли они что-нибудь предпринять?

— Они сделали все, на что у них хватило воображения, — сказал Мейсон, — а с тобой чем они занимались?

— Я болтала без умолку, — улыбнулась Делла. — И рассказала им все, что со мной случилось, и они знали, что это правда, поскольку зафиксировали, откуда и во сколько я звонила. Они обшарили всю машину в поисках отпечатков пальцев и кровавых пятен. После этого они меня отпустили. Но, насколько я поняла, они собираются предпринять что-то относительно тебя и миссис Кемптон. Она заговорила?

— Нет. Она оказалась крепким орешком. Они оставили нас вместе в комнате, нашпигованной аппаратурой для подслушивания.

Делла в ответ только кивнула — она притормаживала перед запрещающим сигналом светофора и, сосредоточившись, внимательно следила за ним, чтобы первой, опередив все машины, выехать на перекресток.

Мейсон наблюдал за ней со снисходительной улыбкой.

— Не произойдет ничего страшного, Делла, даже если какая-нибудь из этих машин нас обгонит.

— Нет, я этого не перенесу, — сказала она. — Вон тот парень в сером седане пытается меня обставить — весь последний квартал он мчался как сумасшедший.

Она немножко поерзала, устраиваясь на сиденье поудобнее, поддернула юбку выше колен, чтобы не стесняла движений, и замерла в напряженном ожидании — левая нога на тормозе, правая на педали газа.

Загорелся зеленый.

Реакция Деллы Страт была мгновенной. Машина прыгнула вперед и пулевой проскочила перекресток. Серый седан попытался ее настичь, но у него ничего не вышло, и он, посрамленный, потерялся где-то позади.

— Ну, куда теперь? — спросила Делла Страт. — В офис?

— К ближайшему телефонному аппарату, — сказал Мейсон, — а после этого нам нужно перекусить. Здесь за углом есть аптека, а рядом с ней — две телефонные будки.

Делла Страт свернула за угол.

Мейсон грустно покачал головой:

— И ты еще позволяла себе отпускать замечания по поводу того, как я вожу машину?

— Когда за рулем я, все воспринимается совершенно иначе, — застенчиво согласилась она.

— Да все и на самом деле иначе, — сказал Мейсон.

Она припарковала машину и присоединилась к Мейсону, ожидавшему ее в телефонной будке.

— Давай, Делла, позвоним сначала Джеймсу Этне, а потом Полу Дрейку, распорядился Мейсон.

Пальцы Деллы Страт с привычной сноровкой набрали номер, и через мгновение она

произнесла:

- Одну минутку, мистер Этна, с вами хочет говорить мистер Мейсон.
- Она передала трубку Мейсону, и тот сказал:
- Здравствуйте, Этна. Миссис Кемптон пыталась связаться с вами. Возникли некоторые осложнения в связи с...
- Я уже слышал об этом, – сказал Этна. – По радио передали сообщение. Я был в гостях у друзей. Мы с женой сразу же вернулись домой, и с тех пор я ищу вас повсюду.
- Вот только в одно место вы не догадались позвонить, – заметил Мейсон.
- Куда?
- В Управление полиции.
- Ого! – воскликнул Этна.
- Наша клиентка, миссис Джозефина Кемптон, находится под арестом в полицейском Управлении.
- В чем ее обвиняют?
- Обвинение пока не предъявлено.
- Вы собираетесь заявить протест по поводу незаконного задержания?
- Мне кажется, от этого не будет никакого проку. Завтра они так или иначе ее отпустят, если она, конечно, не расскажет им что-нибудь ночью, а она, я уверен, не станет этого делать.
- Я, может быть, смогу быть чем-то полезным, Мейсон, – сказал Этна, но мне нужно знать, в чем там дело. Не могли бы вы мне вкратце рассказать, что произошло?
- Она мне позвонила и сказала, что не может до вас дозвониться и что ей немедленно нужен адвокат. Она была в Стоунхендрже. Мы с моей секретаршей немедленно выехали туда, предварительно договорившись, что заодно она откроет нам дверь. Дверь оказалась открытой, но миссис Кемптон лежала без сознания на полу спальни на втором этаже, а на кровати лицом вниз лежал Бенджамин Эддикс, на теле которого было несколько ножевых ран, а из спины торчала рукоятка большого кухонного ножа.
- Насколько я понял, животные вырвались на свободу, и все вокруг было разгромлено, – заметил Этна.
- Не сказал бы, что все было разгромлено, но суматоха, конечно, там царила страшная.
- Вы не думали о том, чтобы разрешить ей рассказать обо всем, что там произошло?
- Я никогда не разрешаю клиентам рассказывать полиции о том, что произошло, пока сам не узнаю, что _и_ _м_ _е_ _н_ _н_ _о_ произошло, – ответил Мейсон.
- Вам виднее, дело ведете вы, – сказал Этна.
- Я не веду дело, – возразил Мейсон, – в данном случае я выступаю всего лишь в качестве вашего компаньона.
- Нет, нет. Вы должны взять все на себя, если там действительно что-то серьезное. Я не чувствую себя достаточно опытным, чтобы вести такого рода дело. Честно говоря, я абсолютно уверен, что за всем этим скрывается нечто нам совершенно не известное, и это меня тревожит. Что миссис Кемптон делала в Стоунхендрже?
- Именно этого и добивается от нее полиция.
- А вам она не рассказывала?
- Нет. Да, честно говоря, у нее и не было такой возможности.
- У меня есть выходы на газетчиков, и я думаю, что смогу кое-что разузнать о том, что там происходит. Давайте встретимся, ну, скажем, в девять утра.
- Прекрасно, – ответил Мейсон.
- Что ж, тогда я буду у вас в офисе в девять. Уверен, что буду уже располагать кое-какой информацией.

— И тогда, — сказал Мейсон, — если к тому времени они все еще не отпустят миссис Кемптон, мы напишем протест по поводу незаконного ареста.

Мейсон повесил трубку и уже через мгновение набирал личный, отсутствующий в телефонной книге номер Пола Дрейка, главы «Детективного агентства Дрейка».

Услышав голос Дрейка, Мейсон сказал:

— Пол, у меня есть для тебя работенка, причем весьма срочная.

— Ну почему, черт побери, у тебя всегда возникают проблемы ночью? раздраженно спросил Дрейк.

— Отнюдь _н_е _в_с_е_г_д_а_, — возразил Мейсон.

— Во всяком случае, в какое бы время ты ни позвонил, я всегда могу рассчитывать на бессонную ночь впереди. Ну и что тебе от меня нужно?

— Мне нужно, — сказал Мейсон, — чтобы ты выяснил все досконально о покойном Бенджамине Эддиксе.

— П_о_к_о_й_н_о_м_ Бенджамине Эддиксе?

— Вот именно. Сегодня вечером кто-то воткнул ему между лопаток кухонный нож, и полиция задержала для выяснения обстоятельств мою клиентку, Джозефину Кемптон.

— И что тебе нужно знать о Бенджамине Эддиксе?

— Все.

— А что тебе нужно знать об убийстве?

— Все.

— И конечно же, —sarcastically произнес Дрейк, — тебе нужно, чтобы я все это разузнал к девяти часам утра.

— Ошибаешься, — сказал Мейсон, — мне все это нужно к половине девятого, — и повесил трубку.

Ровно в половине девятого Мейсон зашел в офис «Детективного агентства Дрейка», располагавшийся на том же этаже, что и офис Мейсона.

— Пол у себя? — спросил он девушку, сидевшую у коммутатора.

— У себя, — ответила та, — и ждет вас, мистер Мейсон.

— Хорошо, — сказал Мейсон, — передайте ему, чтобы он зашел в мой офис. У меня назначена встреча на девять, и Делла Страт должна подойти к половине девятого.

Мейсон прошел к своему офису и увидел, что Делла Страт уже дожидается его.

— Привет, Делла. Давно меня ждешь?

— Минут десять.

— Тяжелый у тебя вчера выдался денек.

— У меня? Это у тебя выдался тяжелый денек, ведь это ты играл в пятнашки с гориллами.

Кошмары ночью не мучили?

Мейсон усмехнулся:

— Кошмары меня не мучили, но я чертовски долго не мог заснуть. Что-то все-таки есть в этих гориллах такое... в общем, есть о чем призадуматься, когда она смотрит на тебя и начинает колотить себя в грудь.

— Да уж наверное. Пол Дрейк придет?

— Да. Проходя мимо, я заглянул к нему в контору. Посмотрим, сможем ли мы добить сведения об убийце, Делла. Хорошо бы доставить его тепленьким лейтенанту Трэггу — поглядим тогда, что он будет делать.

Делла Страт позвонила в Управление полиции и выяснила, что лейтенанта Трэгга на месте нет.

— Попробуй тогда дозвониться до сержанта Холкомба, — сказал Мейсон.

— Ты же знаешь, как он тебя ненавидит, — предупредила Делла Страт.

— Ничего страшного, — ответил Мейсон. — Посмотрим, что скажет Холкомб. Мне нужна информация.

Минуту спустя Делла Страт кивнула. Мейсон взял трубку.

— Доброе утро, — сказал Мейсон. — Я хотел бы получить информацию о моем клиенте, господин сержант.

— И что вам нужно?

— Я хочу знать, — ответил Мейсон, — писать ли мне протест по поводу незаконного ареста Джозефины Кемптон, или вы все-таки собираетесь ее отпустить.

— Мы ее уже отпустили.

— В самом деле? Но мне ничего об этом не известно.

— Ну, так теперь будет известно. Ее освободили примерно полчаса назад. Я пытался дозвониться до вас, но не смог. Номера вашей конторы нет в телефонной книге. Вы ведь у нас особа исключительная. Миссис Кемптон не знала, где можно найти ваш номер, я тоже не знал. Телефон ее второго адвоката, Джеймса Этны, в книге есть. Я позвонил ему. Он сказал, что заедет за ней.

— И вы ее освободили? — спросил Мейсон.

— Ну да.

— Значит, вы ее больше не подозреваете?

— А кто вам сказал, что мы ее в чем-то подозревали?

— Ну хорошо, — утомленно сказал Мейсон, — нет так нет.

Он повесил трубку.

Делла Стратт вопросительно посмотрела на него.

— Холкомб говорит, что ее отпустили, — доложил Мейсон.

Пол Дрейк постучал в дверь условным стуком.

Делла Стратт открыла дверь.

— Ну что, — сказал Пол Дрейк, — вы, я вижу, свеженькие, как огурчики? И похоже, прекрасно выспались. А взгляните-ка на меня. Я на ногах еле стою. Я просто накачан кофе пополам с информацией.

— Прекрасно, — сказал Мейсон. — Садись. Кофе можешь оставить при себе, а информацию выкладывай.

Пол Дрейк, высокий человек с мертвенно-бледным непроницаемым лицом опытного игрока в покер, натренированного за долгие годы скрывать любые чувства, с торжественным видом уселся в огромное, невероятно пухлое кожаное кресло и принял свою любимую позу, свесив длинные ноги через одну из ручек кресла и оперевшись на вторую ручку спиной.

Он с чудовищным шумом зевнул, вытащил из кармана записную книжку и сказал:

— Я полагаю, вы хотите, чтобы я начал с самого начала.

— Это точно.

— Бенджамину Эддиксу, — заговорил Пол Дрейк, нарочито растягивая слова, — по слухам пятьдесят два года. По некоторым сведениям, у него есть младший брат, Герман Эддикс, которому сорок шесть лет. Они были в свое время неразлучны. Оба не получили хорошего образования, происходили из бедной семьи. Герман из поля зрения исчез. Бенджамин уверял, что не имеет ни малейшего представления о том, где он. Возможно, это правда. Ходили слухи, что Герман ввязался в драку, убил кого-то и...

— Кончай с этим, Пол, — резко перебил его Мейсон, — ты же детектив. Какое тебе дело до всех этих дурацких слухов? Мне нужны факты. Что тебе известно точно?

— Фактически, Перри, — сказал Дрейк, — ни черта мне точно не известно. Эддикс миллионер. У него крупный бизнес, связанный с разработкой полезных ископаемых. Здесь он живет шестнадцать лет. Что до этого с ним было, никому не известно, — ни откуда он родом, ни где и как он сколотил свое состояние.

— Ты хочешь сказать, что этого не знают даже в его банке? недоверчиво переспросил Мейсон.

— Я хочу сказать, что этого вообще никто не знает. Он всегда отказывался отвечать на какие бы то ни было вопросы. Он обычно говорил: «Я же не прошу у вас кредита. Я покупаю и продаю за наличные».

— Но, черт побери, Пол, есть же еще налоговая инспекция?

— Он сказал им, что у него амнезия. Первое, что Эддикс якобы смог вспомнить, это как он очнулся здесь в отеле с двумя тысячами долларов в кармане.

— Пол, неужели они поверили такой сомнительной байке?

— Нет, конечно. Им удалось раздобыть его отпечатки пальцев. Раньше они нигде не были зарегистрированы. У ФБР данных на него не оказалось.

— Ты можешь приблизительно прикинуть, сколько он стоит?

— Примерно два или три миллиона чистыми. У него невероятно большие доходы, а собственность находится в самых разных местах, так что довольно трудно оценить точно. Как бы то ни было, он был достаточно хорошо обеспечен, чтобы позволить себе все, что только взбредет ему в голову.

— И что же ему взбрело? — поинтересовался Мейсон.

— Вот в этом-то весь фокус, — сказал Дрейк. — Знаешь, Перри, если говорить начистоту, то

речь идет о состоянии в два или три миллиона долларов, и, конечно, он оставил завещание. Так вот: его, вероятно, можно было бы оспорить на том основании, что Бенджамин Эддикс был душевнобольным.

– Потому что он экспериментировал с гориллами? – спросил Мейсон.

– Мне кажется, все гораздо глубже, – сказал Дрейк. – Похоже, Бенджамин Эддикс панически боялся самого себя. Лично я уверен, что он собирался кого-то убить, а может быть, уже убил кого-то.

– Что тебя навис на такую мысль?

– Видишь ли, он отчаянно пытался доказать, что стремление к убийству является у человека врожденным инстинктом. Он утверждал, что цивилизация может подавить этот инстинкт и тогда он как бы дремлет, особенно если ребенок воспитывался в атмосфере безопасности. Когда шла жестокая борьба за существование, как он считал, необходимость убивать была заложена во врожденные инстинкты человека. Он утверждал также, что человек может быть введен в гипнотическое состояние и может совершить убийство, не осознавая, что делает, а очнувшись от гипнотического транса, даже не будет помнить об этом – никаких воспоминаний.

– То есть, другими словами, он, возможно, пытался защитить себя от обвинения в прошлом убийстве, – сказал Мейсон.

– Или в будущем, – заметил Дрейк.

– Но совершенно ясно, Пол, что столь необычная личность должна была вызвать у кого-нибудь желание хорошенько покопаться в его прошлом! Ведь, услышав о такой истории, шантажист готов был бы потратить несколько лет, только бы раскрыть тайну.

– Это точно, – согласился Дрейк. – Правительство потратило на него какое-то время – выяснили даже вопрос с гражданством. Все уперлось в тупик. Просто удивительно, до чего легко выйти сухим из воды, если заявить: «Я ничего не могу вспомнить о своей прошлой жизни, поэтому даже и не ломаю над этим голову. В конце концов, настоящее ведь важнее, и вот оно-то меня и интересует».

– Короче говоря, он истратил целое состояние, чтобы доказать свои теории, – сказал Мейсон.

– Совершенно верно, – пытаясь подготовить для себя защиту.

– Естественно, – продолжал Мейсон, – что с людьми он не мог экспериментировать.

– В том-то и дело. Он приобрел обезьян и пытался научить их убивать, пытался загипнотизировать их, чтобы они выполняли внущенные им приказы.

– И как он пытался этого добиться?

– Всеми возможными способами. У него было несколько дрессировщиков и опытный психолог-гипнотизер. Я говорил с ним, это некто по имени Блевинс. Алан Блевинс.

– Где Блевинс находился прошлой ночью?

– У себя дома.

– В Стоунхендж он не заезжал?

– Все, кто занимался экспериментами с обезьянами, были уволены примерно неделю назад, – сказал Дрейк. – Эддикс просто-напросто рассчитал всю компанию.

– Почему?

– Он заявил, что его эксперименты успешно завершены.

– А чем занимался лично он?

– Вот тут кое-что начинает проясняться. Более полную картину сможет дать Блевинс. Разумеется, Перри, этот Блевинс не очень-то был расположен к сотрудничеству. Мне ведь пришлось связаться с ним около трех часов ночи и сообщить, что дело не терпит отлагательства и все такое в том же духе.

– Ну что ж, – сказал Мейсон, – если Эддикса все же убила не горилла, то прокурору округа придется угробить чертовски много времени, чтобы собрать доказательства, кто же на самом деле это сделал. Но ты должен успеть выяснить об Эддиксе все, что только можно, Пол.

– Само собой. Материала у меня как раз предостаточно. Тебе-то я рассказал как раз о том, что мне еще не известно.

– Адвокату Эддикса, Сиднею Хардвику, известно кое-что о подноготной Эддикса. Не знаю, насколько подробно, но рассказывать он ничего не будет.

– Эддикс вложил большие деньги в золотодобывающие шахты, потом занялся нефтью. У него открыты счета в дюжине банков, да и к тому же многие дела он проворачивал, используя только наличные. Налоговому управлению все это не нравится. Они постоянно следят за ним. Но его менеджер, Мортимер Херши, так может подтасовать цифры, что кого хочешь обведет вокруг пальца. Натан Фэллон заметно уступает ему в этой области, к тому же у него были напряженные отношения с Эддиксом. Несомненно, все шло к тому, что однажды Фэллона выставили бы за дверь.

– Лучше выясни, Пол, где Фэллон был прошлой ночью, – попросил Мейсон.

Пол Дрейк с усмешкой посмотрел на адвоката.

– А чем же, черт побери, я, по-твоему, занимался всю ночь? – спросил он. – Я постарался выяснить все, что только было известно полиции, и поначалу это не так уж много. Натан Фэллон был в Лас-Вегасе, и он там действительно был, никуда не отлучаясь. Херши был в Санта-Барбаре. Я его проверяю досконально, да и полиция тоже.

– Еще что-нибудь важное есть, Пол?

– Сколько угодно. Но вот чего я не могу понять. Эддикс не доверял абсолютно никому в своих деловых операциях. У него были секреты и от Фэллона, и от Херши.

– Ты его за это осуждаешь?

– Отнюдь.

– И какого рода были эта секреты, Пол?

– Ну, к примеру, Эддикс мог вдруг исчезнуть. Мне рассказал об этом один из членов команды его яхты, который был зол на хозяина за то, что тот его уволил. Он рассказал, что очень часто, когда все считали, что Эддикс отправился куда-то на яхте, на самом деле он прибывал на яхту, а в последний момент сходил на берег и яхта отправлялась в плавание без него. На яхте был телефон для связи с берегом, Эддикс звонил капитану и давал ему инструкции – куда плыть и все такое. Потом они бросали якорь у Каталины, и тут же на яхте появлялся Эддикс, делая вид, что он все время был на борту, сидел запервшись в своей каюте и работал.

Мейсон озадаченно поджал губы:

– Кто был в курсе этого, Пол?

– Только капитан, а капитан держит свой рот закрытым плотнее, чем моллюск.

Мейсон поразмыслил над этим, затем сказал:

– Ну хорошо, Пол, но ведь он звонил откуда-то издалека. Он должен был оплачивать счета за переговоры. Вот что тебе надо сделать. Всеми правдами и неправдами раздобудь телефонные счета на номер телефона яхты и начинай проверять, откуда он звонил. Нужно выяснить, где он находился тогда, скрываясь и от Фэллона, и от Херши. Как ты думаешь, Пол, может быть, это связано с женщинами?

– Судя по всему, их у него вообще не было, – сказал Дрейк, – не вот что известно наверняка, так это то, что он был великий мастер по части финансовых махинаций, особенно с наличными, и я лично совершенно уверен он пытался надуть налоговое управление.

– У тебя есть его фотографии?

– Конечно.

– Ну что ж, проверь телефонные счета, и поглядим, что в результате удастся выяснить.

– Хорошо, – сказал Дрейк. – Теперь вот еще что. Он...

Дрейка прервал негромкий настойчивый стук в дверь.

Делла Страт приоткрыла дверь, заглянула в комнату, потом распахнула дверь настежь и сказала:

– Доброе утро. Что-то вы сегодня рановато.

В контору вошли Этна и Джозефина Кемптон.

Мейсон представил их Полу Дрейку и повернулся к Этне:

– Ну, как дела?

– Все прекрасно, – с торжественным видом сказал Этна. – Мы легко отделались, Мейсон.

Миссис Кемптон кивнула и расплылась в улыбке:

– Они были со мной чрезвычайно любезны.

Мейсон нахмурился.

– Что вы им рассказали? – с подозрением спросил он.

– Я ничего не стала им рассказывать. Я сделала все в точности так, как вы меня проинструктировали.

Мейсон внимательно посмотрел на нее, затем резко повернулся к Полу Дрейку:

– Прошу прощения, Пол, но мы вынуждены попросить тебя удалиться. Я не хочу сказать, что мы тебе не доверяем, но так уж установлено, что клиент, обсуждающий свои проблемы с адвокатом в присутствии третьего лица, теряет предусмотренное законом право считать такой разговор абсолютно конфиденциальным. На Деллу, разумеется, как на мою секретаршу, это положение не распространяется, а на тебя, к сожалению, да.

– Ну и чудесно, – сказал Дрейк. – Может быть, я смогу хоть немного перекусить. Мне уже до чертиков надоел кофе и сэндвичи с ветчиной, которые я глотал не жуя между телефонными звонками. Я спущусь вниз и поем как человек, сидя за столом.

Дрейк вышел из комнаты.

Мейсон повернулся к Этне и миссис Кемптон.

– Садитесь, – сказал он. – А теперь, миссис Кемптон, я хочу услышать от вас правду, чистую правду, и ничего, кроме правды.

– Но я рассказала вам правду.

Мейсон покачал головой.

– Мистер Мейсон, – воскликнула она с негодованием, – неужели вы думаете, что я могла солгать?

– Я знаю полицейских, – сказал Мейсон. – Я знаю методы их работы. В доме не было никого, кроме вас и убитого. Вы отказались рассказывать о том, что произошло, а теперь уверяете меня, что полиция вас отпустила.

– Но так оно и есть на самом деле. Они меня отпустили. Они даже послали ко мне на квартиру человека за моей одеждой.

– То есть как это? – спросил Мейсон.

– Ну, они сказали мне, что мою одежду необходимо отдать для тщательного лабораторного исследования, они всегда так делают в тех случаях, когда свидетель присутствовал при убийстве, и это обычная формальность. Они сказали, что, скорее всего, до завтрашнего дня я не смогу получить одежду обратно и что если мне не хочется ждать, то они могли бы послать в мою комнату сотруднику и та принесла бы все, что мне нужно.

– И они так и сделали?

– Да.

– Вы дали им ключ от вашей квартиры?

- Он был в моем конверте – они ведь все отбирают и кладут в конверт.
- И вы подписали бумагу о том, что не возражаете, если они войдут в вашу квартиру?
- Ну да.
- И что было потом?

– Потом они привезли мою одежду. Они все были любезны до приторности. Они сказали, что сожалеют о моем вынужденном задержании, что теперь они установили, кто убил мистера Эддикса, и с меня сняты абсолютно все подозрения.

- Кто вам это сказал?
- Надзирательница.
- Что было после этого?
- Ну, – сказала она, – они спросили меня, что я собираюсь делать, и я ответила – позвонить вам.

- Когда это было?
- Сегодня рано утром.
- Продолжайте.

– Похоже, никто не знал, как вас разыскать до того, как вы придетете в свой офис, но у них был домашний телефон мистера Этны. Я знала, что он уже должен был встать, и велела им позвонить ему.

- И он приехал и забрал вас? – спросил Мейсон.
- Совершенно верно.

Мейсон взглянул на Этну. Тот кивнул.

- Прямо из камеры? – спросил Мейсон.
- Ну, не совсем так, – уточнил Этна. – Я встретился с ней в гараже внизу.
- В гараже?
- Да.
- В каком гараже?
- В полицейском гараже, где у них...

– Там, куда они привезли нас прошлой ночью, – перебила его миссис Кемптон. – Вы же помните, там у них гаражная стоянка сразу за тем местом, где они нас высадили. В общем, мне не хотелось никого беспокоить, и я сказала полицейским, что просто спущусь вниз в гараж и подожду мистера Этну – чтобы он подъехал туда.

- И вы дожидались его там?
- Да, как раз на том месте, куда они привезли нас прошлой ночью – где мы вышли из машины.

Мейсон повернулся к Этне:

- Но вы ведь не могли туда проехать?
- Нет, конечно, я оставил машину снаружи и подошел к двери. Я махнул рукой, и миссис Кемптон выбежала. А что! Это имеет какое-либо значение?

- Да, именно это я и рассчитывал услышать.
- Я не улавливаю, – сказал Этна.
- Миссис Кемптон, – сказал Мейсон, – вы кое-что скрыли от нас.
- Что вы имеете в виду?
- Вы скрыли от нас нечто очень важное, некий факт, который...

Она прервала его, отрицательно покачав головой:

- Я рассказала вам абсолютно все, мистер Мейсон.
- И мистер Этна повез вас прямо сюда? – спросил Мейсон.
- Он сначала завез меня домой. Я забежала буквально на пять или десять минут, и мы

поехали сюда.

— Она хотела задать вам несколько вопросов, — сказал Этна.

Миссис Кемптон кивнула:

— Мистер Мейсон, если человек умирает — что происходит с его банковским счетом... я имею в виду его неоплаченные чеки?

Мейсон пожал плечами:

— От чеков нет никакого проку после того, как человек умер. Его банковский счет замораживается. Как только банк получает извещение о смерти клиента, он прекращает оплату всех чеков.

— А если на чеке гарантийная подпись кассира банка?

— Подписанные кассиром чеки, — сказал Мейсон, — оплачиваются банком. Банки не умирают.

— А если он... ну, я просто интересуюсь...

— Почему вы этим интересуетесь? — спросил Мейсон.

— Ну... просто в связи с теми способами, которыми мистер Эддикс делал бизнес. Вы ведь знаете, мистер Мейсон, он очень многие дела проворачивал, используя наличные. Занимаясь разными махинациями, он имел обыкновение платить наличными или банковскими чеками. Он обычно покупал чеки в разных банках, а затем делал на них передаточную надпись.

— И вас интересует, не стал ли банковский чек с его передаточной надписью недействительным, если он умер раньше, чем чек был оплачен?

— Верно.

— А почему?

— Ну, просто для того, чтобы составить об этом для себя четкое представление.

Мейсон сказал:

— Банковский чек должен быть оплачен, а вот теперь давайте рассказывайте, что там произошло на самом деле.

— Хорошо, — согласилась она. — Я расскажу вам правду, я расскажу вам всю правду, и вы тогда сможете посоветовать мне, что делать. Едва ли я осмелюсь рассказать об этом еще кому-нибудь, поскольку все выглядит таким...

— Что вы сказали газетчикам? — перебил ее Мейсон.

— Ничего.

— Они с вами беседовали?

— Нет. В полиции мне сказали, что отпустят меня рано утром и газетчики ничего об этом не будут знать. Они дали мне возможность прийти в себя.

Мейсон повернулся к Этне:

— Дело с каждой минутой принимает все более дурацкий оборот.

— Да, но, в конце концов, могут же и полицейские проявить тактичность, — сказал Этна.

— Конечно, могут, — согласился Мейсон, — но они ни за что не станут ради этого настраивать против себя всех газетчиков.

— Но в этот раз они поступили именно так.

— Черт побери, вот это меня и беспокоит, — сказал, понизив голос, Мейсон. — Продолжайте, миссис Кемптон. Расскажите нам, что произошло. Прежде всего, каким образом вы очутились в Стоунхендрже?

— Мистер Эддикс позвонил мне.

— Куда?

— Ко мне домой.

— Откуда ему известен ваш номер?

— Этого я не знаю.

- Что он вам сказал?
 - Что хочет со мной встретиться.
 - Он сказал вам, по какому поводу?
 - Он хотел лично извиниться за величайшую несправедливость, допущенную им по отношению ко мне. Он хотел сообщить мне нечто очень важное.
 - Мистер Этна знает об этом разговоре?
 - Нет. Мистер Эддикс велел мне никому об этом не говорить и приехать к нему домой в шесть часов.
 - В шесть?
 - Да. Он сказал, что у него еще несколько важных встреч и до шести часов он будет занят, а после этого у него назначена встреча в шесть сорок пять. Так что я должна была приехать туда ровно в шесть.
 - И вы приехали в шесть?
 - Да.
 - Как вы прошли в дом?
 - Я прошла через дверь на Роуз-стрит, пятьсот сорок шесть.
 - Она была открыта?
 - Нет, заперта.
 - Как же вы вошли?
 - У меня был свой ключ.
 - Вы хотите сказать, что все это время ключ оставался у вас?
 - Ну, у меня ведь был свой собственный ключ, и никто не потребовал его вернуть.
 - Эддикс знал об этом?
 - Он спросил меня, есть ли у меня ключ, и я ответила, что есть. Он сказал, что это хорошо, и велел пройти прямо через заднюю дверь и подняться в его офис на втором... А собственно, что в этом такого, мистер Мейсон? Я делала так сотни раз, когда работала там.
 - Тогда вы там работали, – сказал Мейсон, – это совсем другое дело.
 - Ну боже мой, не могла же я рассчитывать на то, что такой занятой человек, как мистер Эддикс, спустится по лестнице и пройдет через весь коридор только для того, чтобы меня впустить, тем более что у меня есть ключ и я прекрасно знаю дорогу.
 - А больше там не было никого, чтобы вас впустить?
 - Нет. Он был один во всем доме.
 - Он сказал вам это, когда звонил?
 - Да.
- Мейсон задумался:
- Это был именно он? Вы узнали его голос?
 - Ну конечно. Он даже пошутил по поводу того, что так невнятно бормочет из-за этой повязки.
 - Во сколько он вам позвонил?
 - Примерно в половине третьего дня.
 - И вы сразу туда поехали?
 - Да. Я села на автобус, который останавливается на углу Олив-стрит ровно без десяти шесть. Видите ли, я хорошо знаю расписание автобусов, поскольку часто туда ездила.
 - Черт с ним, это как раз меня не очень интересует, – досадливо поморщился Мейсон. – Давайте о главном. Когда вы туда пришли, он был жив?
 - Да.
 - Что он вам сказал?

– В том-то и дело, что он не успел ничего сказать. Он был убит как раз в тот момент, когда я вошла и...

– Кто его убил?

– Горилла.

Мейсон вздохнул:

– Ну, ну, миссис Кемптон. Давайте все-таки оставаться на почве реальности.

– Мистер Мейсон, я прошу вас, вы должны мне верить. Я говорю чистую правду. Я видела это своими собственными глазами. Мистер Эддикс лежал на кровати, а горилла несколько раз вонзила в него нож.

– Что это была за горилла?

– Мистер Мейсон, я не могу утверждать наверняка, какая именно горилла это была. Одна из тех самых больших, но точно я не знаю. Видите ли, это может показаться совершенно невероятным, но горилла убила его, находясь в гипнотическом трансе.

Мейсон внимательно смотрел на нее.

– Неужели вы не верите мне, мистер Мейсон?

– Даже если бы поверил я, – сказал Мейсон, – присяжные все равно не поверят.

– Собственно говоря, почему бы и нет, – вышла из себя миссис Кемптон, – в конце концов, это именно то, чего мистер Эддикс пытался добиться многие годы. Он хотел выдрессировать такую гориллу, которую он мог бы загипнотизировать и...

– Ладно, – сказал Мейсон, – продолжайте. Давайте не будем терять время в бесплодных спорах. Я хочу знать, что произошло.

– Короче говоря, я вошла в комнату. В первый момент я не заметила мистера Эддикса. Я позвала его, а затем увидела, что он лежит на кровати. Мне показалось, что он спит, но тут из-за угла, со стороны ванной, вышла горилла. Она была загипнотизирована, мистер Мейсон.

– Вы уже дважды это повторили. Откуда вы знаете?

– По выражению глаз. Горилла скалилась на меня, она подошла к кровати своей характерной неуклюжей походкой и... она все время скалилась, словно наслаждаясь тем, что поменялась ролями со своим мучителем.

– А что сделали вы?

– Я закричала и потеряла сознание.

– Вам известно было, что по дому бродят гориллы? – спросил Мейсон. Они уже: сбежали, когда вы шли по проходу мимо клеток?

– Нет, все было в полном порядке. Две большие гориллы сидели в той клетке, которая потом оказалась открытой, и еще одна, самая добродушная горилла – в другой.

– Значит, – сказал Мейсон, – кто-то успел выпустить этих горилл за то время, пока вы...

– Это сделала горилла.

– Какая?

– Та горилла, которая убила мистера Эддикса.

– Откуда вы знаете?

– Я абсолютно уверена в этом, мистер Мейсон. Я достаточно долго крутилась рядом с ними, чтобы знать их привычки. Клетки запираются снаружи на задвижку, и едва горилла окажется на свободе, как она сразу откроет остальные клетки. Она это в первую очередь сделает.

– Продолжайте, – сказал Мейсон.

– Ну, короче говоря, – сказала миссис Кемптон, – я потеряла сознание. Когда я пришла в себя, рядом сидела маленькая ручная горилла – она всегда ко мне хорошо относилась. Она тихонько повизгивала, выражая свою симпатию, и лизала мне лицо. Я думаю, именно это и

привело меня в чувство.

- Вы испугались?
- Не слишком. Я сразу узнала эту гориллу, как только открыла глаза.
- И что потом?
- Потом, – сказала миссис Кемптон, – я заговорила с ней, и она страшно обрадовалась, увидев, что со мной все в порядке. Она трепала меня по щеке и гладила волосы и была просто счастлива.

– А затем что?

– Затем я встала, огляделась и увидела, что мистер Эддикс мертв. Я заметила, что у него из спины торчит нож. Тогда я подошла к телефону и попробовала дозвониться до мистера Этны, но безуспешно. Я пыталась дозвониться до вас, и никак не могла, и уже совершенно отчаялась, когда наконец мисс Стрит ответила мне.

– Почему вы не вызвали полицию?

– Потому что не знала, как поступить, мистер Мейсон. У меня не было уверенности. А вдруг вы прикажете мне уйти из этого дома и никому никогда не признаваться, что я там вообще была? Ну... ну, в общем я совершенно не представляла себе, что делать.

– И где все это время находилась огромная горилла?

– Первое, что я сделала, – сказала миссис Кемптон, – это закрыла все двери, через которые наверху можно попасть в апартаменты мистера Эддикса.

– А ваша ручная горилла?

– Я оставила ее с собой в комнате. Она совершенно не опасна. Она как ребенок. Она так рада была меня видеть, что я просто не смогла ее прогнать. Она хлопала в ладоши и...

– Продолжайте, – подбодрил ее Мейсон.

– Ну и вот, – сказала она, – я обещала встретить вас внизу, у двери, выходящей на Роузстрийт, пятьсот сорок шесть. Я не отваживалась выйти в коридор, но потом, через некоторое время, решила, что ничего страшного не произойдет – это как раз в тот момент, когда я ожидала вашего появления. Я тихонечко открыла дверь в коридор и выглянула. Все было тихо, и я прокралась в холл, а потом... ну, похоже, что-то меня ударило. Последнее, что осталось у меня в памяти – это огромный сноп искр, посыпавшихся из глаз, а потом я ничего не помню до того самого момента, когда стала приходить в себя на полу в комнате, и тут я увидела, что вы стоите лицом к лицу с гориллой, и при виде этой гориллы я поняла, что с вами может случиться беда.

– Почему?

– Потому что это была одна из самых злобных горилл. Она была по-настоящему опасна. Никогда нельзя сказать наверняка, что ей взбредет в голову. По-моему, она выломала дверь или что-то в этом роде, потому что, помню, я видела сломанную дверь и полагаю, что именно ужасный треск помог мне прийти в сознание.

– Продолжайте, – сказал Мейсон.

– Все остальное вы знаете. Я поняла, что мы в страшной опасности, и я... ну, я объяснила вам, что нужно делать.

– Это самая странная, самая дурацкая история из всех, что мне доводилось когда-нибудь в жизни слышать! – воскликнул Мейсон.

– К моему сожалению, мистер Мейсон, это правда.

– Вся правда?

– Абсолютно вся, и я прошу вас о помощи.

Мейсон встал и принял мерить шагами комнату. Через минуту он сказал:

– По-моему, один шанс из ста, что это может оказаться правдой. Но кто бы ни послал вас в нокаут, он должен был после этого притащить вас обратно в комнату. Когда я смотрю на вас,

мне кажется, что вы рассказываете очень убедительно. Но когда я отвожу глаза, то не могу поверить своим ушам.

— Мистер Мейсон, вы мне не верите?

— Нет.

Миссис Кемптон рассердилась:

— Я рассказала вам в точности, что там произошло.

— Ну ладно, — сказал Мейсон, — если принять во внимание всю обстановку там, то я полагаю, вероятно, можно было бы сказать, что есть один шанс из восьми или десяти, что вся эта история может оказаться правдой, но кто всему этому поверит? Присяжные не поверят, судья не поверит, газетчики не поверят.

— Я не понимаю, почему кто-то должен сомневаться в моих словах. В конце концов, мистер Эддикс специально для этого тренировал своих горилл. Он пытался загипнотизировать их, дать им сигнал к убийству и...

— Это полное безумие, — сказал Мейсон.

— Никакое это не безумие! — вспыхнула она. — Если хотите знать мое мнение, то у мистера Эддикса в прошлом случилось нечто ужасное. Он всегда боялся, что его могут заставить совершить убийство где-то за границей, и, по-моему, мистер Эддикс собирался доказать, что был кем-то загипнотизирован и, хотя постепенно гипнотическое воздействие исчезло, он так и не смог восстановить свою память.

Мейсон прошелся по комнате и остановился у окна.

— Да, — медленно произнес он, — если взглянуть на этот случай с точки зрения неоспоримых фактов, то очевидно, что... Но только представьте себе, что мы попытаемся построить на этом защиту в суде, перед присяжными.

— Не беспокойтесь, вам не придется этим заниматься, — сказала она. Полиция все выяснила с этой гориллой, потому что они отпустили меня и извинились за задержание. Я не понимаю, почему вас так беспокоит суд присяжных, мистер Мейсон. Я уверена, что никто меня ни в чем не обвинит.

— Это как раз самое неверное, просто бредовое, во всей этой истории, — сказал Мейсон. — Вы были одна в доме, где убит человек. Если бы вы поведали им о случившемся и дали письменные показания, то они могли бы вас отпустить, пока будет идти расследование. Но вы ведь не рассказывали им ничего, верно?

— Я ничего им не сказала.

— Ну ладно, довольно, — прервал ее Мейсон. — Я не хочу больше ничего слушать, пока не найду способ проверить ваши слова. Черт побери, когда начинаешь оценивать это в свете известных фактов, все более или менее сходится, но история настолько дикая — нечего даже надеяться, что кто-нибудь в нее поверит.

— Никаких других объяснений нет, мистер Мейсон. В доме не было никого, кроме мистера Эддикса, меня и горилл.

— Вот именно, — сказал Мейсон, — и никто не мог помешать расчетливому человеку, знаяшему, как именно мистер Эддикс дрессировал своих животных, вонзить ему в спину нож, пока он спал, а потом уверять, что он убит гориллой.

— Но какой у меня может быть мотив для того, чтобы так поступить?

— Вот это, — сказал Мейсон, — и ставит меня в тупик. Я не могу понять, какие мотивы заставили вас пойти туда, не переговорив с Джеймсом Этной или не позвонив мне.

— Я думала, что должна это сделать, но мистер Эддикс просил меня ничего никому не говорить.

Мейсон хотел было что-то добавить, но тут раздался властный и громкий стук в дверь.

— Открывайте, Мейсон, — приказал голос сержанта Холкомба. — Это полиция.

Мейсон кивнул Делле Страт. Она открыла дверь.

Сержант Холкомб, торжествующе улыбаясь, проговорил:

— Ну что ж, Мейсон, это как раз тот случай, которого мы ждали. Как раз из тех, что нам д_e_й_c_t_v_i_t_e_l_ь_n_o_ нужны. Пойдемте, миссис Кемптон. Вы поедете с нами.

— Поеду с вами? — переспросила она. — Но почему — вы ведь только что отпустили меня?

— И в самом деле отпустили, — согласился Холкомб, — а теперь вы поедете с нами обратно, и на этот раз вам будет предъявлено обвинение в умышленном убийстве.

Холкомб и двое полицейских ворвались в офис, схватили миссис Кемптон под руки, и не успела она запротестовать, как на ней защелкнулись наручники.

— Увидимся в церкви, Мейсон, — сказал Холкомб.

— Одну минутку, — произнес Мейсон, встав между полицейскими и дверью, — у вас есть ордер на арест этой женщины?

— Вот он. — Холкомб достал из кармана сложенную бумагу.

Мейсон шагнул вперед.

Двое полицейских схватили его за плечи, отталкивая от двери. Сержант Холкомб вытолкнул миссис Кемптон в коридор.

Мейсон бросился к двери.

Полицейский отпихнул его обратно.

— Если вам хочется, идите напишите протест, — сказал он, — но не пытайтесь помешать полицейским исполнять свои обязанности.

Второй полицейский и сержант Холкомб поспешили уводили миссис Кемптон по коридору.

— Вот тут вы, черт побери, правы — я подам протест! — сердито воскликнул Мейсон.

— Вот и прекрасно! — ухмыльнулся полицейский. — Накатай сразу парочку.

Мейсон повернулся к Этне:

— Сходите проверьте все документы и, если у них что-нибудь не так, подайте протест, Джим.

Этна кивнул и направился к лифту.

— Идите по лестнице, — сказал Мейсон и вернулся обратно в офис. Быстрее, Делла, помоги мне все тут обыскать — не спрятан ли здесь микрофон. Если они подслушивают конфиденциальные разговоры адвоката с клиентами, мы такое устроим, что им даже в страшном сне не могло привидеться.

Мейсон и Делла Страт принялись тщательно обыскивать весь офис.

Не прошло и часа, как они признали свое поражение. Они осмотрели все углы и закоулки, заглянули за каждую картину. Они двигали мебель, подняли ковер, проверили каждый дюйм поверхности стен.

— Ну что? — спросила Делла Страт.

— Я ничего не понимаю, — сказал Мейсон. — Они нашли что-то, о чем мы не знаем.

— Что это может быть?

— Провалиться мне на этом месте, если я знаю.

— Ты думаешь, она расскажет полиции то же самое, что и нам?

— Надеюсь, что нет, — сказал Мейсон.

Адвокат подошел к окну и стоял, угрюмо глядя на оживленную городскую улицу.

Неожиданно он обернулся.

— Делла, — сказал он, — бывает так, что иногда становишься ч_e_p_e_c_ch_y_r скептическим.

— Что ты имеешь в виду?

— Миссис Кемптон поведала нам историю, которая кажется сверхъестественной и

странной, и вследствие этого мы не приняли ее всерьез.

— Ты имеешь в виду, что она, возможно, рассказала нам правду?

— Есть еще один вариант.

— Какой?

— Давай взглянем на все с такой точки зрения, Делла, — сказал Мейсон. — Предположим, тебе надо убить Бенджамина Эддикса, и предположим, ты хочешь, чтобы все выглядело так, что это сделал кто-то другой, а на тебя не пало бы даже тени подозрения.

— Ну? — спросила она.

— Тогда, — сказал Мейсон, — ты пригласила бы в дом Джозефину Кемптон. Ты сделала бы так, чтобы ее рассказу ни за что не поверил бы ни один Суд Присяжных. Затем ты идешь и убиваешь Бенджамина Эддикса и можешь быть совершенно уверена, что Джозефину Кемптон признают виновной.

— Но, Боже мой, как же сделать так, чтобы она обо всем этом рассказывала? — спросила Делла Страт.

— Оцени-ка еще раз всю историю, — сказал Мейсон, — оцени хладнокровно, с точки зрения аналитика. Как можно отнести к тому, что рассказала миссис Кемптон?

— Это просто безумие! — воскликнула не задумываясь Делла Страт. — Это похоже на... на какой-то кошмар.

— Так вот, — сказал Мейсон, — похоже, что это и есть _и_м_е_н_н_о_к_о_ш_м_а_р_.

— Что ты имеешь в виду, шеф?

— Давай проанализируем факты, имеющие отношение к делу. Эддикс нанимал людей, пытавшихся воздействовать гипнозом на животных, в частности на горилл.

— Ну и?

— У миссис Кемптон выпали из памяти два периода. В первый раз она решила, что потеряла сознание. Во второй раз ей показалось, что кто-то ударил ее по голове.

— Продолжай, — сказала Делла Страт.

— Предположим, — сказал Мейсон, — что кто-то погрузил миссис Кемптон в гипнотический транс, и, пока она находилась в этом гипнотическом трансе, он внушил ей всю эту историю, в которую она должна была поверить, когда к ней вновь вернется сознание.

Делла Страт широко раскрыла глаза.

— Шеф, — воскликнула она, — я готова поклясться, что так оно все и было! Это объясняет все происшедшее и... — Неожиданно ее горячий энтузиазм угас, голос пресекся, и она умолкла.

— Продолжай, — сказал Мейсон.

— Но ведь, — проговорила она с сомнением, — едва ли присяжные поверят в эту историю с гипнозом больше, чем в историю с гориллами.

— Располагая теми данными, что у нас уже есть, едва ли, — сказал Мейсон, — но это только начало расследования.

— Возможно ли загипнотизировать женщину и внушить ей такой сложный кошмар, да еще чтобы она, проснувшись, вспомнила его как в действительности происходившие события?

— Я думаю, да, — сказал Мейсон. — Я собираюсь это проверить. В конце концов, гипноз — это такая штука, о которой я очень мало знаю. Но все это по-прежнему не объясняет, как получилось, что полицейские были столь торжествующе уверены в себе, когда пришли арестовывать миссис Кемптон. Они наверняка что-то обнаружили. В ближайшие день или два мы будем знать намного больше. В этом деле многое пока еще не известных нам поворотов.

— И даже, может быть, несколько тупиков, — преувеличенно серьезно заметила Делла Страт.

Незадолго до полудня зазвонил телефон, Делла Стратт сняла трубку:

— Да... О, да... минуточку. Я сейчас взгляну. — Она повернулась к Мейсону и сказала: — Это Сидней Хардвик из конторы «Хардвик, Карсон и Реддинг».

Мейсон утвердительно кивнул.

— Да, мистер Мейсон здесь, — сказала Делла в трубку. — Он побеседует с мистером Хардвиком. Соединяйте, пожалуйста.

Мейсон взял трубку и произнес:

— Алло, Мейсон у телефона... Здравствуйте, мистер Хардвик.

— Мистер Мейсон, — сказал Хардвик, — я оказался в довольно странной ситуации. Мне бы хотелось встретиться с вами и мистером Джеймсом Этной.

— Когда? — спросил Мейсон.

— В ближайшее время, как только вы сможете.

— Где?

— Где вам угодно. В вашем офисе, если хотите.

— До какому вопросу?

— Речь идет о неком факте, поставившем меня в затруднительное положение, и, если говорить совершенно откровенно, это может иметь как благоприятные, так и неблагоприятные последствия для вашей клиентки, Джозефины Кемптон. Я предполагаю, что вам крайне необходима информация, касающаяся миссис Кемптон, но я также крайне заинтересован, в определенной информации, которой располагаете вы.

— Как скоро вы сможете приехать? — спросил Мейсон.

— Сразу, как только мы договоримся об удобном для вас и для мистера Этны времени.

— Приезжайте сюда через пятнадцать минут, — решил Мейсон. — Этна будет у меня. — Он повесил трубку и сказал Делле Стратт: — Дозвонись до Джеймса Этны, Делла, и скажи ему, что у нас важная встреча с Хардвиком. Передай ему, чтобы он немедленно отправлялся сюда.

Делла Стратт кивнула.

— Я вернусь к тому времени, когда подойдет Этна, — сказал Мейсон и пошел по коридору в офис Пола Дрейка.

— Дрейк у себя? — спросил Мейсон сидевшую у коммутатора девушку.

— Проходите прямо к нему, мистер Мейсон, — кивнула она. — У него никого нет. Я его предупрежу, что вы идете.

— Спасибо, — сказал Мейсон, открыл дверцу в низенькой перегородке, отделявшей небольшую приемную, и по длинному коридору направился в кабинет Дрейка.

Дрейк как раз вешал телефонную трубку, когда Мейсон вошел.

— Привет, — сказал Мейсон. — Есть что-нибудь новое?

— Я копаю все глубже и глубже, — сказал Дрейк, — у меня собран огромный материал, но я его еще не проанализировал. Там большое количество самой разнообразной ерунды.

— Сидней Хардвик, бывший при жизни Бенджамина Эддикса его адвокатом, а сейчас, вероятно, осуществляющий контроль за его наследством, в данный момент направляется сюда для встречи со мной, — сообщил Мейсон. — Судя по его поведению, ему что-то известно и это что-то его чертовски беспокоит. Ты не знаешь, что бы это могло быть?

Дрейк покачал головой.

— Нет, пока не знаю. Дай мне еще два или три часа, и я, может быть, это выясню.

— Дай мне пятнадцать минут, и я наверняка это выясню, — усмехнулся Мейсон.

– Предварительная проба показывает, – сказал Дрейк, – что у Эддикса в крови было тридцать два промилле алкоголя в момент убийства. Этого было достаточно для того, чтобы он крепко заснул. Есть данные, свидетельствующие о том, что чуть раньше у него была еще большая концентрация алкоголя в крови. Я думаю, мне нет нужды разъяснять тебе, Перри, все математические выкладки, связанные с алкоголизмом, но в общих чертах могу сказать, что стадия помрачения сознания при интоксикации начинается примерно с пятнадцати промилле алкоголя в крови. При содержании алкоголя от тридцати до сорока промилле человек находится в состоянии тяжелого опьянения, то есть он пьян настолько, что не в состоянии ни передвигаться, ни соображать. Так вот у Бенджамина Эддикса было тридцать два промилле алкоголя в крови. Полиции точно известно, когда миссис Кемптон вошла в дом. Они проверили это при помощи водителя автобуса. Она действительно ехала тем самым автобусом, как и утверждала. Абсолютно точно установлено, что к этому моменту алкогольная интоксикация у Эддикса была настолько сильна, что он не мог ясно воспринимать происходящее. Вероятно, он пил как раз до того момента, когда свалился на кровать и отключился. Содержание алкоголя в крови уменьшается после всасывания в пределах от двух до четырех промилле в час.

– Что могло быть причиной такого пьяного кутежа, Пол?

– Черт возьми, откуда я знаю?

– Выяснил что-нибудь о телефонных счетах? – спросил Мейсон.

– Еще нет, но эта информация будет у меня в течение часа. Я договорился, что мне сделают копии всех телефонных счетов.

– Как тебе это удается, Пол?

– Лучше тебе не знать подробностей. Я рисую своей собственной головой. Короче говоря, они у меня будут.

– Как только получишь какую-нибудь информацию, дай мне знать. А теперь – что там с этим Аланом Блевинсом, он действительно гипнотизер?

– Я бы сказал, что не просто гипнотизер, а превосходный. Между прочим, он сомневается, что гориллу можно загипнотизировать при помощи обычных методов. То есть он утверждал, что ему удавалось погрузить гориллу в какое-то подобие гипнотического транса, но, когда он это сделал, он не смог ей ничего внушить, воздействуя на подсознание. Когда гипнотизируют человека, этого добиваются словами. Когда имеешь дело с гориллой, невозможно установить контакт между человеческим сознанием и ее. Животное просто спит. И при этом довольно непросто определить, является ли это внущенным гипнотическим сном или естественным.

– Блевинс был уволен?

– Да.

– Был предлог?

– Я выяснил, что никакой причины для этого не было. Скверную новость сообщил ему Натан Фэллон. Эддикс вообще отказался это обсуждать. Все были уволены одновременно.

– И Блевинс имел все основания ненавидеть Эддикса?

– Вполне мог иметь.

– Выясни, где он был прошлой ночью, – сказал Мейсон.

– Уже выяснил, – ответил Дрейк, – он холостяк. Жена развелась с ним два года назад. Он утверждает, что был дома, смотрел телевизор, а потом лег спать.

– Подтвердить никто не может?

– Нет, это его собственные слова, не более того. Хочешь чтобы я покопался здесь поглубже?

– Разумеется, хочу. Почему с ним развелась жена, Пол?

– Психическое насилие. Она утверждала, что он якобы все время ее гипнотизирует, пытается использовать для своих опытов, выставляет ее в нелепом виде и все такое в том же

роде.

— Узнай об этом побольше, — сказал Мейсон. — Найди ее, Пол. Я хочу поговорить с ней. Дрейк сделай у себя пометку.

— Что-нибудь еще?

— Думаю, пока все, Я пойду обратно к себе и выясню, что нужно Хардвику. Он должен вот-вот подойти.

— Да, вот еще что, — сказал Дрейк. — Блевинс рассказал мне, что он обучил Эддикса методам гипноза.

— Зачем?

— Так хотел Эддикс.

— Пол, — сказал Мейсон, — я хочу, чтобы ты все как следует проверил. Я собираюсь на этом процессе выстроить защиту, которая войдет в историю, но для начала мне нужно точно знать, что там на самом деле произошло.

— А Джозефина Кемптон не может тебе рассказать? — спросил Дрейк.

— Нет.

— Почему нет?

— Если между нами, то я думаю, что она и сама не знает.

— О, Бога ради, Перри! — воскликнул Дрейк. — Только не вздумай строить защиту на основании женских рассказней: "Мы сидели там, в руках у меня был ножик, а затем, совершенно неожиданно, в глазах у меня потемнело, а когда я пришла в себя, он лежал там на кровати совершенно неподвижно, и я закричала: «Ну скажи мне что-нибудь, Бенни!»

Мейсон усмехнулся:

— Все совершенно не так, Пол, хотя так оно и есть. Выкачай из Блевинса всю информацию, какую только сможешь, найди его бывшую жену. Ну, я пошел на переговоры с Хардвиком, загляну к тебе позже.

Мейсон вернулся в свой офис.

— Джеймс Этна направляется сюда, — сообщила Делла Страт. — Он, похоже, страшно возбужден.

Зазвонил телефон.

— Алло, — сказала Делла в трубку, выслушала ответ и повернулась к Мейсону: — А вот и мистер Этна.

— Скажи, пустьходит, — сказал Мейсон, — и передай Герти, чтобы она проводила мистера Хардвика сюда, как только он появится в конторе.

Делла Страт повесила трубку и вышла, чтобы встретить Этну.

Этна, явно взволнованный, воскликнул, едва переступив порог кабинета:

— Мистер Мейсон, можете вы мне сказать, что, черт побери, удалось разнюхать полиции?

— Они, видимо, абсолютно уверены в том, что откопали нечто очень серьезное.

— Похоже было, — сказал Этна, — что они наверняка уверены в том, что говорят...

— Делла Страт и я перевернули вверх дном весь офис, пытаясь найти микрофон, — усмехнулся Мейсон. — Мы подумали, что, может быть, им удалось подслушать нашу беседу с миссис Кемптон. Что там с протестом? Вы его подали?

— Нет. Я понял, что от этого не будет никакого проку.

— Вы хотите сказать, что ей предъявлено обвинение?

— Совершенно верно. Умышленное убийство. Они уже получили санкцию, и ордер на арест был оформлен по всем правилам.

— Случилось нечто такое, в результате чего они неожиданно почувствовали себя абсолютно уверенными, — заключил Мейсон.

– Конечно, это весьма необычная история, – позволил себе сделать замечание Этна.

– Да уж, это точно.

– А что вы скажете по этому поводу? – спросил Этна.

– О том, что она рассказала?

– Да.

– Я еще не думал над этим.

– Но что произойдет, когда она расскажет это суду присяжных?

– Вы хотите сказать – если она расскажет это суду присяжных?

– Но ведь рано или поздно она будет вынуждена рассказать это суду.

Мейсон усмехнулся:

– Давайте в таком случае постараемся, чтобы это лучше было поздно, Этна.

– Вы думаете, что присяжные не поверят ее рассказу?

– А вы?

– Ну в общем, – промолвил Этна, – черт побери, Мейсон, и верю, и не верю.

Мейсон продолжал улыбаться.

– Конечно, если принять во внимание тамошнюю обстановку, то рассказ звучит довольно правдоподобно. Был некий миллионер, экспериментировавший с гипнозом. Он пытался гипnotизировать горилл и, вероятно, пытался внушить им импульс к убийству человека. Совершенно естественно, что рано или поздно он мог добиться определенного успеха, и тогда было бы совершенно логично предположить, что он сам и оказался первой жертвой.

– Продолжайте, Джим, – сказал Мейсон. – Вы приводите аргументы в пользу правдивости ее рассказа. Вы пытаетесь убедить себя так, словно вы суд присяжных.

– Ну да, а почему бы и нет?

Мейсон сказал:

– Если адвокат вынужден сам себя убеждать в правдивости рассказа своего клиента, то, черт побери, самое разумное – сделать так, чтобы больше никто и никогда этого рассказа не услышал.

– Я думаю, вы правы, – проговорил Этна, через силу улыбнувшись. – Я сам еще толком не разобрался, как отношусь ко всему этому, а теперь, после ваших слов, я понял, что очень старался, хотя и безуспешно, убедить себя в правдивости этой истории, и, в общем, черт бы меня побрал, если я и сейчас знаю, как к ней относиться. Все это звучит совершенно неправдоподобно, если только не принимать во внимание обстановку, царившую в этом доме, а на ее фоне все выглядит довольно логично.

– Через несколько дней мы будем знать намного больше, Джим, – сказал Мейсон.

– Я никак не могу отделаться от мысли, что по моей вине вы втянуты во все это, – посетовал Этна.

– Все нормально, – усмехнулся Мейсон. – Я бывал и в худших переделках.

– Но все же снова возникает вопрос – почему полицейские действовали так странно? Ведь, кажется, это довольно необычно для них?

– Необычно! – воскликнул Мейсон. – Это просто уникальный случай!

Зазвонил телефон, Делла Страт сняла трубку, кивнула Мейсону и сказала:

– Это Хардwick.

– Отложим ненадолго наше обсуждение, – обратился Мейсон к Этне. Поскольку нам придется иметь дело с Хардwickом, нужно быть уверенными в себе и выступать единым фронтом. Мы должны улыбаться и излучать оптимизм. Делла, пусть он заходит.

Делла Страт распахнула дверь и произнесла:

– Мистер Хардwick.

Сидней Хардwick, явно чем-то очень озабоченный, сказал:

— Доброе утро, господа. Надеюсь, что я не расстроил ваши планы на сегодняшний день, мистер Мейсон, и ваши тоже, мистер Этна.

— Ну что вы, отнюдь нет, — кивнул ему Мейсон, — присаживайтесь. Чем можем быть вам полезны?

Хардwick сел, поправил очки на носу, черную резинку за ухом, потрогал слуховой аппарат и сказал:

— Давайте с самого начала говорить начистоту. Мне известно, что вы оба во многих отношениях занимаете противоположную по отношению ко мне позицию. Вы, как я полагаю, представляете Джозефину Кемптон?

— Я тоже так полагаю, — сказал Мейсон. — А точнее, я думаю, мы будем ее представлять.

— Вы оба? — спросил Хардwick.

Джеймс Этна, поколебавшись немного, ответил:

— Да, я полагаю, что мы оба.

— В таком случае, — продолжал Хардwick, — я представлял Бенджамина Эддикса, пока он был жив. Мне известно о нем больше, чем кому бы то ни было. Несколько месяцев назад я оформил его завещание. Это завещание полностью соответствовало воле мистера Эддикса в то время.

— У вас есть основания полагать, что он изменил свою волю?

Хардwick прочистил горло.

— Не только волю, но и завещание.

— Вы хотите что-то сообщить нам и хотите что-то узнать у нас. Почему бы вам не раскрыть карты? — предложил Мейсон.

Хардwick улыбнулся:

— Боюсь, что я неважный игрок в покер.

— Вы не играете в покер, — ответил ему Мейсон. — Вы принимаете участие в деловых переговорах, где мы, все мы, должны выложить на стол определенные карты. А теперь давайте договоримся, что вы начинаете выкладывать все те карты, которые хотите раскрыть, а затем мы посмотрим, что сможем вам показать мы.

— Очень хорошо. Дело в том, что сложилась в высшей степени необычная ситуация — ситуация, которая некоторым образом играет на руку вашему клиенту. Я решил, что вы должны знать об этом, мистер Мейсон, до того... ну, в общем, до того, как вы, возможно, примете решение не представлять ее интересы.

— Продолжайте, — сказал Мейсон, — мы вас внимательно слушаем.

— Вы посетили Бенджамина Эддикса во вторник вечером. Ваш визит вывел его из душевного равновесия. Когда вы нашли кольцо и часы... ну, в общем, это был жестокий удар по самолюбию и самоуверенности Эддикса. Он полностью изменил свое решение о том, что должно быть написано в его завещании. В ту самую ночь, до того как отправиться спать, где-то около половины двенадцатого, он вызвал Натана Фэллона и Мортимера Херши на совещание. Он сказал: «Джентльмены, я был идиотом. Я был просто самодовольным ослом. Я вел себя деспотично, позволяя себе выносить решения, касающиеся всех окружающих. Я виноват. Я хочу искупить свою вину, насколько это возможно. Вот здесь написанное мной собственноручно завещание. Я кладу это завещание в конверт. Я передаю его вам. Я прошу вас, джентльмены, запечатать этот конверт, расписаться на его обороте и положить его в надежное место. Если в течение нескольких ближайших дней со мной что-нибудь случится, вы должны позаботиться о том, чтобы это завещание оказалось у мистера Сиднея Хардwickа».

— В течение нескольких ближайших дней? — переспросил Мейсон. Значит, он чего-то опасался?

– Нет, нет, ничего подобного. Похоже, что он просто собирался встретиться со мной и оформить должным образом свое завещание, вот это собственноручно написанное им завещание, подписать его, как полагается, в присутствии свидетелей. Он хотел иметь это собственноручно написанное им завещание как своего рода временную меру на всякий случай, и если с ним что-нибудь произойдет, то старое его завещание не будет иметь силы.

Мейсон кивнул:

– И в ту ночь вы поехали к нему, чтобы составить новое завещание?

– Верно. Но он, однако, был слишком взбудоражен и не стал со мной разговаривать. В тот момент я не мог понять, в чем дело. Но в свете последующих событий могу составить теперь полную картину. Вы поколебали его самоуверенность, мистер Мейсон. А я уверяю вас, что задеть его было трудно, очень трудно; такой уж это был человек. И вот теперь, я, возможно, не имею права этого делать, но я собираюсь прочесть вам часть собственноручно написанного мистером Эддиксом завещания – завещания, которое я собираюсь представить на официальное утверждение. Я думаю, что некоторые упомянутые в нем моменты могут иметь огромное значение для вас, господа, и в особенности для вашего клиента.

– Мы вас слушаем, – сказал Мейсон и взглядом дал понять Делле Страт, что она должна стенографировать ту часть завещания, которая будет прочитана.

Хардвик развернул бумагу и принялся читать:

"Я, Бенджамин Эддикс, выражая свою последнюю волю, пишу это завещание собственноручно, в состоянии смиренного раскаяния. Я вел себя деспотично. Я был невероятно самодоволен. Я слишком был склонен к тому, чтобы осуждать окружающих меня людей. В особенности я сожалею о тех обстоятельствах, которые привели меня к разрыву с моим братом Германом.

Сегодня вечером я испытал величайшее эмоциональное потрясение. Миссис Джозефина Кемптон, моя бывшая служащая, которую я более или менее прямо обвинил в воровстве, абсолютно невиновна. Ценные предметы, которые, как я полагал, она украла, были обнаружены при обстоятельствах, исключающих всякие сомнения в том, что они были украдены расшалившимся обезьянкой, и я один несу ответственность за действия этой обезьяны.

Таким образом, я, выражая свою последнюю волю, завещаю следующее. Джозефине Кемптон, моей бывшей экономке, я приношу мои чистосердечные извинения и завещаю ей сумму в пятьдесят тысяч долларов. Мортимеру Херши, моему менеджеру, услуги которого, кстати, и без того хорошо оплачивались, я завещаю десять тысяч долларов. Натану Фэллону, которому, полагаю, я переплатил много лишнего и который иногда действовал полностью вопреки моим интересам, я завещаю один доллар и ценный совет: самое главное, что должно быть присуще служащему, – это абсолютная, непоколебимая верность. Я верю, что этот совет окажется ему полезным, где бы и на каком посту он в будущем ни работал.

Я назначаю свой банк «Сиборд микэнкс нэшнл траст компани» исполнителем моей последней воли и требую, чтобы все установленные законом действия, связанные с распоряжением завещанным мной имуществом, производились Сиднеем Хардвиком, работающим в фирме «Хардвик, Карсон и Реддинг».

Хардвик оторвался от бумаги и произнес:

– Вот так, господа. Завещание датировано вечером вторника, оно полностью написано рукой Бенджамина Эддикса и подписано им.

– Это, вне всякого сомнения, – сказал Мейсон, – позволяет по-новому взглянуть на ситуацию. Я обратил внимание, вы сказали, что прочитаете часть завещания.

Хардвик улыбнулся:

– Совершенно верно. Здесь есть еще несколько распоряжений, касающихся его бывших

работников, и заключительный пункт, в котором все остальное имущество завещается его брату.

— Фамилия его брата токе Эддикс? — Спросил Мейсон.

— Нет.

— А могу я узнать ее?

— Позднее.

— А как он распорядился своим состоянием в прошлом завещании?

Хардвик улыбнулся, но ничего не ответил.

— Ну хорошо, я спрошу по-другому, — сказал Мейсон, — была ли в том завещании упомянута миссис Кемптон?

— Нет. Определенно не была.

— То есть таким образом Эддикс, вероятно, пытался искупить свою вину, — предположил Мейсон.

— Я решил, что вы должны об этом знать, — сказал Хардвик. — Это укрепляет позиции вашего клиента, к тому же информация может оказаться весьма ценной для вас, господа, при заключении договора о размере вашего гонорара. Другими словами, я решил, что вы были бы разочарованы, установив размер гонорара за ваши услуги, а затем обнаружив неожиданно, что у вашей клиентки имеется пятьдесят тысяч долларов, о которых вы ничего не знали.

— Благодарю вас, — сказал Мейсон, — а что нужно вам?

— Я хотел бы побеседовать с вашей клиенткой, Джозефиной Кемптон, сказал Хардвик. — Я хотел бы побеседовать с ней наедине. Я хотел бы обсудить с ней один абсолютно конфиденциальный вопрос.

— То есть, как я понимаю, — удивился Мейсон, — вы не хотите, чтобы мы при этом присутствовали?

— Я хотел бы побеседовать с ней абсолютно конфиденциально.

Мейсон взглянул на Джеймса Этну.

— Что касается меня, то я не возражаю, — сказал Этна, — я, разумеется, очень вам благодарен и...

— А я возражаю, — сказал Мейсон.

— То есть как? — воскликнул Хардвик.

Мейсон усмехнулся:

— Я не настолько вам благодарен.

— Я же предоставил вам информацию...

— Разумеется, — сказал Мейсон, — вы предоставили нам информацию, которая поможет нам определить размер гонорара. Мы вам благодарны за это. Я готов для вас сделать все что угодно — я лично. Но наша клиентка находится в несколько ином положении. Я не собираюсь раздавать авансы за счет моей клиентки, пока не буду точно знать, что вам нужно.

— Могу заверить вас, мистер Мейсон, что речь идет о вопросе, не имеющем ни малейшего отношения к тому делу, по которому в настоящий момент проходит ваша клиентка. Это должно оставаться в высшей степени конфиденциальным. Фактически миссис Кемптон и сама не будет знать, что именно я пытаюсь выяснить.

Мейсон покачал головой:

— Я хочу знать, на какую именно дичь вы охотитесь, до того, как позволю моей клиентке войти в зону обстрела.

— Это не нанесет ей никакого ущерба.

— Ситуация как раз такова, — сказал Мейсон, — что она имеет право воспользоваться советом юриста — советом юриста, который исключительно и полностью действует в ее интересах.

— Боюсь, мистер Мейсон, что вы запрашиваете слишком высокую цену за ваши услуги.

Мейсон улыбнулся:

- А вы довольно высоко оценили зачитанные вами пункты завещания.
- Ну хорошо, – сказал Хардwick, – предположим, что вы все равно узнали бы о содержании завещания после того, как его зарегистрировали бы для официального утверждения. Но, зная его заранее, вы можете для себя лично, господа, выиграть несколько тысяч долларов.
- Мы вам благодарны, – сказал Мейсон, – но мы помогаем клиентам во имя и x интересов, а не наших личных.
- Я не думаю, что запрошенная мной цена непомерно высока, – сказал Хардwick.
- О чем вы собираетесь говорить с миссис Кемптон?
- Я не вправе вам сообщить.
- Хорошо, – сказал Мейсон, – в таком случае, я скажу вам, и мы посмотрим, насколько точно я угадал.
- Вы скажете мне? – воскликнул в изумлении Хардwick.
- Совершенно верно, – сказал Мейсон. – Вы собираетесь расспросить Джозефину Кемптон об убийстве Элен Кэдмас.
- Убийстве Элен Кэдмас? – переспросил Хардwick.
- Совершенно верно, об убийстве. У вас есть основания полагать, что кто-то сбросил Элен Кэдмас за борт яхты. Вы располагаете информацией, которой у нас нет. Вас также беспокоят некоторые проблемы в связи с наследством. Когда я узнаю больше о том, что вас интересует, я смогу ответить вам подробнее.
- Хардwick громко откашлялся, снял очки, тщательно протер их и нацепил обратно на нос.
- Ну, насколько я прав? – спросил Мейсон.
- Это все только ваши догадки, – сказал Хардwick.
- Конечно, догадки, но мои догадки довольно близки к истине, не правда ли?
- Ну, предположим, только для того, чтобы поддержать разговор, что это так. И что дальше?
- Вот именно это мне и нужно выяснить.
- Честно говоря, меня тревожит нечто, что может оказаться серьезное влияние на судьбу вашей клиентки.
- Вы, разумеется, не собираетесь всерьез выдвигать теорию о том, что Джозефина Кемптон убила Элен Кэдмас?
- Я не высказывал подобных обвинений.
- Вы не сказали этого прямо, – возразил Мейсон, – но это именно то, чем вы хотите нас напугать – так некоторые вытаскивают чертика на ниточке и трясут им перед носом у ребенка.
- Я просто хотел, чтобы вы осознали – вашей клиентке необходимо со мной сотрудничать.
- Разумеется, – сказал Мейсон, – мы не намерены стоять в стороне, в то время как вы пытаетесь повесить убийство на нашу клиентку.
- Я не собираюсь вешать на нее убийство, если она будет со мной сотрудничать. Я обещаю вам, господа, что никогда ни единого слова не передам полиции, что бы мне ни стало известно. В конце концов, – продолжал Хардwick, – нам совершенно незачем занимать антагонистические позиции. Мне нужно узнать всего лишь две вещи и...
- Две вещи? – перебил его Мейсон.
- Совершенно верно.
- Мне показалось, что речь шла всего об одной.
- Но вы ведь не дождались, пока я закончу. Мне нужно поговорить наедине с вашим клиентом, и мне нужны те самые дневники Элен Кэдмас.

Мейсон покачал головой.

— В обмен на которые, — продолжал Хардwick, — вы можете рассчитывать на мое полное сотрудничество с вами на всех стадиях процесса.

— К черту всю эту вашу сладкоречивую дипломатию, — сказал Мейсон. Если говорить прямо, то вы пришли нас шантажировать. Вам нужны дневники Кэдмас, и вам нужно, чтобы миссис Кемптон таскала для вас орешки из огня. А если она откажется это делать, вы собираетесь повесить на нее убийство Кэдмас.

— Мистер Мейсон!

— Но, — продолжал Мейсон, — вы не на тех напали.

— Мистер Мейсон, я всего лишь сказал, что вы можете сделать две вещи, которые принесут вашей клиентке огромную пользу. В конце концов, вы знаете, что я могу добиться того, что мне нужно, гораздо проще — мне достаточно пойти в полицию. Но тогда все это появится в прессе.

— Это верно, — сказал Мейсон, — полиция может добиваться любых сведений, черт возьми, и в газетах они могут публиковать все, что им взбредет в голову. Ну а мы можем посоветовать нашей клиентке не отвечать ни на какие вопросы.

Хардwick встал.

— Теперь я должен еще кое-что сообщить вам, джентльмены, — сказал он, — я получил телеграмму из Австралии от брата Бенджамина Эддикса.

— Прекрасно.

— Я отправил телеграмму по единственному адресу, который мне был известен, сразу, как только мне сообщили о смерти Бенджамина, и в ответ пришла телеграмма с соболезнованиями. Затем, как только я узнал о завещании, я телеграфировал ему, кратко изложив в общих чертах волю покойного.

— И вы получили от него ответ, — сказал Мейсон, — с требованием оспорить выплату любых денег Джозефине Кемптон, поскольку она виновна в убийстве и, следовательно, по закону ей ничего из наследства достаться не может, какие бы распоряжения ни содержались в завещании?

— Таких телеграмм я пока еще не получал. Я получил телеграмму, в которой содержится указание зарегистрировать завещание для официального утверждения и представлять его интересы, используя весь мой опыт.

— Ну ничего, вы еще получите такую телеграмму, — сказал Мейсон, — и даже в том случае, если вы ее не получите, то как юрист, озабоченный защитой интересов своего клиента, вы обратите его внимание на это положение закона и объясните ему, что если Джозефине Кемптон будет осуждена за убийство, то он выгадает сумму в пятьдесят тысяч долларов.

— По некоторым соображениям мой клиент, возможно, пожелает воздержаться от предъявления таких требований.

— Вы ему объясните, что он имеет право использовать этот факт?

— А что бы вы сделали, если бы вы были на моем месте? — спросил Хардwick.

— Я бы, конечно, объяснил ему, — сказал Мейсон. — Ну а теперь я вам задам один вопрос. Как бы поступили вы, если бы были адвокатом, представляющим Джозефину Кемптон и некий другой адвокат, явно заинтересованный в ее осуждении за убийство Бенджамина Эддикса, хотел бы порасспросить ее наедине, чтобы посмотреть, не найдется ли удобный повод повесить на нее еще одно убийство?

— Если бы я был уверен наверняка в правоте своих рассуждений, сказал Хардwick, — а вы не уверены, то сумел бы решить, что именно пойдет ей на пользу, и дал бы в соответствии с этим ей рекомендации.

— Или выкладывайте все карты на стол, — потребовал Мейсон, — или идите к черту.

— Вы упорствуете там, где это совершенно не нужно, — холодно сказал Хардwick. — Я-то к черту не пойду, а вот ваша клиентка отправится к чертям в преисподнюю, и довольно скоро.

И он с гордым видом вышел из комнаты.

— Боже мой, — воскликнул Этна, — вы же его фактически оскорбили, мистер Мейсон!

Глаза Мейсона сузились:

— Он рассказал нам кое-что полезное, и он подозревает что-то такое, о чем мы даже не имеем пока представления.

— Разумеется, — сказал Этна, — ему известна вся подноготная — та информация, которой мы не располагаем, и это дает ему огромное преимущество.

— Отлично, — сказал Мейсон, — вот пусть он и попытается сохранить ее в тайне. Начались гонки. Мы неважко стартовали, но у нас выше скорость. Он повернулся к Делле Страт: — Соедини меня с Полом Дрейком, Делла.

Когда Делла Страт кивнула, Мейсон взял трубку и сказал:

— Пол, яучаствую в крысиных бегах. Мне нужно действовать очень быстро. Элен Кэдмас знала о Бенджамине Эддиксе больше, чем кто-либо другой, если не считать личного юриста Эддикса. Ей было известно что-то такое, что беспокоит этого юриста. Я должен знать, что именно. Бенджамин Эддикс был холостяком. Пожилым, но крепким, энергичным, мужественным на вид мужчиной. Нужно найти женщину... Ну черт побери, откуда я знаю, какую женщину? Ту самую женщину. И когда ты получишь все номера, по которым он разговаривал с яхтой, проверь эти номера, и, если там есть номера-телефонов отелей или кемпингов, немедленно посыпай туда сыщиков с фотографиями, и выясни, не развлекался ли он там с какой-нибудь красоткой.

Мейсон со стуком швырнул телефонную трубку.

— А вам не кажется, — сказал Джеймс Этна, — что вы делаете слишком поспешные выводы, Мейсон? Все уверяют, что в жизни Эддикса не было никаких женщин.

Герти закрыла и заперла на ключ вход в приемную ровно в пять часов. В половине шестого Делла сложила исходящую переписку в кучу, и Герти помогла ей проштамповать конверты. После этого Герти ушла домой.

Делла Стратт прошла в личный кабинет Мейсона.

— Устала, Делла?

— Не слишком. А ты как?

Мейсон улыбнулся:

— Да вот, сижу читаю дневники. У меня уже голова от них кружится. Ты еще в состоянии немного поработать?

— Да. А что нужно делать?

— Мы должны выдоить все, что только можно, из этих дневников Кэдмас.

— Мы ведь уже это сделали.

— Отнюдь нет. Мы просто прочитали строчки. А теперь нам нужно посмотреть, что написано между строчек.

В наружную дверь приемной постучали — стук был громкий и решительный.

— Я взгляну, кто там? — спросила она.

Мейсон покачал головой:

— Не надо, Делла. Хватит с нас уже всяких срочных дел и сверхурочной работы.

Она села на свое место секретарши. Мейсон подошел и, присев на край стола, дотронулся до ее руки.

— Как славно, что ты рядом со мной, — сказал он.

— Как славно быть рядом с тобой, — ответила она с улыбкой.

Стук в наружную дверь перешел в непрерывный грохот.

— Кто бы это ни пытался проникнуть в нашу приемную, — сказал Мейсон, — он, похоже, совершенно уверен, что кто-то здесь есть, Делла. Это настойчивый, даже назойливый стук. Посмотри-ка лучше, кто там.

Делла Стратт поспешила в приемную, открыла дверь. Мейсон слышал, как она обменялась с кем-то несколькими словами, затем вернулась со свежим номером вечерней газеты. На газете было написано: «Мистеру Мейсону. Поклон вам от Сиднея Хардварка. Хочу вас убедить, что я умею действовать быстро».

Делла Стратт снова уселась за свой стол. Мейсон склонился у нее над плечом, пока она разворачивала газету на столе. Кричащие заголовки на самом верху страницы гласили:

"ПОЛИЦИЯ НАМЕКАЕТ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВТОРОГО УБИЙСТВА."

Власти допрашивают особу, подозреваемую в убийстве Эддикса, в связи с исчезновением его очаровательной секретарши."

— Какая наглость с его стороны! — воскликнула Делла Стратт. — Это просто...

— Я ничего другого и не ожидал, — сказал Мейсон. — Давай лучше посмотрим, Делла, насколько далеко он зашел.

Они вместе прочитали заметку — в ней говорилось о том, что полиция сейчас допрашивает миссис Джозефину Кемптон в связи с таинственной смертью Элен Кэдмас, очаровательной секретарши, которая, как полагали, несколько месяцев назад в штормовую погоду прыгнула за борт роскошной личной яхты Бенджамина Эддикса.

Власти сочли эту смерть, как указывала газета, самоубийством или несчастным случаем, но в связи с убийством Бенджамина Эддикса было вновь возбуждено дело о гибели Элен Кэдмас.

Далее в заметке говорилось:

"Прокурор округа обратил внимание на то, что упомянутая Джозефина Кемптон, находящаяся в данный момент под арестом по обвинению в убийстве Бенджамина Эддикса, проживала на яхте Эддикса в каюте, соединявшейся с каютой очаровательной секретарши. Элен Кэдмас загадочным образом исчезла ночью во время сильного шторма недалеко от побережья острова Каталина. Миссис Кемптон показала под присягой, что, приняв лекарство от морской болезни, оказавшее на нее снотворное действие, она легла в постель и заснула.

Хотя тогда ее заявление не вызвало никаких сомнений, прокурор округа заявил, что в свете недавних событий расследование в связи со смертью Элен Кэдмас возобновлено.

«Мы, – сказал он, – не предъявляем в настоящее время никаких обвинений, поскольку пока не имеем для этого достаточных оснований. Мы просто констатируем, что смерть Элен Кэдмас, которую в свое время сочли трагическим несчастным случаем во время шторма, может иметь более зловещий смысл. Могу только сказать, что мы, проводя расследование, допрашивали миссис Кемптон о событиях той ночи, когда пропала Элен Кэдмас, и что миссис Кемптон отказалась поведать нам что-либо новое. Это все, что я хотел бы сообщить».

Мейсон плотно стиснул зубы, взгляд у него стал ледяным.

– Ну что ж, – сказала Делла Страт, – Хардвик честно держит свое слово.

– Да уж куда честнее, – сказал Мейсон. – Отлично, Делла. Подожди здесь минутку. Схожу загляну к Полу Дрейку. Нам объявили войну, и я надеюсь, что у него есть для нас кое-какие боеприпасы.

– Мне позвонить ему? – спросила Делла Страт.

– Нет, – сказал Мейсон. – Я схожу к нему в офис и сам посмотрю, что там у него варится. А ты тем временем, Делла, обзвони газеты и скажи им, что, если они пришлют своих представителей сюда, я сделаю заявление в связи с делом об убийстве Эддикса.

– Мне подождать, пока ты поговоришь с Полом, перед тем как?..

Мейсон отрицательно покачал головой.

– Ты хочешь сказать, что, даже если у Пола ничего для тебя нет, ты все равно выступишь с прямым опровержением и...»

– Прямое опровержение, Делла, – сказал Мейсон, – в данной ситуации ничего нам не даст. Мы должны заставить Хардвика и его компанию перейти к обороне. Мне нужно нечто эффектное. Если Пол Дрейк приготовил для нас боеприпасы, я пусть их в ход. Если нет, то буду стрелять холостыми, но эти холостые наделяют такого шума, что противная сторона вынуждена будет поспешить в убежище. Ты дозванивайся в редакции, Делла, и держи оборону крепости. Я вернусь сразу, как только поговорю с Полом.

Мейсон вышел в коридор через дверь своего кабинета, прошел в офис «Детективного агентства Дрейка», распахнул дверь, поймал взгляд телефонистки, сидевшей у коммутатора, и спросил:

– Пол у себя?

Она улыбнулась:

– Он уверяет, что он уже навсегда у себя.

– Это чудесно, – рассеянно сказал Мейсон, посмотрев на сидевшую в приемной блондинку. – Передайте ему, что я уже иду.

Мейсон вошел через дверцу в длинный коридор, ведущий к кабинету Пола Дрейка, и застал Дрейка с телефонной трубкой, прижатой к уху. Детектив раскладывал какие-то бумаги, продолжая разговаривать с одним из своих агентов.

Дрейк жестом пригласил Мейсона садиться и через мгновение сказал в телефонную трубку:

– Отлично. Заставь ее расписаться на обороте фотографий – не должно быть никаких сомнений, что она их опознала. Письменные показания под присягой она сейчас, вероятно, давать не захочет, но нужно ее повязать, чтобы она не смогла потом отпереться. Удостоверься, что она действительно опознала фотографии. – Дрейк повесил трубку, устало улыбнулся Мейсону и сказал: – Твоя догадка подтвердилась, Перри.

– Какая именно?

– Узнать телефонные номера, откуда Эддикс звонил на яхту и...

– Ты хочешь сказать, вам удалось разнюхать, что он был с женщиной?

– Точно.

– С женщиной или с женщинами?

– Похоже, в обоих случаях была одна и та же женщина – Элен Кэдмас.

Мейсон присвистнул.

– Вот почти все, что удалось разузнать по этому поводу. Несколько раз, когда яхта приходила в порт часов в девять-девять вечера, Эддикс уезжал с причала, но домой не приезжал до следующего утра. Если Эддикс не брал с собой Натана Фэллона, Мортимера Херши или Джозефину Кемптон, некому было связаться по телефону с яхтой или домом и выяснить, когда яхта пришвартовалась. Я проверял по вахтенному журналу. Пару раз, когда Эддикс отплывал на яхте, а потом высаживался на Каталине и отправлял яхту в дальнейшее плавание, он звонил капитану, чтобы дать ему распоряжения. Телефонные звонки были как раз из этих двух мотелей. Я еще не проверил пока все даты, но нет никаких сомнений, откуда он звонил, и в одном из мотелей хозяйка опознала их совершенно категорично. Она указала на фотографии Бенджамина Эддикса и Элен Кэдмас.

– Как он регистрировался? – спросил Мейсон.

– Он, разумеется, использовал вымышленное имя.

– Они обычно записывают номера машин, – сказал Мейсон, – он...

– Да, он дал им номер своего «кадиллака».

Мейсон задумался. Глаза у него сузились.

– Ты, когда входил, заметил в приемной блондинку? – спросил Дрейк.

– Да, и кто она такая?

– Я как раз собирался тебя вызвать и попросил ее подождать несколько минут. Это миссис Блевинс, жена того самого психолога-дрессировщика. Я попросил ее прийти в мой офис, поскольку...

– Зови ее скорей, – сказал Мейсон. – Мне нужно поговорить с ней. А теперь послушай, Пол: я категорически предупреждаю – мне не нужны никакие промашки в этом деле. Твои ребята должны крепко-накрепко связать все ниточки. Под каким именем скрывался Эддикс?

– В обоих случаях под одним и тем же – Барнуэлл. Он зарегистрировался как Б.Ф.Барнуэлл.

– Ты не помнишь второе имя Бенджамина Эддикса, Пол?

– Нет, не помню.

Мейсон щелкнул пальцами и сказал:

– Готов спорить на десять центов, что Франклин. Бенджамин Франклин Эддикс.

– Ну и? – спросил Дрейк.

– Наверняка окажется, что он обычно регистрировался как Б.Ф.Барнуэлл. Он сохранил свои первые инициалы – Б.Ф. Теперь вот что, Пол, у Эддикса было много дел, связанных с шахтами. Он часто бывал в Неваде. Мне нужно знать, не останавливался и где-нибудь в мотелях Б.Ф.Барнуэлл. И поскольку ты все равно этим занялся, так, просто ради интереса, сравни данные. Но о Барнуэлле нужно узнать все, что только можно.

– Тебе придется, – сказал Дрейк, – черт побери, оплатить счет на сумасшедшую сумму,

Перри. Мои люди...

— Не имеет значения, — перебил его Мейсон, — у меня сейчас самый разгар боя, а за этим скрывается что-то очень серьезное. Я не знаю, что именно. Может быть, в этих дневниках Элен Кэдмас ничего и нет, но тем не менее каждый, кто хоть как-то связан с Эддиксом, пытается заполучить эти дневники любой ценой. Я могу делать выводы только из того факта, что я сам ничего в этик дневниках не нахожу, хотя и прочитал их. Все остальные их не читали и потому полагают, что в них содержится нечто очень важное, потому что нечто очень важное должно в них быть... Ладно, Пол, зови сюда миссис Блевинс.

Дрейк снял телефонную трубку:

— Попросите ко мне миссис Блевинс. — Он откинулся назад, потер глаза костяшками пальцев, зевнул и добавил: — Черт возьми, Перри, я уже отдаю концы. Я сижу здесь у этого телефона днем и ночью...

— Мы уже приближаемся к финалу, Пол, — успокоил Мейсон. — Мы напали на богатую жилу.

— Не знаю, какая польза нам будет от всей этой ерунды, — возразил ему Дрейк. — Парень развлекался со своей секретаршей — в этом нет абсолютно ничего оригинального. Ты же знаешь, это обычное дело. Признай, что она была чертовски смазливой девчонкой...

— Знаю, знаю, — перебил его Мейсон, — но мы наткнулись на ниточку, которая может нас кое-куда вывести.

— Ну ладно, поскорей бы только, — сказал Дрейк, — а то я сейчас свалюсь мордой вперед и...

Распахнулась дверь, и на пороге возникла миссис Блевинс, двадцатисемилетняя блондинка с огромными голубыми глазами. Одежда отнюдь не скрывала достоинств ее фигуры. У миссис Блевинс была великолепная фигура, и она, видимо, прекрасно об этом знала.

— Добрый день, — обратилась она к адвокату. — Вы — мистер Мейсон. Я видела, как вы входили. Я вам улыбнулась, но вы, похоже, меня не заметили. Я Ферн Блевинс, бывшая жена Алана Блевинса. А вы — мистер Дрейк?

Мейсон с улыбкой поклонился ей, и миссис Блевинс направилась к нему, протягивая руку. Дрейк обратился к Мейсону:

— Ты будешь с ней говорить или я?

— Я сам, — сказал Мейсон. — Пожалуйста, присаживайтесь, миссис Блевинс. Мы будем ужасно назойливы в своем любопытстве.

Выражение ее голубых глаз мгновенно изменилось, и она сказала:

— А если я не захочу отвечать?

— Ну, едва ли, — сказал ей Мейсон, — нас интересует ваш развод.

— Ах, это! — воскликнула она с явным облегчением в голосе. — А я испугалась, что вы на самом деле собираетесь копаться в моей личной жизни.

— Прежде всего мы заинтересованы в том, — сказал с улыбкой Мейсон, чтобы выяснить все, что происходило в доме Эддикса.

— Вы имеете в виду Стоунхендж?

— Да.

— Думаю, там много чего происходило.

— Приходилось ли вам когда-нибудь ночевать там с вашим мужем?

— Слава Богу, нет. Да и он там не ночевал. Он там работал, и больше ничего, хотя иногда возвращался домой довольно поздно ночью.

— Я обратил внимание, что в вашем заявлении о разводе вы ссылались на духовное насилие, — сказал Мейсон.

— Да, формулировка получилась очень удачной.

– Не можете ли вы сообщить нам какие-нибудь подробности, что-нибудь такое, о чем вы не упомянули в заявлении?

– Алан был намного старше меня, – сказала она.

– Вы были его второй женой?

– Да.

– Продолжайте.

– Он... ну, мне кажется, мы устали друг от друга, и... мне надоело быть подопытным кроликом.

Мейсон бросил многозначительный взгляд на Пола Дрейка и спросил:

– Вы хотите сказать, что он гипнотизировал вас, миссис Блевинс?

– Да, пожалуй, гипнотизировал. Я думаю, что только под влиянием своего рода гипнотического воздействия я вышла за него замуж.

– Многим так кажется, – заметил Мейсон. – Можете ли вы сообщить какие-нибудь подробности?

– Я работала тогда секретаршой, – сказала она, – и помогала ему иногда – он что-то там такое писал в то время. Ну, конечно, вы ведь и сами знаете – гипноз вызывает у людей интерес. Я очень заинтересовалась и расспрашивала его о гипнозе, и он... Тогда он казался мне очень милым. Ну, в то время, когда он за мной ухаживал. Что бы он ни делал, все казалось замечательным.

– Продолжайте, – попросил Мейсон.

– Я не знаю, как вам это описать. Глаза у тебя сияют, и каждая минута, проведенная с мужчиной, полна неземного блаженства. Потом ты выходишь за него замуж и, вместо того чтобы чувствовать себя счастливой, вдруг обнаруживаешь, что сыта всем этим по горло. Чары рассеиваются, и видишь, что этот мужчина самая обычная посредственность. Более того, это ревнивый, с собственническими замашками тип, который пытается разнюхать твои секреты и пристает со всякими дурацкими обвинениями.

– Вы продолжали работать после того, как вышли замуж?

– Да.

– С вашим мужем?

– Нет. У меня ведь была постоянная работа. Я не стала ее бросать.

– Не можете ли вы рассказать нам подробнее о том, как он использовал вас в качестве подопытного кролика?

– Ну, когда он рассказывал мне о гипнозе, он спросил, не хочу ли я, чтобы он попробовал меня загипнотизировать. Он смотрел прямо на меня, и я испытывала восхитительное чувство полной покорности. Я чувствовала, что готова на все ради него. Я хотела показать, насколько ему доверяю, и ответила, что очень хочу.

– И что потом?

– Я не помню, – сказала она.

– То есть как?

– Это как раз одна из тех штучек, которые может сделать гипнотизер. Он может вас загипнотизировать и приказать после пробуждения забыть все, что вы делали под влиянием гипноза. Я видела, как Алан десятки раз так делал с разными людьми. Он может заставить их делать самые дурацкие вещи и говорить полную ерунду, а затем прикажет им проснуться и забыть все, что они делали, и забыть даже о том, что их вообще гипнотизировали.

– Что-то подобное было и с вами?

Она кивнула:

– Я посмотрела на него и сказала: «Ну, давай, Алан, гипнотизируй меня...», а он вдруг

заявил, что уже загипнотизировал меня, и я подумала, что это просто шутка, пока не взглянула случайно на свои часы и не осознала, что или кто-то перевел мои часы на сорок пять минут вперед, или уже прошло сорок пять минут, о которых я ничего не могу вспомнить.

– И что потом? – спросил Мейсон.

– Потом он как-то по-особенному на меня взглянул, и минут через пять мне в голову пришла абсолютно бредовая идея – мне захотелось... ну, кое-что сделать.

– Что? – спросил Мейсон.

Не ответив на вопрос, она покачала головой:

– Это было полным сумасшествием, и тем не менее я это сделала, и... ну, теперь-то я знаю, что произошло.

– Что?

– Это было постгипнотическое внушение, – сказала она. – Гипнотизер может сделать так. Он подчиняет тебя своему влиянию и может не только заставить тебя что-то сделать, но может еще приказать сделать что-нибудь в постгипнотическое трансе, то есть он приказывает тебе проснуться и забыть о том, что тебя загипнотизировали, а потом, через пять или десять минут после пробуждения, ты совершишь какой-нибудь идиотский поступок. Именно так оно со мной и было.

– Продолжайте, – сказал Мейсон.

– Через некоторое время мы поженились.

– Гипнотическое воздействие продолжалось?

– Он использовал гипноз, мистер Мейсон, гораздо чаще, чем я это осознавала.

– Что вы имеете в виду?

– Мне случалось иногда замечать, что я делаю что-то под влиянием постгипнотического внушения. И кое-что было такого рода, что мне не хотелось бы вдаваться в подробности.

Мейсон, внимательно глядя на нее, сказал:

– Мы будем очень вам благодарны за сотрудничество с нами, миссис Блевинс. Мы охотно возместим за причиненное вам беспокойство, которое...

– Да, мистер Дрейк говорил мне об этом, но есть вещи, которые не купишь за деньги.

– Не могли бы вы намекнуть попрочнее? – спросил Мейсон.

Она замешкалась.

Мейсон улыбнулся и сказал:

– Вы ведь уже были замужем и...

– Ну ладно, – выпалила она. – Я была дурой. Я позволяла Алану гипнотизировать меня. Если у меня болела голова, он погружал меня в сон на минуту или две, а когда я просыпалась, головная боль исчезала и я чувствовала себя просто великолепно, полностью отдохнувшей. Иногда, если, понервничав, я не могла заснуть, он устраивал короткий сеанс гипнотического лечения с постгипнотическим внушением. После этого я становилась такой сонной, что даже голову не могла удержать и... в общем, вот так все и происходило. А затем, как я вам уже сказала, прошло время, чары рассеялись, и... ну, я продолжала работать и... я не знаю, как вам об этом рассказать.

– Появился другой мужчина? – спросил Мейсон.

– Аллан считал, что появился.

– А на самом деле?

– Аллан считал, что появился, – повторила она без всякого выражения.

– Продолжайте, – сказал Мейсон, – что произошло дальше?

– Ну, однажды ночью, когда Аллан работал, у меня неожиданно возникло сумасшедшее желание написать все о моей личной жизни, то, о чем я никогда и никому не стала бы

рассказывать. Мне вдруг захотелось все это записать и спрятать написанное на дно ящика, под кипой фотографий... Я просто не могла удержаться от этого. Я многое чего написала о моей личной жизни и о том, что у меня было, и спрятала все это под фотографии в ящик.

– И что потом? – настаивал Мейсон.

– На следующее утро я вдруг сообразила, какую сделала глупость, и решила достать эти бумаги и сжечь. Я поспешила к ящику и... в общем, вы уже догадались – там ничего не было.

– Вы думаете, что сделали это в результате постгипнотического внушения?

– Верно. Я даже не знала, что он меня загипнотизировал. Я до сих пор не знаю, когда он успел меня загипнотизировать, но постгипнотическое внушение осталось. Таким образом, мне стало известно, что у него есть эти бумаги, и все, что там было написано, он мог бы использовать как свидетельство против меня.

– В случае развода?

Она вспыхнула:

– Да.

– И что вы предприняли?

– Черт возьми, я просто чуть с ума не сошла от ярости, я думала, что убью его, но к тому времени я была уже ученая. Есть такие игры, в которые можно играть вдвоем. Я и виду не подала, что знаю о пропаже этик листков. Я подождала пару дней, а потом принялась обыскивать весь дом. Я отпросилась на день с работы и, можете мне поверить, перетряхнула весь дом сверху донизу. В конце концов я нашла их.

– Где?

Она засмеялась:

– Он был хитер. Он оторвал угол коврового покрытия на полу, засунул под него бумаги и приделал все обратно.

– И что вы сделали с этими листками?

– Уничтожила, а сразу после этого ушла из его дома, направилась к юристу и написала заявление о разводе. Обратно я уже не вернулась и постаралась сделать так, чтобы у Аланы никогда больше не было возможности уставиться на меня своими серо-стальными глазами.

– Он мог быстро вас загипнотизировать?

– Очевидно, ему было достаточно щелкнуть пальцами, и я уже попадала под его влияние.

– Продолжайте, – сказал Мейсон.

– Ну, Алан считал что я у него в руках. Он думал, я ничего не смогу предпринять, но когда он пошел за своим козырем, там ничего не оказалось и... в общем, я обвинила его в духовном насилии, и поскольку он был заинтересован в том, чтобы на поверхность не всплыло слишком многое, то... ну, в общем, я получила решение суда о разводе.

– И вторично вышли замуж? – спросил Мейсон.

Она слегка покраснела и сказала:

– Еще нет. Решение пока не вступило в законную силу.

– А когда оно вступит?

– На следующей неделе.

– И тогда вы снова собираетесь выйти замуж?

– Да.

– За мужчину, которого вы знали уже какое-то время?

– Да.

– Я полагаю, он-то не гипнотизер? – спросил с улыбкой Мейсон.

– Нет, мистер Мейсон. Можете спорить на любые деньги.

Мейсон раскрыл свой бумажник, достал четыре пятидесятидолларовые банкноты и сказал:

— Здесь двести долларов, миссис Блевинс, — компенсация за потраченное время и причиненное вам беспокойство. Это пригодится вам в качестве приданого.

Она взяла деньги, сложила их, спрятала в свой кошелек и взглянула на Мейсона глазами, полными благодарности.

— Мистер Мейсон, это... Ну, в общем, это так мило с вашей стороны.

— Мы, разумеется, высоко оценили вашу откровенность, — сказал Мейсон, — а теперь скажите нам: не случалось ли, что Алан когда-нибудь гипнотизировал вас и заставлял вспомнить то, чего не было на самом деле?

— О да. Это был един из его любимых трюков. Он гипнотизировал кого-нибудь и плел всякие небылицы о том, что якобы произошло, а потом приказывал человеку проснуться и не думать об этом в течение часа или двух, но сохранить в памяти все, что ему было внушено, словно бы это произошло с ним на самом деле, а потом, через два часа, в результате постгипнотического внушения, начать об этом рассказывать.

— И это у него получалось?

— С некоторыми — да. Конечно, не каждого можно загипнотизировать, мистер Мейсон, и...

— Понимаю. Да, вот еще что: вы не знаете, доводилось ли ему когда-нибудь гипнотизировать Джозефину Кемптон, экономку мистера Эддикса?

— Я думаю, доводилось. Я помню, он как-то раз упомянул о том, что с ее помощью продемонстрировал что-то мистеру Эддиксу.

— Известно ли вам еще что-нибудь, что могло бы нам помочь? — спросил Мейсон.

— Нет.

— Ну что ж, огромное спасибо. Я думаю, нет больше никакой надобности вас задерживать, миссис Блевинс, но возможно, потом у нас возникнет необходимость побеседовать с вами.

— В любое время, — сказала она, — в любое время после четырех часов. Вы мне позвоните, и я приду когда вам угодно. У мистера Дрейка есть мой номер.

— Благодарю вас, — сказал Мейсон.

Она встала со стула и направилась к двери, потом неожиданно сделала крюк, подошла к Мейсону и взяла его за руку.

— Вы просто прелесть, — сказала она. — Да, вот еще что, может, это вам пригодится. Его настоящая фамилия не Эддикс. Мне точно известно — Алан его как-то раз загипнотизировал и узнал, что его на самом деле зовут Барнуэлл. Если вам еще что-нибудь будет нужно, вы только дайте мне знать.

И, глядя на Мейсона благодарными глазами, она широко улыбнулась, затем открыла дверь и так стремительно повернула, выходя в коридор, что ее юбка взметнулась вверх с озорным хлопком.

— Ну что, был хоть какой-то прок от нее? — спросил Дрейк.

Мейсон усмехнулся и сказал:

— Пол, за последние несколько минут я действительно узнал массу полезного. Отдай приказ — пусть твои ребята начинают работать в Неваде, а сам иди домой, погрейся хорошенько в горячей ванне, залезай в кровать и отсыпайся.

— Ты серьезно? — спросил в изумлении Дрейк.

— Серьезнее не бывает, — сказал Мейсон и быстро вышел из офиса Дрейка.

Пройдя по коридору, Мейсон открыл дверь своего личного кабинета.

Делла Страт, стоявшая у его стола и перебиравшая какие-то бумаги, взглянула на адвоката.

Мейсон подскочил к ней двумя огромными прыжками, обхватил ее, оторвал от пола, потом развернул и прижал к себе.

— Малышка, — сказал он, — мы напали на золотую жилу.

Она посмотрела на него с легкой печалью:

— Только на счет которой, я полагаю, и можно отнести это неожиданное проявление восторга.

— Это не восторг, — сказал Мейсон, прижимая ее к себе, — это страсть.

— Ну что ж, — сказала она, — значит, это чрезвычайно важная информация.

— До газет дозвонилась? — спросил Мейсон.

— Да. Репортеры уже едут сюда. Я сказала, что это не терпит отсрочки, и они мчатся на всех парах.

— Молодец, — сказал Мейсон и пристально посмотрел ей в глаза.

Она положила руки ему на плечи, и ее лицо запрокинулось. Мейсон нежно склонился над ней.

Их губы слились в долгом поцелуе, потом она неожиданно оттолкнула его, вытащила из косметички бумажный носовой платок и вытерла с его губ помаду.

— Шеф, — воскликнула она, — ты что, забыл, что целая свора наблюдательных, глазастых газетчиков может ворваться сюда в любую минуту?

Мейсон улыбнулся, потрепал ее по плечу и сказал:

— Хорошо, Делла. Мы им выдадим такое, что хорошенько встряхнет мистера Сиднея Хардвика и поставит его на место.

— Отлично. Надеюсь, так оно и будет. Как мой рот? Помада смазалась? А, ты все равно ничего не замечаешь!

— Я все замечаю ничуть не хуже любого глазастого газетчика, — сказал Мейсон.

Она рассмеялась, подошла к зеркалу, чуть тронула губы помадой и сказала:

— Кто-то стоит у двери в приемную.

— Я буду разговаривать с репортерами там, — сказал Мейсон.

Он вышел следом за ней в приемную и поприветствовал двух прибывших одновременно газетчиков. Пока он угождал им сигаретами, подошел третий, а потом и четвертый.

— Ну и что за грандиозные новости вы собираетесь нам сообщить? спросил один из репортеров. — Надеюсь, это действительно интересно. Ей-богу, мы чуть шеи себе не свернули, пока мчались сюда. Ваша секретарша заявила, что это просто сенсация.

— Так оно и есть, сенсация, — подтвердил Мейсон.

— Ну и в чем дело?

— Вам известно о собственноручно написанном Бенджамином Эддиксом завещании?

— Черт побери, конечно. Я надеюсь, вы не собирались сообщить нам эту новость. «Хардвик, Карсон и Реддинг» дали информацию об этом два часа назад. Она уже попала в последний выпуск.

— Прекрасно, — сказал Мейсон, — но завещание недействительно.

— Что вы имеете в виду, почему это недействительно?

— Именно это и имею в виду, — ответил Мейсон. — Он не оставил никаких распоряжений относительно своей жены.

— Жены? Бенджамин Эддикс был холостяком.

— Кое-кому нужно, чтобы вы именно так и думали.

— Вы хотите сказать, что он был женат?

Мейсон кивнул.

— Какого черта?.. Не дурите нас, Мейсон. Господи, да Бенджамин Эддикс был слишком заметной фигурой. Конечно, он был ужасно скучный тип и вдобавок свихнулся на своих экспериментах с гориллами, но, в конце концов, парень он был известный. Если бы он на ком-нибудь женился, это попало бы в газеты. Не думаю, что это вызвало бы какой-то особенный

интерес, но в газеты бы попало. Единственное, что его занимало, – это состояние своего банковского счета и личного зоопарка с гориллами.

– Вы забываете, что в его биографических данных есть большие белые пятна, – заметил Мейсон. – Он был женат.

– Где он женился?

– Где-то, во всяком случае, женился.

– Давайте, давайте, выкладывайте нам всю подноготную!

– У Бенджамина Эддикса, – сказал Мейсон, – была женщина, с которой он жил как со своей женой.

– Где он с ней жил?

– Некоторое время в своем собственном доме.

– Не хотите ли вы сказать, что Джозефина Кемптон...

– Не надо так спешить, – сказал Мейсон, – его женой была Элен Кэдмас. Я могу, господа, предоставить вам адреса некоторых мотелей, в которых они регистрировались как муж и жена, и могу вас уверить, что их абсолютно безошибочно опознали на фотографиях. Можете взять фотографию Элен Кэдмас и проверить, если хотите.

– Ну-у, бросьте вы это, – разочарованно протянул один из репортеров, – он всего лишь крутил шашни со своей секретаршей. Это еще не значит, что он был на ней женат или что его завещание от этого недействительно.

Мейсон усмехнулся.

– Вы, господа, опытные сыщики. Так что обратите внимание на тот факт, что в мотелях эта пара регистрировалась как мистер и миссис Б.Ф.Барнуэлл.

– Барнуэлл?

– Совершенно верно.

– Ну и что же, – сказал один из репортеров, – вот вам и ответ. Чтобы признать законным незарегистрированный гражданский брак, необходимо доказать...

– А кто говорит о гражданском браке? – спросил Мейсон.

– Вы и говорите, разве нет? И вообще, как я понимаю, в нашем штате это не имеет никакого значения. Даже если все так и было, он должен был пользоваться своей настоящей фамилией и...

– И какова же настоящая фамилия Эддикса? – спросил Мейсон.

– Ну, конечно же, Эддикс.

– А это точно?

– Ну разумеется. Он... постойте-ка, а откуда вы вообще выкопали это имя – Барнуэлл? Мейсон лишь улыбнулся в ответ.

– Так что там насчет гражданского брака? – спросил один из них.

– В некоторых штатах он признается, – сказал Мейсон, – а в некоторых – нет. Но если мужчина путешествует с женщиной, которую называет своей женой, в один прекрасный момент он может оказаться в штате, где гражданский брак считается вполне законным. И вот еще что вы, господа, упустили из виду: здесь, у нас в штате, если двое живут вместе как муж с женой, возникает спорная ситуация с признанием брака законным. Дело может быть разрешено в суде, по показаниям свидетелей.

Репортеры переглянулись.

Мейсон раскрыл солидный том и положил его на стол:

– Вот это место, раздел тридцатый параграфа тысяча девятьсот шестьдесят третьего Гражданского процессуального кодекса.

– А что тогда с его завещанием? – спросил один из репортеров.

– Он не упомянул Элен Кэдмас. Если они жили вместе как муж и жена, то брак дает ей

основания претендовать на наследство в качестве наследника первой очереди. Следовательно, завещание вполне может быть оспорено.

– Но он не мог упомянуть Элен Кэдмас. Она уже была мертва.

– Кто вам это сказал?

– Похоже, вы считаете, что она просто прогулялась по воде. Давай нам факты, если хотите, чтобы мы хоть что-то напечатали.

– А мне, черт возьми, плевать, будете вы что-нибудь печатать или нет, – сказал Мейсон, – но Элен Кэдмас не кончала жизнь самоубийством.

– Вы хотите сказать, что она была убита?

– Она не была убита.

– Так что же вы тогда, черт возьми, хотите сказать?

Мейсон ответил:

– Я хочу сказать, что по некоторым причинам, представлявшимися вескими Бенджамину Эддиксу и Элен Кэдмас, она решила скрыться. Выводы вы можете делать сами.

На мгновение воцарилось гробовое молчание.

– Вы имеете в виду, она решила скрыться на какое-то время, чтобы родить ребенка? – спросил один из них.

– В конце концов, – пожал плечами Мейсон, – я занимаюсь этим делом всего лишь несколько часов, но я непрерывно получаю новую информацию, которую мне приходится проверять и анализировать. Я решил, что вы, господа, захотите для начала нацарапать пару слов в связи с этим и...

– Нацарапать для начала пару слов – это все прекрасно. Если у вас есть хоть что-то в подтверждение этой теории, заголовки на всю полосу гарантированы. Черт возьми, какая душепитательная история, настоящая сенсация!

– Отлично, – сказал Мейсон, – судите тогда сами. Кто видел Элен Кэдмас на борту яхты в ту штормовую ночь? Кто видел Элен Кэдмас после того, как яхта отчалила?

– Кто-то из экипажа, разве нет?

– Можно назвать только одного, – сказал Мейсон, – кто утверждал, что видел ее. Это Бенджамин Эддикс.

– И Джозефина Кемптон.

– Нет, миссис Кемптон ее не видела, – возразил Мейсон, – она слышала стук пишущей машинки в соседней каюте. Потом машинка перестала стучать. На ней мог печатать кто угодно – Эддикс, например. Миссис Кемптон приняла дозу снотворного и заснула. А когда утром она проснулась, то услышала о том, что Элен Кэдмас якобы исчезла.

– Вы можете это хоть чем-то подтвердить? – спросил один из репортеров.

– Конечно, – сказал Мейсон, – вспомните, у меня ведь есть дневники Элен Кэдмас.

– И она написала что-нибудь по поводу того, что ждет ребенка?

– Я покажу вам это место, – сказал Мейсон.

Он взял дневник и открыл его на странице, обнаруженной Деллой Страт и помеченной закладкой.

– Вот здесь. Это написала Элен Кэдмас собственноручно:

«Я сообщила сегодня Б. эту новость. Сначала он очень развелся, а затем, когда всерьез над этим задумался, я поняла, что все будет в порядке. Он будет им гордиться».

Газетчики самым тщательным образом изучили эту страницу.

– Послушайте, – сказал один из них, – одолжите-ка нам эти дневники. Мы можем пролистать их прямо здесь, в вашей библиотеке, и, может быть, нам удастся найти что-нибудь такое...

Мейсон отрицательно покачал головой.

– Только то, что я вам показал. Это сгодится в качестве эпиграфа к статье.

– Да не получится из этого никакой статьи. Это голая теория, практически ничем не подтвержденная. Мы не можем такое напечатать.

– Черт побери, оказывается, вы не можете! – воскликнул Мейсон. – А много ли у вас собрано доказательств для того, чтобы обвинить Джозефину Кемптон в убийстве Элен Кэдмас?

– А никто и не говорил, что она убила Элен Кэдмас. Мы написали, что власти проводят расследование.

– Отлично, – сказал Мейсон, – а теперь вы можете заверять читателей, что на основании цитированной записи из дневника несколько дюжин сыщиков «Детективного агентства Дрейка» прочесывают эту часть страны с целью подтверждения моей теории о том, что запись в дневнике обозначает нечто совершенно определенное. А если вы вернетесь к себе и заглянете в дело Элен Кэдмас, то обнаружите, что ни один человек из команды не видел Элен Кэдмас после отплытия яхты. Более того, и это очень важно, никому не известно, какого рода конфиденциальную работу она якобы выполнила для Бенджамина Эддикса. Эддикс сказал, что, когда он уходил, она печатала на машинке в своей каюте. Позднее его спросили, получил ли он отпечатанные документы, и он ответил, что конечно нет и что в последний раз он ее видел, когда она расшифровала стенографическую запись, обратите на это особое внимание. Если она покончила жизнь самоубийством, она не стала бы, прыгая за борт, брать с собой перепечатанные страницы. Если бы она собиралась покончить жизнь самоубийством, она не стала бы вообще их перепечатывать. Она просто прыгнула бы за борт, оставив записи нерасшифрованными в своем блокноте для стенографии. С той самой минуты, когда я взялся за расследование дела, мне очень хотелось выяснить, что случилось с документами, продиктованными ей Эддиксом в ту ночь, когда она исчезла. Есть фотографии каюты, в которой, как полагали, она находилась после того, как яхта вышла в море. А теперь, господа, рассмотрите как следует эти фотографии и вы заметите две или три необычные вещи. Машинка стояла на столе, как и положено, и вокруг были разбросаны какие-то бумаги, но я до сих пор не слышал, чтобы кто-нибудь нашел блокнот для стенографии с расшифрованными записями, и мне до сих пор не удавалось найти никого, кто видел в каюте хотя бы какой-нибудь отпечатанный документ. Но особенно меня заинтересовала вот эта фотография. Она была сделана после того, как яхта пришла на Каталину, и на ней изображена каюта Элен Кэдмас. Дверь в душкрыта, и можно даже увидеть с противоположной стороны кусочек интерьера каюты, которую занимала Джозефина Кемптон. Ну а теперь, господа, всмотритесь хорошенько – не замечаете ли вы чего-нибудь странного?

Газетчики тщательно изучали фотографию.

Мейсон сказал:

– Полотенца на одной из вешалок были использованы. Это полотенца, висящие рядом с дверью в каюту Джозефины Кемптон. К полотенцам у дверей в каюту Элен Кэдмас никто даже не притрагивался. Вы полагаете, что она находилась на борту яхты, стенографировала, много печатала на машинке и ни разу даже не помыла руки, даже не развернула полотенце?

Один из репортеров тихонько присвистнул, а затем сказал Мейсону:

– Послушайте, да вы и в самом деле отличный сырщик.

Мейсон усмехнулся:

– Господа, вы стартуете одновременно с полицией. Было бы просто чудесно, если бы вы сами нашли Элен Кэдмас. И если вы подтвердите правильность моих догадок... Ну, тогда у вас будет материальчик намного ценней, чем пустые обвинения заинтересованной стороны. Я не знаю, насколько велико желание ваших редакторов раздобыть исключительное право на

интервью с Элен Кэдмас и подлинную историю ее предполагаемого самоубийства, но я полагаю, что тот, кто все это раскопает, может рассчитывать на серию статей за своей собственной подписью, особенно если он раскрутит ее на эксклюзивное интервью. Вот почему я ставлю вас всех в равные условия. Здесь названия двух мотелей, где они регистрировались как мистер и миссис Б.Ф.Барнуэлл, а вот несколько фотографий, чтобы вы не тратили попусту время в ваших редакционных архивах.

— Барнуэлл, — задумчиво произнес один из них. — Послушайте, а ведь этот Хардwick получил телеграмму от Германа Барнуэлла. Он...

Он вдруг замолчал на полуслове. Какое-то мгновение репортеры стояли словно в оцепенении, затем один из них рванулся к двери. И тут же все четверо помчались как сумасшедшие по коридору.

Мейсон улыбнулся Делле Страт:

— Завтра утром пошлем мистеру Сиднею Хардвику парочку газет и сообщим ему, что мы и сами умеем действовать быстро.

— Ну что ж, неплохо, — сказала Делла Страт, когда стихли последние звуки бегущих ног. — Вот уж действительно, ты взял пуговицу и пришел к ней жилет.

Мейсон улыбнулся.

— Шеф, а ты не рискуешь, устроив все это?

— Что значит — рискую?

— Черт возьми, ты заявил, что у этой девушки ребенок и что она была гражданской женой Бенджамина Эддикса. Боже мой, ну а предположим, что она жива?

— Ну и что?

— А если она подаст на тебя в суд?

— В таком случае, — сказал Мейсон, — Джозефина Кемптон тотчас же сможет вздохнуть посвободнее. Мы ничего не добьемся, находясь в обороне и просто уклоняясь от ответов и отрицая все подряд. Это как раз тот случай, когда нам необходимо перенести сражение на территорию противника.

— Но ты ведь не имеешь права выходить за пределы доказанных фактов.

— Это верно, — сказал Мейсон. — А теперь давай-ка рассмотрим все эти факты. Совершенно очевидно, что они жили вместе. Я полагаю, у них была любовь. Еще когда я впервые принялся просматривать дневники Элен Кэдмас, меня поразили две вещи. Первое — никто из членов команды не упоминал о том, что видел Элен Кэдмас на борту яхты после выхода в открытое море. А второе — неизвестно куда пропали бумаги, которые она напечатала. Или она отнесла их Бенджамина Эддиксу, и тогда объяснения Бенджамина Эддикса полиции были лживы, или бумаги остались в каюте, и тогда их кто-то тайком забрал. Едва ли профессиональная стенографистка настолько любит печатать на машинке, чтобы перепечатать важный документ, а затем прыгнуть за борт, скимая его в руках.

— А если ее случайно смыло за борт?

— Волны были не настолько огромными, чтобы захлестывать судно, Делла. Ночь была неспокойной, ветреной, кое-где на палубе стояла вода, и было довольно много брызг, но это отнюдь не был один из тех все сметающих на своем пути штормов, когда огромные массы воды, то и дело обрушиваясь на палубу, могли бы сбить девушку с ног.

— Ну, как бы то ни было, ты определенно заварил кашу.

— Что я и собирался сделать, — согласился Мейсон.

— А теперь чем мы займемся?

— Ты отправишься домой, — распорядился Мейсон, — а я усядусь поудобнее. Мне предстоит напряженная работенка.

— И что за работенка? — подозрительно спросила Делла Страт.

— Я собираюсь изучить дневники самым внимательным образом, с учетом того, что нам теперь известны две даты, когда она останавливалась в мотелях. Я уверен, что между строк можно вычитать какие-то намеки, которые дадут мне своего рода ключ, и, получив этот ключ, я проверю все остальные даты.

— Подвинься, — сказала Делла Страт. — Я не собираюсь бросать тебя на полпути.

— Нет, тебе нужно отправиться домой и немного отдохнуть.

— Вздор! Я собираюсь довести дело до конца.

— Ну ладно, уж если ты так настаиваешь, то тогда хотя бы сходи поужинай.

— А ты что, собираешься сидеть голодным?

— Ну, я попрошу, чтобы мне принесли снизу, из буфета, кофе и чизбургер.

— Попросите два, — сказала она. — И давайте приступим.

— Вот и отлично, — сдался Мейсон, не скрывая радостной улыбки. Делла, как ты думаешь, может ли девушка, которая ведет дневник, как это делала Элен Кэдмас, влюбившись в своего шефа, писать так, что об этой любви в дневник не просочилось ни слова?

— Многое зависит от характера любовной связи. Я думаю, что женщина, любившая по-настоящему, остерегалась бы писать что-нибудь такое, что могло бы не понравиться ее возлюбленному. С другой стороны, влюбленная женщина всегда склонна исповедоваться своему дневнику.

Мейсон кивнул:

— Вот я как раз и собирался заняться поисками шифра. У нее должно было быть какое-то условное выражение или слово, которое она использовала, когда хотела написать, что была с любимым человеком.

— Если, конечно, предположить, что она его действительно любила, сказала Делла Страт.

— Прочитав ее дневники, я стал испытывать к Элен Кэдмас симпатию, сказал Мейсон. — Она была искренняя, цельная, прямодушная девушка, и, как мне кажется, очень преданная. У нас есть две даты, Делла. Давай-ка найдем их в дневнике и внимательно изучим все записи.

— Если он действительно любил ее, то почему он не женился? — спросила Делла Страт.

— Да, — сказал Мейсон, — это и есть одна из загадок нашего дела. Ты ведь не хочешь, чтобы в расследуемом деле вовсе не было никаких загадок?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Ну что ж, — сказал Мейсон, — примемся за наше исследование.

Мейсон внимательно читал и перечитывал все записи, относящиеся к той дате, когда они впервые зарегистрировались в мотеле.

Делла Страт подошла сзади, заглянула ему через плечо, и какое-то время они в полном молчании читали вместе.

Неожиданно она рассмеялась.

— В чем дело? — спросил Мейсон.

— Ты смотришь под тем числом, когда они зарегистрировались в мотеле.

— Ну и что? — спросил Мейсон.

— Это не то число, — сказала она. — Она просто не могла ничего поведать своему дневнику, пока не вернулась обратно на следующий день. Так что, скорее всего, когда они ехали домой, Эддикс и предложил...

— Вот это в самую точку! — сказал Мейсон. — Я чувствую, что все мои романтические чувства погребены под снежными заносами деловых соображений. Для юриста дата — это дата. Отлично, давайте-ка взглянем на следующий день.

Они прочли запись за следующий день, и указательный палец Деллы Страт тут же ткнул в строчку на странице дневника.

— Вот оно, шеф. Яснее и быть не может.

Мейсон прочитал:

«Говорят, что счастье там, где ты его сам найдешь, так оно со мной и произошло. Я хочу положиться на судьбу и, конечно, не стану пытаться ускорить развязку, пока она сама не станет неизбежной».

— Боже мой, — воскликнул Мейсон, — я ведь сам это читал! Эту тетрадь я сам проверял, Делла, и тогда не смог осознать всю важность написанного.

— Ну что ж, все правильно, — заметила Делла Страт, — запись имеет отношение к тому, что произошло предыдущей ночью. Очевидно, это у них было уже не впервые. Она совершенно явно решила положиться на судьбу и наслаждаться счастьем, пока не наступит развязка.

— Отлично, — сказал Мейсон, — давай-ка вернемся к той, второй, тетради, Делла. Посмотрим, нет ли интересных записей накануне того дня, когда об этом важном событии стало известно Эддиксу.

Делла Стратриннесла тетрадь и положила ее на стол.

— Подвинь стул и садитесь, — предложил Мейсон.

— Нет, спасибо. Мне и так хорошо. Отсюда мне удобнее смотреть вниз на страницу.

Ее щека была совсем рядом со щекой Мейсона; через какое-то время Мейсон протянул правую руку, обнял Деллу за талию и прижал ее ближе к себе.

— Ну вот, и здесь есть об этом, — сказал он, показывая абзац в тетради. — Теперь, когда у нас есть шифр, все совсем просто. Вот, послушай:

«Мне все еще не хочется приближать развязку, но теперь она неизбежна».

— Да, это ее шифр, — согласилась Делла Стратрин.

Мейсон отодвинул стул, встал, повернулся к себе Делле так, что она оказалась лицом к лицу с ним, и сказал:

— У нас появилось неотложное дело.

— Какое?

— Мы должны найти ее.

— Ты думаешь, что она не выпрыгнула за борт?

Мейсон покачал головой.

— Но она ведь вполне могла.

— Я знаю, что могла, — сказал Мейсон, — но не думаю, что она на самом деле выпрыгнула.

— Ну, а если предположить, что Эддикс обещал жениться на ней, если... ну, если это стало необходимым, и она пошла и сказала ему, что... Боже мой, как раз при таких обстоятельствах и убивают женщин.

— Я знаю, — согласился Мейсон, — что эту возможность мы не должны сбрасывать со счета, и все же... я сомневаюсь. Я не представляю, какие могли быть у Эддикса причины, чтобы просто не жениться на ней.

— Может быть, он не хотел.

— Возможно, — сказал Мейсон.

— И у него была прекрасная возможность для совершения преступления, продолжала Делла Стратрин. — Была штормовая ночь в проливе. Дул сильный ветер, завывавший в снастях судна, волны обрушивались на нос корабля едва ли кто-нибудь услышал бы крик. Бенджамин Эддикс выманил ее на палубу на корму яхты. Может быть, он показал ей что-нибудь. Возможно, он сказал: «Мне кажется, там огонь, Элен». Она схватилась за поручни и стала всматриваться. Он неожиданно наклонился, схватил ее за ноги и сильно толкнул.

— Превосходно, — сказал Мейсон, — если тебя послушать, то можно подумать, что ты сама это проделала, Делла.

— Ну, я, собственно, не вижу в этом ничего абсурдного, — заметила она. — Насколько я понимаю, это было бы вполне логичным развитием событий.

— Это было бы вполне логичным развитием событий, если бы не один факт.

— И какой же?

— Твоя предпосылка неверна.

— Я не улавливаю.

— Ты исходишь из того, — сказал он, — что для Эддикса это была всего лишь легкая интрижка.

— Ну хорошо, а какие данные говорят о том, что это было не так?

— Тот факт, что он был миллионером, — сказал Мейсон, — тот факт, что он, останавливаясь в

мотелях, регистрировался под своим собственным именем и регистрировал девушку как свою жену. Что из этого следовало, совершенно ясно. Он был полностью в ее власти. Она могла в любой момент прижать его к стенке.

— Может быть, она так и сделала, и именно поэтому он схватил ее за ноги и выбросил за борт.

Мейсон покачал головой:

— Ну ладно, Делла, один из нужных ответов мы нашли. А теперь нам нужно как следует поесть. Затем мы свяжемся с конторой Дрейка, проштудируем дневники и попытаемся найти остальные ответы. И не забывай об одном примечательном факте. Когда Бенджамин Эддикс хотел выкроить себе свободное время, он делал вид, что находится на яхте, хотя на самом деле его там не было. Что может быть проще для него, чем спланировать исчезновение Элен Кэдмас аналогичным образом?

— Но зачем, шеф? Зачем все эти хлопоты? Она могла просто заявить, что бросает работу, уехать и спокойно родить ребенка, и не нужны были все эти сложности.

— Я знаю, — согласился Мейсон, — но для этого была какая-то причина. Должна быть причина. Я думаю, Эддикс боялся.

— Боялся?

— Да, боялся, что нечто может случиться с женщиной, которую он любил, и с ребенком, которого он хотел любить. Пойдем ужинать.

Мейсон и Делла Страт расправлялись с остатками ужина в китайском ресторане.

— Хочешь миндальное пирожное? — спросил Мейсон.

Она покачала головой:

— Мне больше нравится нежный аромат вон тех булочек из рисовой муки, по которым можно предсказывать судьбу.

— Прекрасно, — кивнул Мейсон. — Тогда закончим ужин чаем и булочками, предсказывающими судьбу. Принесите нам блюдо с булочками, — дал он указание официанту.

Китаец попятился, и зеленая занавеска вновь закрыла вход в кабинку.

— Знаешь, — сказала Делла Страт, — у меня появилось особое предчувствие. Мне кажется, что мы бежим по горячему следу. Меня просто дрожь пробирает.

— Нам нужно действовать быстро, — кивнул Мейсон. — У нас не так уж много времени.

Официант-китаец вернулся с большим чайником.

— Лучший сорт, — сказал он, — у_л_у_н_г_ч_а_.

Он поставил перед ними чайные чашки и блюдо с рисовыми булочками.

Мейсон подвинул блюдо Делле Страт. Она взяла одну булочку, разломила ее, прочитала записочку с предсказанием, улыбнулась, сложила маленький листочек с напечатанной фразой и стала прятать его в сумочку.

— Эй, подожди-ка, — сказал Мейсон.

Она покачала головой.

— Ну почему, Делла? — спросил Мейсон. — Ты ведь обычно ничего от меня не скрываешь.

— А это я хочу сохранить от тебя в тайне.

— Почему?

— Извини, шеф, — она вспыхнула, — если бы я тебе сразу передала, это было бы еще ничего, а теперь... нет, исключено.

Она открыла сумочку, достала из нее кошелек и спрятала в него сложенный кусочек бумаги с напечатанным изречением.

Мейсон разломил свою булочку, пока Делла Страт разливала чай.

— А что у тебя? — спросила Делла.

Мейсон поспешно сложил бумажку и стал засовывать ее в боковой карман.

Делла Страт засмеялась.

— Вот я тебя и поймала, — сказала она, — ты даже не успел ее прочитать.

Мейсон усмехнулся, развернул листочек рисовой бумаги, прочел то, что на нем было напечатано, и протянул Делле Страт.

Изречение гласило:

«Если хотите достигнуть цели, помните, что отвага — единственное противоядие опасности».

— Ну что ж, — сказал Мейсон, — я думаю, нам стоит позвонить сейчас в контору Дрейка и выяснить, не удалось ли им что-нибудь разузнать.

— Шеф, я как-то... ты считаешь, что в этих предсказаниях что-то есть?

Мейсон рассмеялся.

— Ну конечно, нет, Делла. Они же печатают их сотнями. Потом кладут в булочки и запекают так, что когда ты разломишь такую булочку, то найдешь внутри предсказание. Я не знаю, сколько у них есть разных предсказаний. Едва ли больше сотни или что-нибудь около того.

— А тебе когда-нибудь попадались одинаковые предсказания в тех булочках, что вы ел?

— Дай-ка подумать, — сказал Мейсон. — Нет, похоже, не попадались. Да я как-то и не слишком над этим задумывался.

— Ты веришь в судьбу?

— Китайцы верят, — сказал Мейсон, — причем до такой степени, что кладут сотни разных предсказаний в сотни разных булочек. Они уверены, что то предсказание, которое тебе достанется, действительно было предназначено именно для тебя. Как раз таким образом у них чаще всего и предсказывают судьбу. А иногда нужно трясти в чаше трубочки с предсказаниями, пока одна из них не выскочит.

Она задумалась:

— У меня такое чувство, что твое предсказание действительно было адресовано именно тебе.

Мейсон рассмеялся.

— На самом деле ты хочешь сказать, Делла, что надеешься на то, что доставшееся тебе предсказание действительно было адресовано лично тебе.

Она густо покраснела.

— О, прости, — воскликнул Мейсон, быстро, повинуясь безотчетному импульсу, положив свою руку поверх ее, — я пошутил, Делла! Я не хочу, чтобы ты приняла все это всерьез... Хотя, — добавил он, — мне показалось, что с точки зрения психологии все было слишком очевидно.

— Да нет, ничего, — сказала она, — так мне звонить в контору Дрейка?

— Сиди здесь и пей чай, — приказал Мейсон, — и перестань дуться, Делла. Я пойду сам позвоню Полу Дрейку.

— Я не дуюсь. Я... я...

— Как же нет, ты даже покраснела, — настаивал Мейсон.

Неожиданно она отвернула взгляд:

— Все отлично, полный вперед. Звони Полу Дрейку. Тебе его номер известен.

Мейсон прошел к телефонной будке, опустил монету и набрал номер конторы Дрейка.

Когда секретарша, сидевшая у коммутатора в конторе Дрейка, ответила, Мейсон сказал:

— Это Перри Мейсон. Я хотел бы знать...

— Минутку, — решительно прервал его голос на том конце провода.

Мейсон услышал щелчок и вслед за ним голос секретарши:

— Мистер Дрейк, вас мистер Мейсон. — Затем послышалось и восклицание Дрейка: — Ну, вы молодчина! Где вы его поймали?

— Это не я. Он сам позвонил. Он...

— Алло, алло, Перри, Перри! — возбужденно произнес Дрейк.

— В чем дело, Пол? Я думал, ты спиши. Ты напал на золотую жилу?

— Я тоннами гребу золото из этой жилы! — воскликнул Дрейк. — Черт побери, ну у тебя и чутье! Ты лучше иди завтра играть на скачки и смело закладывай все семейное состояние.

— Продолжай, Пол, что там такое?

— Б.Ф.Барнуэлл и Элен Кэдмас поженились в маленьком городке в Неваде, который в обычной ситуации никому и не пришло бы в голову проверить. Крошечный городок, куда вряд ли кто-нибудь и заглянул бы, mestечко на севере-востоке от Лас-Вегаса, по дороге на Элей.

— Отлично, — сказал Мейсон. — Выкладывай все, что тебе удалось выяснить, Пол.

— Карандаш приготовил?

— Минутку. Я лучше позову Деллу. Не вешай трубку. — Мейсон положил трубку, выглянув из будки и поманил рукой Деллу Страт: — Захвати карандаш и блокнот, Делла.

Секретарша спешно отодвинула стул на гнутых ножках и побежала к телефонной будке,

открывая на ходу сумочку. Она быстро достала из сумочки блокнот для стенографии, повесила ее на запястье и, прижав трубку к уху, сказала:

— Давай, Пол.

Ее карандаш порхнул по странице, изобразив целую серию закорючек, потом цифру и имя.

— Это все? — спросила она. — Отлично, с тобой еще хочет поговорить шеф.

Она отодвинулась от телефона. Мейсон схватил трубку:

— Я слушаю, Пол.

— Я продиктовал все данные Делле, Перри. Я все держу под своим контролем. А самое главное — это то, что, когда брак был заключен, мировой судья спросил, куда ему отправить документы после того, как будут выполнены все формальности, они какое-то время молчали, а потом женщина сказала: «Отправьте их на миссис Б.Ф.Барнуэлл» и дала адрес маленького городка в Калифорнии, на самом краю пустыни.

— Это все?

— Все.

— Делла все это записала?

— Да, я все продиктовал. Но Бога ради, Перри, не думай, что ты сможешь поднять меня с места и отправить...

— Нет, я не собираюсь делать этого, — сказал Мейсон, — мне от тебя нужно совсем другое, Пол.

— И что же? — с тоской в голосе спросил Дрейк.

— Сходи прими горячую ванну, — сказал Мейсон, — после нее прохладный душ, потом забирайся в кровать и спи, сколько сможешь проспать, потому что, когда я тебя разбуджу, тебе придется поработать.

— Да это звучит просто музыкой для моих ушей, — устало проговорил Пол. — Я только собирался пойти домой, как получил это сообщение из Невады. Лифтер сказал, что вы отправились чего-нибудь пожевать. Я обзванивая все рестораны, где вы обычно едите.

— Виноват, — сказал Мейсон, — я собирался позвонить тебе в контору, но не думал, что тебе станет известно что-нибудь так скоро. Я думал, ты спишь. Ну пока. До встречи, Пол.

Мейсон повесил трубку, схватил Деллу Страт за руку и сказал:

— Вперед, Делла, мы на верном пути.

Мейсон подбежал к кассе, стоявшей у самой лестницы, достал десятидолларовую бумажку из своего бумажника, положил ее на стойку и сказал китайцу-кассиру:

— У нас нет времени ждать счет. Вот десять долларов. Доллар оставьте официанту на чай...

— Нужно получить у официанта счет, — с восточной невозмутимостью, спокойно ответил тот.

Мейсон раздраженно бросил на стойку визитную карточку, взял десятку обратно, достал из кармана пятидесятидолларовую купюру и швырнул на стол.

— Отлично, вы мне не доверяете. А я вам доверяю. Дадите официанту доллар на чай, а я зайду завтра или как-нибудь на днях и заберу сдачу. Так что до встречи.

Он схватил Деллу за руку и очертя голову бросился вниз по лестнице к выходу на улицу.

Мейсон подбежал к припаркованной машине.

— Отлично, Делла, — сказал он, — теперь держись!

Он открыл дверцу. Делла Страт рванула дверцу машины, прыгнула внутрь, захлопнула ее за собой и перегнулась через спинку сиденья, чтобы открыть дворцу со стороны водителя.

Мейсон скользнул за руль, включил стартер, затем, едва машина отъехала от поребрика, принялся жать газ.

У второго перекрестка Делла Страт заметила:

– И ты еще что-то говорил по поводу того, как я вожу машину!

– На этот раз, – ответил Мейсон, – мы действительно спешим.

– Я уже догадалась об этом, – сказала Делла Страт.

Они промчались по самым оживленным улицам города, выехали на автостраду и скоро уже неслись по ней, со стрелкой спидометра, застывшей на отметке семьдесят миль в час.

Дважды Делла Страт взглянула на Мейсона, собираясь что-то сказать, но, увидев невероятную сосредоточенность адвоката, поняла, что мозг его напряженно работает, перебирая возможные варианты и планируя дальнейшие действия, даже в то время, когда он за рулем.

Через двадцать минут они выбрались за город, и Мейсон увеличил скорость до восьмидесяти.

– А что будет, если нас остановят? – спросила Делла Страт.

– Черт побери, откуда я знаю, – ответил Мейсон. – Тогда и выясним. Следи за дорогой позади нас, Делла.

– На такой скорости ты можешь перегнать полицейскую машину, они обычно патрулируют на скорости шестьдесят пять, – сказала она.

– Приходится рисковать. Я смотрю на номера машин впереди нас. А ты помоги мне – следи за дорогой сзади.

Спустя три часа Мейсон сбавил скорость, чтобы прочитать указатель на перекрестке, и повернул направо.

Делла Страт сказала:

– Судя по тому, как выглядит этот городишко, тротуары у них пустеют в семь часов. В это время ночи ты никого здесь не найдешь.

– Мы их поднимем, – сказал Мейсон.

Делла Страт кивнула:

– Здесь, шеф. Это мотель, и там все уже спят.

– Мы кого-нибудь разбудим.

Мейсон позвонил в контору, и через несколько минут в дверях показался заспанный мужчина, протирающий глаза.

– Прошу прощения, – сказал он, – мы уже под завязку. Вы что, не видели табличку «Мест нет»? Вы...

Мейсон сказал:

– Вот пять долларов.

– Да я же говорю вам, у нас битком. Я не смогу найти вам место, даже если вы...

– Мне не нужно место, – перебил его Мейсон, – я просто хочу знать, в каком домике живет миссис Барнэлл.

– Миссис Барнэлл? В одиннадцатом, но она уже легла.

– Благодарю, – сказал Мейсон. – Купите себе бутылочку виски, и еще раз прошу прощения за то, что мы вас разбудили.

Мейсон и Делла Страт быстро пошли по узенькой бетонной дорожке, начинавшейся у стоянки машин, окруженной белыми оштукатуренными коттеджами.

– Вот и наш коттедж, – сказал Мейсон.

Он поиском взглядом звонок, но не нашел. Тогда он попытался открыть выдвижную дверь. Она была заперта изнутри.

Мейсон постучал костяшками пальцев в дверь.

Встревоженный женский голос спросил:

– Кто там?

– Сообщение для вас, – ответил Мейсон, – очень важное сообщение.

– Простите. Мне нужно знать, кто вы. Я...

– Включите свет, – сказал Мейсон. – Для вас сообщение. Оно имеет отношение к законности брачной церемонии, совершенной в Неваде. Теперь вас это заинтересовало?

Внутри загорелся свет.

– Минутку, – произнес женский голос.

Через мгновение внутренняя дверь распахнулась, в дверном проеме возникла неясная темная фигура молодой женщины, завернувшись во что-то свободно ниспадающее. Раздвижную стеклянную дверь она не открыла.

– Ну хорошо. В чем дело? – спросила она.

Мейсон, держа в руке маленький фонарик, нажал на кнопку. Луч света пронзил стеклянную дверь и ударил прямо в лицо женщине.

Она отпрянула и сердито воскликнула:

– Прекратите!

Мейсон сказал:

– Я выяснил все, что мне нужно, мисс Кэдмас.

– Простите, но я миссис Барнуэлл.

– Вот об этом я как раз и хотел бы с вами поговорить.

– Зато я не хочу с вами ни о чем говорить, – сердито ответила она и принялась закрывать дверь.

– Я думаю, захотите, – сказал Мейсон. – Если же вы откажетесь говорить со мной, вам придется через два часа объясняться с газетными репортерами.

– Репортерами?

– Да.

– Но откуда они... как они смогут найти меня?

– Благодаря мне, – сказал Мейсон.

Из соседнего коттеджа проремел раздраженный мужской голос.

– Эй, убавьте громкость! Заходи внутрь или найди себе более покладистую бабу. Нечего там стоять и спорить! Я хочу спать!

Мейсон спокойно стоял перед стеклянной дверью и ждал.

Несколько секунд фигура в дверном проеме оставалась неподвижной, затем женщина протянула руку и открыла защелку.

– Заходите, пожалуйста, – пригласила она, – и пострайтесь не разбудить ребенка.

Мейсон придержал дверь, пропуская Деллу Страт, и, следом за ней войдя в коттедж, тщательно запер дверь.

– Кто вы? – спросила женщина.

Внутри коттеджа было просторно и удобно. Маленькая гостиная с дорогим ковром на полу была обставлена хорошей мебелью; через другую дверь видна была спальня с двуспальной кроватью и детской кроваткой.

Мейсон представился:

– Меня зовут Перри Мейсон, я адвокат. Это Делла Страт, моя секретарша. Я хочу сразу выложить карты на стол – я один из адвокатов, представляющих Джозефину Кемптон. Она обвиняется в убийстве Бенджамина Эддикса – вашего мужа.

Женщина сидела, враждебно поджав губы.

– Продолжайте.

Мейсон сказал:

– Я оказался замешан в это дело чисто случайно. Я купил ваши дневники и...

– Я читала об этом в газетах. Зачем они вам понадобились? Вы что, хотели заняться чем-

нибудь вроде шантажа? Неужели вы думали, я такая дура, чтобы написать в них хоть что-то такое...

— Вы написали там много такого, о чем даже и не подозревали сами, сказал Мейсон. — То есть вы писали о том, о чем, как вы полагали, никто не сможет догадаться.

— Например?

— Как вы думаете, зачем я сюда приехал?

— Не знаю. Как раз это я и хотела бы выяснить.

— А как, по вашему мнению, я вас здесь нашел?

— Вот этого я не могу понять. Я приняла все необходимые меры предосторожности.

— Это мне известно, — сказал Мейсон. — Как раз поэтому я и говорю, что в дневниках было гораздо больше, чем вы полагали. Ну а теперь я хочу узнать все в подробностях.

— Я не собираюсь вам ничего рассказывать.

— Я полагаю, расскажете, — уверенно заявил Мейсон.

— Почему вы так думаете?

— Потому что, — сказал Мейсон, — мне известно очень многое. Я знаю названия мотелей, в которых вы останавливались с Бенджамином Эддиксом. У меня есть ваши записи в дневнике о том, что вы собираетесь наслаждаться счастьем там, где оно вам выпало, и что вы не собираетесь ускорять развязку, пока она не наступит сама. А затем, обнаружив, что развязка неизбежна, вы были вынуждены что-то решать в такой ситуации и записали об этом в дневнике. Мне известно, что произошло на борту яхты. Я знаю, что вы с Эддиксом подстроили так, чтобы обмануть всех и представить дело так, якобы вы покончили жизнь самоубийством. Неизвестно мне одно — зачем он предпринимал все эти меры предосторожности. Вот это мне и хотелось бы выяснить.

— Ну, раз вы такой ловкий, возьмите и выясните сами.

— Мне известно, — сказал Мейсон, — что вы поженились в Неваде. Я знаю, что вы дали указания прислать документы о регистрации брака почтой по этому адресу. Я знаю, что настоящее имя Эддикса было Барнуэлл. А теперь я могу высказать несколько предположений. Я не думаю, что эти предположения вам хотелось бы от меня услышать. Я могу опубликовать их в газетах. Они гоняются за мной, чтобы получить интервью.

— Ну так идите и дайте им интервью.

— Я уже дал им одно интервью, в котором заявил: на основании некоторых записей в вашем дневнике я предполагаю, что вы сообщили мистеру Эддиксу о том, что он скоро станет отцом. Я уже рассказал им про мотели, останавливаясь в которых вы с мистером Эддиксом регистрировались как муж и жена, и у меня есть свидетели, которые опознали ваши фотографии. Газетчикам это уже известно. Завтра утром все будет опубликовано.

— Но зачем вы все это мне устроили? — спросила она.

— Я вам ничего не устраивал, — сказал Мейсон, — я юрист. Я веду дело, в котором должен выяснить все факты. Я ничего не придумываю. Я ничего не подтасовываю. Я только устанавливаю факты.

— А потом выбалтываете газетам.

— Я сделал это, потому что так было нужно. Была какая-то причина, по которой мистер Эддикс не мог на вас жениться. Что это была за причина?

— Не понимаю, с какой стати я вам должна рассказывать?

— А почему бы и нет?

Она помедлила какое-то время, потом проговорила:

— У вас-то какой интерес во всем этом?

— Я пытаюсь установить истину.

– И вы представляете Джозефину Кемптон?

– Да.

– Отлично! – с горечью воскликнула она. – Если вам нужна правда о ней, то я вам скажу правду. Она убила его!

– Вы имеете в виду, что она убила Бенджамина Эддикса?

– Ну конечно, она убила его. Она еще сильнее хотела убить меня, чем его. Это одна из причин, почему Бенни решил, что мы все сделаем так, будто... ну, в общем, будто я уже мертвa.

– Мне кажется, – сказал Мейсон, – что это слишком уж сложный способ решения довольно простой проблемы.

– Проблема не была такой уж простой.

– Почему бы ему было не решить эту проблему со своей первой женой? спросил Мейсон, по своему обыкновению скрывая тот факт, что стреляет он наобум.

– Потому что он не мог.

– Почему?

Она пожала плечами и сказала:

– Почему бы вам самому не порассуждать на эту тему?

Мейсон сказал:

– Ну что ж. Я юрист. Единственное возможное решение, которое я могу найти, чтобы объяснить, почему мистер Эддикс не мог открыто объявить вас своей женой, состоит в том, что у него не было законного права это сделать, и единственная причина, которую я могу придумать, почему у него не было законного права жениться на вас – это то, что у него была жива первая жена, которая, возможно, тянула из него деньги на свое содержание и отказывалась дать ему развод.

Она покачала головой.

– Неправильно? – спросил Мейсон.

Она с горечью произнесла:

– Газеты время от времени довольно много писали о нем. Множество раз они публиковали его фотографии. И вы никогда не слышали, чтобы кто-то пришел и заявил, что является его женой. И вы никогда не слышали о его предыдущей женитьбе.

– Это как раз одна из тех вещей, которые меня озадачивают, – неохотно согласился Мейсон.

Она сказала:

– Это и меня озадачивало, но я любила достаточно сильно, чтобы положиться на судьбу и принимать все так, как оно есть.

– Вы так его любили? – спросила Делла Страт.

Она задумчиво посмотрела на Деллу Страт и сказала:

– Он был замечательный. Я хотела, чтобы все продолжалось – на любых условиях, которые он предложит, и до тех пор... до тех пор, пока это касается только нас двоих.

– Я все еще не услышал от вас подробного рассказа.

– И не услышите.

Мейсон, бросив короткий взгляд на Деллу Страт, сказал:

– По некоторым причинам он не считал для себя возможным жениться, и все же, когда это стало необходимо, чтобы дать ребенку свое имя, а вам определенную защиту, он решился и зарегистрировал брак. Но перед тем как это сделать, он устроил всю эту ерунду, чтобы вас считали мертвой. Это должно означать, что он... ого, мне кажется, я догадался.

– И в чем же дело, шеф? – спросила Делла Страт.

– Он понял, что женщина, на которой он женится, окажется в величайшей опасности.

– Но почему? – спросила Делла Страт.

Мейсон поднял руку.

– Во-первых, – сказал он, отгибая один палец, – он знал, что не имеет законного права жениться. Во-вторых, он знал, что любая женщина, которой он всерьез увлечется, окажется в величайшей опасности. Все это выстраивается в определенную схему, Делла... поскольку я юрист.

– Я не улавливаю, шеф.

Мейсон взглянул на женщину в накидке.

– Может быть, Элен нам расскажет.

– А может быть, и не расскажет.

– Отлично, – сказал Мейсон, – ну что ж, Делла, попробуем сами. В некий период своей жизни Эддикс женился. Этот брак не был расторгнут вследствие смерти супруги или в соответствии с каким бы то ни было соглашением о разводе. И вот вопрос – по какой причине?

Делла Страт покачала головой:

– Нет таких причин. Если он женился, то мог и развестись. Не имеет значения, чего это могло ему стоить, но он мог откупиться и получить свободу. Он мог быть очень осторожным, предпринимая вторую попытку, но он, без сомнения, должен был обеспечить себе законную свободу.

– Если у него была такая возможность, – сказал Мейсон.

– Что ты под этим подразумеваешь?

– По закону может возникнуть ситуация, очень интересная с точки зрения закона, при которой он был бы не в состоянии сделать то, что хотел.

– Какая? – спросила Делла Страт.

– Во многих штатах невозможно развестись с женой, которая признана судом невменяемой, – ответил Мейсон. – А теперь, предположим, Бенджамин Эддикс женился. Предположим, что женщина была признана невменяемой. Руки у Эддикса были связаны. И предположим далее, что у женщины такая форма сумасшествия, которая могла сделать ее опасной, и это могло бы... Мне кажется, мы к чему-то приближаемся, Делла.

Мейсон слегка наклонил голову в сторону женщины, завернувшейся в накидку.

С ее лицом происходило что-то неладное. Горестный спазм исказил его, затем она вдруг сердито воскликнула:

– Черт бы вас побрал! Кто вы такой? Вы что, умеете читать чужие мысли? Кто вас заставляет совать нос в чужую жизнь и...

– Я думаю, – сказал Мейсон, – вам лучше рассказать мне обо всем, Элен.

Она нахмурилась:

– Я пережила такое, что вам и не снилось. Вы просто представить себе не можете, что это такое.

– Кто эта женщина? – спросил Мейсон. – В какой больнице ее держат?

– В том-то все и дело, – сказала Элен, – нигде ее не держат. Ее невозможно удержать. Она убегает отовсюду. Она на свободе. Она маньячка, одержимая страстью к убийству. Вы понимаете, что это значит?

Мейсон глубоко задумался, прищурив глаза.

– Она полностью, абсолютно сумасшедшая. Она ревнива. Она следила за Бенни и шантажировала его. Она говорила ему, что, если он когда-нибудь женится или только собирается жениться, она убьет его жену. И она отнюдь не шутила. Наш брак с Бенни с точки зрения закона все равно недействителен.

– Зачем тогда было официально оформлять брак?

– Ради того, чтобы дать ребенку его имя.

– Где его первая жена?

– Никто не знает.

– Почему ее не держат где-нибудь взаперти?

– Ее невозможно удержать взаперти. Она всегда убегает – где бы ее ни заперли. Вот почему Бенни был вынужден вести свои дела таким образом, чтобы всегда иметь возможность вручить ей наличные деньги. Эта женщина абсолютно сумасшедшая. Она убила бы его и с огромной радостью убила бы и меня.

– Но она его не убила?

– Нет, это сделала Джозефина Кемптон; но, если вы рассказали газетчикам о нашем браке или ей хотя бы придет в голову, что я – мать ребенка Бенни, она выследит меня и убьет. Она дьявольски изобретательна и необычайно мстительна. Видите ли, она до сих пор находится в невменяемом состоянии, во всяком случае с точки зрения закона. Бенджамин Эддикс ничего не мог сделать. Он не мог начать дело о разводе, не мог даже определить их имущественные отношения. Если бы он попытался предпринять хоть что-нибудь, неизбежно стали бы известны его настоящее имя и его подлинное прошлое.

– А что у него в прошлом?

– Он убил человека.

– Я думал, что речь шла о его брате.

– Нет. Это уже отголоски искаженных слухов. Бенни продолжал держать в поле своего зрения Германа, а Герман считал, что Бенни умер.

– Ваш муж действительно убил человека?

– Он уверял, что и в самом деле точно не знает. Он никогда не рассказывал мне подробности. Когда я увидела, как он на все это реагирует, я перестала спрашивать.

– Но его жена поддерживала с ним контакт? – спросил Мейсон.

– Разумеется.

– Каким образом?

– Раздавался телефонный звонок. Звонили обычно из автомата. В трубке звучал ее голос. Она приказывала ему положить в пакет определенную сумму денег наличными и оставить пакет в установленном месте. Все это проделывалось с такой таинственностью, словно она получала выкуп за похищенного ребенка.

– И Эддикс отправлял с деньгами людей, которым он мог доверять?

– Да.

– Вас, разумеется, он не впутывал в эту историю.

– Нет. Обычно это делал Мортимер Херши. Иногда Натан Фэллон.

– Им было известно, что именно они делают?

– Я не знаю, мистер Мейсон. Не думаю, что известно. Бенни очень опасался, что его смогут шантажировать. Боже мой, я ведь все вам рассказываю, хотя совершенно не собиралась делать этого, но я так одинока, и к тому же... теперь Бенни уже нет в живых. Он был единственным, к кому я привязалась и...

– Подождите-ка минутку, – сказал Мейсон, – постараемся пока держать эмоции под контролем, миссис Барнуэлл. Давайте-ка доберемся до сути дела. А при чем тут Джозефина Кемптон? Она знала о ваших отношениях с мистером Эддиксом?

– Догадывалась.

– Вы читали о том, что вещи, считавшиеся украденными, были найдены?

– Да, я читала. Я, конечно, должна была бы сама догадаться. Боже милостивый, мне ведь было известно. Мне просто никогда не приходило в голову подозревать обезьянку. Маленькая

озорная плутовка! Я ее так люблю, но она все-таки чертовка!

— А где теперь обезьянка? — спросил Мейсон.

— Она... о ней позаботятся. Не беспокойтесь, она будет жить у хороших хозяев.

— Как вы полагаете, Джозефина Кемптон рассказала правду о...

— Она никогда в жизни не говорила правду. Она прирожденная врунья. Она интриганка, подлая воровка, злобная, готовая кого угодно оклеветать, злонамеренная женщина, и это она убила Бенджамина Эддикса. Я уверена в этом так же, как в том, что сижу сейчас здесь.

— Откуда вам это известно? — спросил Мейсон.

— У меня нет совершенно никаких доказательств, но я абсолютно уверена, что так оно и есть.

— Вы ведь не хотите, чтобы к вам приставали с интервью газетчики, не так ли? — спросил Мейсон.

— Конечно, нет.

— Отлично, — сказал ей Мейсон, — тогда собирайтесь.

— Что вы имеете в виду?

— Я собираюсь отвезти вас туда, — сказал Мейсон, — где вы будете какое-то время в безопасности. Вы просто с ума сошли, решив, что вас не смогут найти в таком месте, как это. Вы оставили достаточно четкий след для того...

— Я думала, что сделала все, что могла, — сказала она, — но я была... ну, в общем, я была слишком расстроена и... и, честно говоря, мне никогда не приходило в голову, что Бенни решит раскрыть все свои карты и жениться на мне. Я надеялась, что он будет поддерживать ребенка, ну, я не знаю, я думала, он сможет им гордиться.

— Им?

— Да. У него чудесный здоровый мальчик, — сказала она. — Он будет такой же умный, как и Бенни, и, если я буду хоть немного с ним заниматься, а я думаю, что буду с ним заниматься вполне достаточно, у него, в отличие от Бенни, не будет никаких фобий. Видите ли, мистер Мейсон, Бенни совершил большую ошибку. Он попытался убежать. А когда человек убегает от чего-то в своей собственной жизни, у него неизбежно возникает целая цепь из комплексов и страха. Мой сын не будет таким. Он будет смотреть опасности в глаза!

— Отлично, — сказал Мейсон, — я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь.

— А что вы собираетесь делать? Что вы можете делать?

— Вам нужно собираться, — сказал Мейсон. — Делла Стратт перевезет вас и вашего ребенка в другой мотель и сама зарегистрируется в этом мотеле. Вы будете ее сестрой. Вы не будете упоминать имя Эддикс. Вы не будете использовать имя Барнуэлл.

Мейсон взглянул на часы.

— У вас, вероятно, пятнадцать или двадцать минут. Я не стал бы испытывать удачу дольше. Делла поможет вам упаковаться.

— Если уж говорить откровенно, мистер Мейсон, то почему бы мне не начать жить по-новому прямо с этого момента? Я вдруг поняла, что собираюсь делать то же самое, что и Бенни. Я начну убегать...

Мейсон резко оборвал ее:

— Есть разница между времененным отступлением — пока вы не сможете дать бой в нужном месте и в нужное время — и обыкновенным бегством. Сумасшедшая женщина хочет убить вашего ребенка. Быть храброй — это, конечно, прекрасно, но давайте-ка сначала разузнаем побольше об этой женщине, перед тем как рисковать юной жизнью, которую вы обязаны охранять.

Она помедлила мгновение, затем собрала кое-что из одежды, прошла в ванную, сказала:

— Мне нужно одеться, — и закрыла дверь.

– Шеф, – сказала Делла Страт, – ты действительно хочешь ее спрятать?

– Я _д_о_л_ж_е_н_ ее спрятать, Делла.

– Почему?

– Потому что если газеты получат от нее всю эту историю о том, что миссис Кемптон убила Бенджамина Эддикса, это может вызвать цепную реакцию в общественном мнении. Я не хочу рисковать.

– Разве это не преступление – прятать свидетеля?

– А чему она свидетель?

– Ну, всему тому, о чем она тебе рассказывала.

– Она рассказывала мне довольно много об исчезновении Элен Кэдмас, сказал Мейсон, – и она рассказывала мне кучу всякой всячины о прошлом Эддикса, но это отнюдь не значит, что она является свидетелем всему этому. Она может разболтать все это газетчикам, но она не может свидетельствовать перед судом присяжных. Она не является свидетелем, если не может подтвердить что-нибудь под присягой. А расследуем мы в настоящее время убийство Бенджамина Эддикса. Она ни черта не может утверждать по этому поводу под присягой.

– Все равно, если полиция узнает...

Мейсон усмехнулся.

– Вспомни, что гласило предсказание в рисовой булочке, Делла: храбрость – единственное противоядие опасности.

Интервью Мейсона газетным репортерам вызвало мгновенную реакцию.

Сидней Хардвик, как юрист, представлявший интересы Бенджамина Эддикса при его жизни, и как юрист, представляющий государственное обвинение, немедленно осудил интервью Мейсона как «чистые домыслы, в которых желаемое выдается за действительное, попытку заменить суть дела; пылкое воображение, отчаянно пытающееся найти хоть какую-нибудь лазейку для своего доведенного до отчаяния клиента».

Окружной прокурор Гамильтон Бергер охарактеризовал его еще более резко: «Это попытка ускользнуть от ответственности, очернив репутацию покойной девушки, которая не может больше защитить себя. Это подлая, презренная попытка, зачатая во лжи, рожденная в отчаянии и не способная, в конечном итоге, принести клиенту ничего, кроме вреда».

Мейсон, с газетами под мышкой, вошел в здание суда, чтобы присутствовать на предварительном слушании дела «Народ против Джозефины Кемптон».

Джеймс Этна придинулся к нему и тихо проговорил:

— Я думаю, у нас не будет больших проблем, чтобы добиться отсрочки разбирательства, мистер Мейсон.

— А кто хочет добиться отсрочки? — спросил Мейсон.

— Боже мой, не хотим же мы оказаться на судебном разбирательстве сейчас, при нынешнем положении вещей, верно?

— Мы, возможно, и не хотим оказаться сейчас на судебном разбирательстве, — сказал Мейсон, — но я лично хочу услышать, что они могут предъявить в качестве улик на предварительном слушании.

— Ну что ж, вы — босс, вам виднее, — сказал ему Этна, — но мне известно, что окружной прокурор собирается отложить разбор дела. Разумеется, он хочет, чтобы его об этом попросил защитник.

Судья Манди занял свое место на скамье. Суд потребовал внимания.

— «Народ против Джозефины Кемптон», — провозгласил судья.

— Защита готова, — сказал Мейсон.

На лице окружного прокурора Бергера отразилось раздраженное недоумение:

— Насколько я понял, защитник хотел попросить отсрочки слушания дела, и обвинение готово согласиться на предоставление отсрочки.

— Я не знаю, почему вы так решили, — сказал Мейсон.

— Мне это стало известно из разговора с человеком, беседовавшим с Джеймсом Этной, адвокатом, ведущим вместе с вами дело.

— В самом деле? — удивился Мейсон. — А кто был этот человек и что именно он сказал?

— Я предпочел бы не раскрывать источник моей информации.

— Я не просил о предоставлении отсрочки и совершенно уверен, что мистер Этна тоже не просил, — возразил Мейсон.

— Я не утверждал, что он просил о предоставлении отсрочки.

— Защита имеет право начать процесс, если у нее нет возражений, вмешался судья Манди.

— Мы готовы начать, — мрачно сказал Гамильтон Бергер.

— Очень хорошо, начинайте.

В качестве первого свидетеля Бергер вызвал одного из полицейских, принявших по радио вызов в Стоунхендж. Полицейский описал обстановку, которую обнаружил там, рассказал о ночном охраннике, бегавшем вокруг дома с револьвером, о собаках, загнавших гориллу на

дерево, о двух других гориллах, бродивших беспрепятственно по дому, об открытых клетках, о теле, обнаруженному в комнате на втором этаже, и о заключительной суматохе, вызванной попытками загнать в клетки огромных горилл. Наконец с помощью двух специалистов из зоопарка, напичканных сноторвным фруктов и объединенных усилий полиции и пожарных частей обезьяны были возвращены в клетки перед самым рассветом.

— Можете начинать перекрестный допрос, — сказал окружной прокурор.

Мейсон улыбнулся.

— У защиты нет вопросов.

Бергер вызвал патрульного полицейского, видевшего Мейсона и миссис Кемптон, как он выразился, «пытавшихся сбежать по Роуз-стрит». Позднее к ним присоединилась Делла Страт. Он заявил им, что они должны быть доставлены в Управление полиции для допроса.

— Начинайте перекрестный допрос, — сказал Бергер.

— Насколько я понял, — сказал Мейсон, — вы утверждали, что подзащитная и я пытались сбежать по Роуз-стрит.

— Да, сэр, именно так я и утверждал.

— И вы посадили нас в машину.

— Да, сэр.

— Откуда вы узнали, что мы пытаемся сбежать?

— Ну, по тому, как вы себя вели, шли очень быстрым шагом и все время оглядывались назад.

— Понятно, — сказал Мейсон, — значит, вскоре после того, как вы посадили нас в машину, вы сбежали в Управление полиции, не так ли?

— Что я сделал?

— Вы сбежали в полицейское Управление.

— Я доставил вас в полицейское Управление.

— Вы оставили позади ад кромешный, явные признаки опасности. Вы уехали от дома, где бродили на свободе гориллы, где лаяли собаки, выли сирены.

— Я сделал так, потому что выполнял приказ.

— Но вы сбежали, не так ли?

— Нет.

— Но вы уехали, оставив позади всю эту суматоху?

— У меня был приказ уехать оттуда, чтобы доставить вас в полицейское Управление.

— И все же, несмотря на тот факт, что вы не бежали, вы оглянулись несколько раз назад, через плечо, не так ли?

— Ну, я взглянул два или три раза в зеркало заднего вида и...

— И оглянулись назад, через плечо?

— Ну, может быть, и оглянулся — очень быстро.

— Естественно, очень быстро, — сказал Мейсон, — иначе и быть не могло, ведь вы вели машину, но все же вы оглянулись несколько раз через плечо.

— Ну, возможно, и оглянулся. Пожалуй, что да.

— Вы не помните?

— Я не помню наверняка.

— И тем не менее вы утверждаете, если процитировать ваши собственные слова, «пожалуй, что да».

— Это верно. Тут ваша взяла.

— Вы теперь готовы поклясться, что оглянулись? Вы утверждаете это под присягой?

— Да! — рявкнул свидетель.

— Ваша Честь, — запротестовал Гамильтон Бергер, обращаясь к судье, я полагаю, этот

вопрос уже был задан дюжину раз, и на него был дан ответ.

— Я склонен согласиться с вами, — сказал судья.

— Я просто хотел прояснить этот вопрос до конца, — сказал Мейсон. — Я хотел, чтобы Высокий Суд уяснил себе позицию этого свидетеля. Он не помнит твердо, оглянулся ли он назад через плечо, но он готов заявить, что он так сделал, только потому, что он мог так сделать. Теперь он определенно присягает в том, о чем в действительности не помнит наверняка. Это наглядно демонстрирует позицию свидетеля.

— Я сказал вам, что, пожалуй, действительно оглянулся и посмотрел назад через плечо.

— Но наверняка вы не помните, оглядывались или нет.

— Отлично, — воинственно заявил полицейский, — теперь я вспомнил наверняка, что оглянулся.

— И когда же вы вспомнили наверняка?

— Только что.

— Следовательно, когда вы клятвенно присягнули, что не помните точно, оглянулись или нет, вы как следует не обдумали это?

— Это точно.

— Таким образом, вы ответили на вопрос не подумав?

— Да.

— Другими словами, вы сначала говорите, а потом думаете?

— Я не знаю.

— А зачем же вы оглядывались, если вы не убегали? — спросил Мейсон.

— Просто из любопытства. Когда вы слышите, что сзади такая суматоха, вокруг бегают обезьяны, это совершенно естественно — оглянуться и посмотреть, что там происходит, в то время как ты уезжаешь с места происшествия.

— Следовательно, как я теперь могу понять ваши показания под присягой, — сказал Мейсон, — не было ничего, указывающего на то, что подзащитная и я убегали с места происшествия.

— Я же сказал, что было.

— Что?

— Ну, в том, как вы себя вели, я сказал бы, что-то было не так.

— Вы могли бы догадаться, что что-то происходит не так, когда подъехали достаточно близко, чтобы услышать сирены, не так ли?

— Да.

— Таким образом, — сказал Мейсон, — вы хотите убедить Высокий Суд в том, что для вас было совершенно естественно оглядываться и смотреть, что там происходит, когда вы покидали такого рода место происшествия, в то время как в случае с моей подзащитной и со мной это было свидетельством бегства.

— Об этом свидетельствовало ваше поведение.

— Что именно?

— Я уже все описал.

Мейсон поднял левую руку и отогнул указательный палец.

— Первое, — сказал он, — вы заявили, что мы шли быстро. Второе: вы сказали, что мы все время оглядывались. Ну, что еще мы делали подозрительного?

— Это все. Этого достаточно.

— Отлично, — сказал Мейсон. — Когда вы уезжали оттуда, вы ехали быстро, не так ли?

— Это совсем другое дело.

— Быстро или нет?

- Да.
- И при этом, – добавил Мейсон, – вы неоднократно оглядывались назад, не так ли?
- Да.
- Вы уверены в этом?
- Да.
- Вы теперь определенно вспомнили, что оглядывались?
- Да.
- Но вы ведь не помнили этого наверняка, когда в первый раз давали показания под присягой?
- Ну, конечно, помнил.
- Следовательно, – сказал Мейсон, – вы пытались это скрыть.
- Я заметил ловушку, которую вы мне устраиваете. Я не настолько глуп.
- Благодарю вас, – сказал Мейсон, – я просто хотел, чтобы Суду стала ясна ваша позиция. У меня все.

Гамильтон Бергер коротко посовещался со своим заместителем, блестящим молодым юристом по имени Гинзберг, выигравшим за последние несколько месяцев целый ряд ярких процессов и в результате назначенным заместителем прокурора.

Присутствие на процессе самого Гамильтона Бергера, консультировавшего своего заместителя, говорило о том, что Мейсона считают опасным противником.

После короткого совещания шепотом Гинзберг вызвал надзирательницу тюрьмы.

Надзирательница показала под присягой, что обвиняемая Джозефина Кемптон поступила к ней в женский корпус тюрьмы, что она забрала у Джозефины Кемптон ее одежду и выдала ей взамен казенную форму, а одежду передала Филиппу Гротону, полицейскому эксперту и токсикологу.

- Теперь такой вопрос, – обратился к ней Гинзберг. – Осматривали ли вы тело обвиняемой?
- Осмотрела. Да, сэр. Она разделась до натяжки и приняла душ. Я обследовала каждый дюйм ее тела.
- Что вы искали?
- Царапины, порезы, синяки или иные следы насилия.
- Удалось ли вам их обнаружить?
- Мистер Гинзберг, на коже у нее не было абсолютно никаких повреждений.
- Могу я спросить, для чего был нужен такой осмотр? – вмешался Джеймс Этна.
- А вы слушайте и поймете, для чего он был нужен, – воинственно заявил Гинзберг.
- Господа! – воскликнул судья Манди. – Давайте соблюдать приличия. Защита хочет заявить протест?

– Я просто хотел сберечь время! – сердито воскликнул Этна. – Но, принимая во внимание обстоятельства, я протестую по той причине, что все это некомпетентно, несущественно и не относится к делу.

– Мы полагаем, Ваша Честь, увязать это, – сказал Гинзберг, – с показаниями следующего свидетеля.

– Хорошо, продолжайте.

– Это все. Можете задавать вопросы.

Мейсон обратился к Этне:

– Спрашивайте вы, Джим.

– С какой целью вы забрали у нее одежду? – спросил Этна свидетельницу.

– Меня так проинструктировали.

– Вы знали о том, что до тех пор, пока ей не было предъявлено официальное обвинение, вы

могли лишь задержать ее в качестве...

— Я выполняла инструкции, — сказала надзирательница. — Для того я там и нахожусь. Если вы считаете, что был нарушен закон, обращайтесь по этому поводу к окружному прокурору.

— Вы хотите сказать, что получили инструкции от окружного прокурора?

— Да. Из его офиса.

— И что стало с одеждой, которую вы забрали у нее и передали Филиппу Гротону?

— Если вы подождете, пока мы вызовем следующего свидетеля, вы получите ответ на ваш вопрос, — сказал Гинзберг.

— Очень хорошо, — согласился Этна, — у меня все.

— Вызовите Филиппа Гротона, — произнес Гинзберг.

Филипп Гротон, высокий, худой, ученого вида субъект, с выступающими скулами и в очках с такими толстыми линзами, отражавшими свет, что временами вы могли видеть только бледное лицо с двумя сверкающими овалами вместо глаз, занял место свидетеля и представился экспертом в области токсикологии, химии и специальных исследований.

— Вы получили определенные предметы одежды от надзирательницы, только что дававшей показания? — спросил Гамильтон Бергер.

— Получил. Да, сэр.

— Вы обследовали эти предметы одежды?

— Да, сэр.

— Удалось ли вам обнаружить что-нибудь необычное на этих предметах одежды?

— Да, сэр.

— Что вы обнаружили?

— Человеческую кровь.

— У вас с собой эти предметы одежды?

— С собой. Да, сэр.

— Я прошу, чтобы они были предъявлены в качестве вещественного доказательства.

— Не возражаю, — сказал Мейсон.

Вещи были продемонстрированы в качестве вещественного доказательства.

— Задавайте вопросы свидетелю, — сказал Гамильтон Бергер.

— Вы утверждаете, что на вещах человеческая кровь? — спросил Мейсон.

— Да, сэр.

— Как вы это определили?

— Я проверил тест и получил специфическую реакцию.

— То есть, проводя этот анализ, вы обычно не проверяете кровь на предмет принадлежности тому или иному конкретному животному, не так ли? Насколько я понимаю, вы просто проводите пробу, которая дает реакцию на человеческую кровь и не дает никакой реакции на кровь животных. То есть вы, таким образом, просто проверяете кровавое пятно на предмет того, является ли это кровью человека или животного. Если это кровь животного, вы не занимаетесь дальнейшей проверкой. Если реакция положительная, то вы знаете, что это человеческая кровь. Верно?

— Да, сэр.

— Этот тест безошибочен?

— Да, этот тест безошибочен.

Мейсон обратился к судье:

— Я хотел бы задать еще несколько вопросов мистеру Гротону по поводу его профессиональных знаний как эксперта, но должен признаться Суду, что в данный момент я не готов провести нужную мне линию допроса. Мне необходимо получить определенную

информацию до того, как я смогу закончить перекрестный допрос.

— Нет ли у вас возражений по поводу того, чтобы защита отложила на некоторое время эту часть перекрестного допроса? — обратился судья Манди к обвинителю.

— Абсолютно никаких, — произнес Гамильтон Бергер, махнув рукой с видом абсолютно уверенного в себе человека, — мы будем только рады, если мистер Мейсон или кто бы то ни был задаст вопросы мистеру Гротону в связи с его профессиональной компетентностью, — пусть задает их хоть целый день, если пожелает, и в любое время, когда только пожелает.

— Очень хорошо. Мистер Гротон, вы можете пока сесть на место, вас вызовут позднее для завершения перекрестного допроса. Кто следующий свидетель?

Бергер, с неожиданной нотой триумфа в голосе, вызвал полицейского, который находился в машине, доставившей в полицейское Управление Мейсона, обвиняемую Джозефину Кемптон и Деллу Страт. Он рассказал, что все трое были посажены на заднее сиденье и что он сидел повернувшись назад и большую часть времени не сводил с них глаз.

— После того как вы прибыли в полицейское управление, что произошло с машиной? — спросил Бергер.

— Она была отправлена обратно на патрулирование.

— Кто был в машине?

— Мой напарник и я.

— В какое время вы сменились с дежурства?

— В четыре утра.

— Что произошло потом?

— Я... ну, в общем, я вспомнил, что не проверял заднее сиденье, мы обычно делаем это, если перевозим в машине подозреваемых без наручников. Тогда мы с напарником подняли заднее сиденье, и, как только мы это сделали, мы обнаружили документ под подушкой заднего сиденья.

— Расскажите в общих чертах, что это был за документ.

— Это был подписанный кассиром банка чек на двадцать пять тысяч долларов, оплаченный Бенджамином Эддиксом и имевший на обороте передаточную надпись: «Оплатить по предъявлении Джозефине Кемптон», ниже была подпись, якобы Бенджамина Эддикса.

— Вы как-нибудь пометили этот чек?

— Пометил. Да, сэр.

— Каким образом?

— Я написал карандашом свои инициалы в верхнем левом углу на обороте чека.

— Вы смогли бы опознать этот чек, если бы снова его увидели?

— Смог бы. Да, сэр.

— Я показываю вам чек и задаю вопрос — тот ли это самый чек?

— Тот самый.

— Я требую, чтобы чек фигурировал в деле в качестве вещественного доказательства, — сказал Бергер.

— Нет возражений, — тут же согласился Мейсон, пресекая таким образом какие бы то ни было попытки со стороны Этны выдвинуть процедурные возражения.

Затем Бергер вызвал эксперта-графолога, который констатировал, что подпись Бенджамина Эддикса на обороте чека была явно поддельной, что была предпринята попытка воспроизвести характерные особенности подписи Эддикса, но нет сомнений в том, что подпись поддельна.

— Задавайте вопросы свидетелю, — сказал Бергер.

— Чек был передан вам окружным прокурором? — спросил Мейсон.

— Да, сэр.

– И тот же окружной прокурор предоставил вам определенные образцы почерка Эддикса, образцы его подписи, которые, вне всяких сомнений, были выполнены им собственноручно?

– Да, сэр.

– Что еще предоставил вам окружной прокурор?

– Что вы имеете в виду?

– Он предоставил вам также образцы почерка обвиняемой, разве нет?

– Ну да.

– И он просил проверить, нет ли в подписи, признанной вами поддельной, таких характерных черт, которые свидетельствовали бы о том, что эта подпись была выполнена рукой обвиняемой?

– Ну, он сформулировал это несколько иначе, но он действительно предоставил мне образцы почерка обвиняемой.

– Но он ведь разъяснил вам, с какой целью их предоставляет?

– Мне кажется, что только в самых общих чертах.

– И как он сформулировал эту цель?

– Ну, что-то вроде того, о чем вы говорили, мистер Мейсон.

– И таким образом, – сказал Мейсон, – вы были вынуждены дождаться окружному прокурору, что обвиняемая не имеет отношения к этой подделке, что она не являлась человеком, подделавшим подпись Бенджамина Эддикса, не так ли?

– В общем, нет, сэр. Я сообщил окружному прокурору, что недостаточно данных для определенного вывода, что я могу лишь категорически утверждать, что это не подпись Бенджамина Эддикса, и я совершенно уверен в том, что это выполнено путем обведения.

– Что это значит – путем обведения?

– Кто-то держал настоящую подпись Бенджамина Эддикса напротив источника сильного света, возможно положив листок на стекло, под которым была мощная электрическая лампочка, или, может быть, на обычное окно, затем сверху положили кассовый чек так, чтобы подпись Бенджамина Эддикса просвечивала сквозь бумагу, и злоумышленник обвел эту подпись.

– А почему вы так уверены в этом?

– Это довольно легко определить, мистер Мейсон. Когда человек расписывается, он пишет свое имя широко, размашисто. Перо движется быстро, уверенно, так что малейший толчок отображается на довольно большом отрезке линии. Когда же подпись обводят, рука движется медленно. Под микроскопом хорошо видны неровности линии. Этот случай как раз характерен.

– Но вы не можете определить, кто подделал подпись?

– Нет, сэр.

– То есть вы никаким образом не можете связать подделанную подпись с личностью обвиняемой?

– Я думаю, это сможет сделать следующий свидетель, – слегка улыбнулся эксперт-графолог.

Гамильтон Бергер откинулся назад и рассмеялся. Для него было очевидно, что Мейсон попался в расставленную им ловушку, и окружной прокурор, что редко случалось, пришел в хорошее расположение духа.

– Больше вопросов нет, – сказал Мейсон.

Гамильтон Бергер, уверенный, что ошарашил своим сюрпризом защиту, просто излучал самодовольство.

– Мистер Говард Денни, пожалуйста, займите место свидетеля, промурлыкал он.

Говард Денни вышел вперед и присягнул.

– Каков ваш род занятий?

– Я эксперт по отпечаткам пальцев и заместитель шерифа.
– Заместитель шерифа – это основной ваш род деятельности?
– Да, сэр.

– А теперь я хочу обратить ваше внимание вот на этот чек, представленный в качестве вещественного доказательства, и хочу спросить вас: доводилось ли вам видеть данный чек раньше?

– Да, сэр.

– Где и когда?

– Представитель полиции дал мне для исследования этот чек в четыре тридцать утра.

– Утра какого дня?

– В прошлый четверг, в ту ночь, когда был убит мистер Эддикс... Подождите-ка минутку, в действительности он был убит еще в среду ночью. Это было рано утром в четверг.

– И когда офицер полиции предоставил вам этот чек, просил ли он произвести какие-то конкретные действия с ним?

– Да, сэр.

– Какие именно?

– Идентифицировать отпечаток пальца на этом чеке.

– Можете ли вы показать нам, где находится этот отпечаток?

– Да, сэр. Он весьма неотчетливый, но это отпечаток пальца. Я установил, что это отпечаток среднего пальца правой руки обвиняемой, Джозефины Кемптон.

– Но это не обычный скрытый отпечаток пальца, из тех, что вы выявляете порошками?

– Нет, сэр. Отпечаток оставлен на чеке жидкостью, напоминающей, на мой взгляд, кровь.

– Что вы предприняли далее в связи с этим чеком?

– После того как я проверил чек и идентифицировал отпечаток пальца, чек был положен обратно за подушку заднего сиденья в машине, точно на то место, где, как я понял, он и был обнаружен.

– Что произошло дальше?

– Затем обвиняемая была освобождена из-под стражи.

– Когда?

– По-моему, это было около восьми утра, в четверг утром.

– И где находились вы?

– С пятью другими свидетелями мы спрятались на балконе, откуда могли наблюдать за происходящим.

– И что произошло?

– По просьбе обвиняемой она была...

Этна воскликнул:

– Я протестую, свидетель дает показания, основываясь на слухах.

Мейсон тихонько дернул Этну за полу пиджака, давая ему сигнал сесть на место.

– Мы не будем придиরаться к мелочам, ваша честь, – вмешался Мейсон, насколько я понимаю, речь идет всего лишь о том, что обвиняемая попросила выпустить ее на гаражную стоянку полицейского управления, откуда мистер Этна мог бы ее забрать. Мы, конечно же, не собираемся предпринимать ничего такого, что могло бы помешать Суду получить необходимые свидетельские показания.

Судья Манди одобрительно кивнул.

Этна медленно уселся на место.

Мейсон прошептал ему:

– Это та бомба, которую они для нас подготовили. Они считают, что это сломает всю

защиту. Нужно дать понять обвинению, что вся история ровным счетом ничего не стоит. Если это не произведет на нас никакого впечатления, они начнут беспокоиться, полагая, что у нас есть какой-то ответный ход, и будут вынуждены раскрыть все свои козыри. В конце концов, это единственное, что нам нужно от этого предварительного слушания, заставить их выложить все, что у них есть, чтобы они не припасли какой-нибудь сюрприз для нас, когда дело дойдет до суда присяжных.

— Продолжайте, — сказал Гамильтон Бергер свидетелю.

— Ну, как только она решила, что осталась одна, она осмотрела все полицейские машины на стоянке, чтобы найти ту, в которой ее доставили в полицейское Управление. На каждой машине есть свой номер, и она... ну, в общем, она искала машину номер семь.

Тут вмешался судья Манди:

— Я принял к сведению позицию защиты в этом вопросе, но, в конце концов, мистер Денни, в своих свидетельских показаниях вы делаете слишком много выводов. Вы должны дать показания только о том, что вы лично видели.

— Хорошо, — сказал Денни, — как мы заранее договорились, двое полицейских находились там, где она могла их видеть. Затем их обоих позвали в другой конец стоянки, так что обвиняемая могла убедиться, что за ней никто не наблюдает.

— Что произошло потом? — спросил Бергер.

— Она прошла мимо стоявших там машин, изучая их номера. Подойдя к третьей машине, а это была машина под седьмым номером, та самая, в которой ее доставили в полицейское управление, она открыла дверь, подняла заднее сиденье и достала оттуда чек.

— Откуда вы знаете, что она достала оттуда чек? Вы могли это видеть?

— Я мог разглядеть, что это был сложенный листок бумаги.

— Откуда же тогда вы знаете, что это был чек?

— Я проверил машину за десять минут до того, как обвиняемую выпустили. Тогда чек находился между сиденьем и спинкой. Как только обвиняемая покинула гараж, я в сопровождении других свидетелей вернулся туда и проверил машину. Чек исчез.

— Оставалась ли машина в это время вне поля зрения?

— Нет, сэр. Мы не сводили глаз с машины.

— Защита может задавать вопросы, — сказал Бергер.

Мейсон зевнул, взглянул на часы и произнес:

— Вопросов нет.

— То есть как?! — воскликнул в изумлении Бергер.

— Вопросов нет, — повторил Мейсон.

— Тогда с этим все, — сказал судья Манди, — у вас есть еще свидетели, мистер Бергер?

Бергер в явном замешательстве взглянул на Мейсона.

Этна наклонился, чтобы что-то прошептать, но Мейсон, тихонько толкнув его под столом, вынудил отказаться от своего намерения.

Все поведение Мейсона свидетельствовало о том, что он не придавал всем этим показаниям особого значения.

Судья Манди взглянул на невозмутимого защитника, затем на Гамильтона Бергера, о чем-то лихорадочно совещавшегося шепотом с Гинзбергом, и произнес:

— Ваш следующий свидетель, господин окружной прокурор.

— Вызовите Фрэнка Каммингза.

Каммингз показал под присягой, что он является шерифом, а также братом тюремной надзирательницы. В четверг утром он сопровождал надзирательницу в квартиру Джозефины Кемптон. Надзирательница вошла внутрь при помощи ключа, полученного от миссис Кемптон,

а затем отобрала вещи, которые должна была отнести обвиняемой. Свидетель Каммингз тем временем просверлил небольшое отверстие в косяке над дверью, надел рабочий комбинезон и установил в коридоре стремянку. Когда обвиняемую выпустили из тюрьмы и она пришла к себе домой, свидетель работал, стоя на стремянке, и делал вид, что ремонтирует проводку в коридоре. Как только обвиняемая вошла в свою квартиру, закрыла дверь и заперла ее изнутри, свидетель подвинул стремянку к двери и встал на ступеньки таким образом, что мог заглянуть в просверленное отверстие. И тогда он увидел, что обвиняемая задрала юбку, достала спрятанный в чулок сложенный листок бумаги, подошла к книжной полке, взяла книгу и, открыв ее, положила на стол. Затем она прикрепила чек к странице книги при помощи клейкой ленты и поставила книгу обратно на полку.

Свидетель показал, что он тут же спустился со стремянки, перенес ее в другой конец коридора и подождал, пока обвиняемая покинет свою квартиру. После этого он вновь вошел в квартиру, открыл книгу на упомянутой странице и извлек документ.

– Что это был за документ? – спросил Гамильтон Бергер.

Свидетель усмехнулся.

– Это был чек на двадцать пять тысяч долларов, который был представлен в качестве вещественного доказательства.

– Защита может начинать перекрестный допрос, – сказал Бергер.

Мейсон взглянул на свидетеля с мягкой улыбкой.

– У вас ведь не было разрешения заходить в квартиру ни в первый, ни во второй раз, не так ли?

– Нет, сэр.

– Где вы взяли ключ, при помощи которого вошли в квартиру во второй раз?

– Я изготовил дубликат.

– Вы знали, что не имеете права обыскивать квартиру без ордера на обыск или разрешения владельца?

Свидетель взглянул на Гамильтона Бергера и сказал:

– Тогда я об этом не подумал.

– А теперь вы можете об этом подумать, не так ли?

– Да, сэр.

– Вы ведь несомненно изучали закон, в частности о порядке проведения обысков, перед тем как были назначены шерифом, верно?

– Да, сэр.

– И вы понимали, что совершающее вами – незаконно?

– Ну, если вы так хотите сформулировать, то да.

– Я хочу сформулировать именно так, – сказал Мейсон. – У меня все. Больше вопросов к этому свидетелю я не имею.

Следующим свидетелем был служащий из зоопарка, показавший, что он был вызван в Стоунхендж; что он прибыл туда в ночь убийства и обнаружил разгуливающих на свободе трех горилл; что до этого ему доводилось несколько раз посещать Стоунхендж в связи с экспериментами Бенджамина Эддикса с гориллами; что ему были знакомы многие гориллы и их характерные особенности поведения; что под его руководством гориллы были возвращены в клетки; что затем он обследовал горилл на предмет обнаружения брызг крови и таковых не обнаружил.

– Защита может задавать вопросы, – сказал Бергер.

– Что вы подразумеваете под брызгами крови?

– Я имею в виду, что их шкуры были тщательно осмотрены с целью выяснить, нет ли на

них капель крови.

– Зачем это было сделано?

– Это было сделано по требованию окружного прокурора.

– Чтобы сэкономить время, – сказал Гамильтон Бергер, – я хочу заявить Суду и защите, что мой следующий свидетель, патологоанатом, установил, что характер ран, нанесенных Бенджамину Эддиксу, был таков, что неизбежно должна была ударить струя крови из первой же нанесенной ему в шею раны, которая оказалась смертельной, и что кто бы ни нанес эту рану, он неизбежно должен был оказаться забрызган кровью.

– О, понятно, – кивнул Мейсон, – продолжайте.

– У меня все, – сказал Бергер, – можете продолжать перекрестный допрос.

– Ни на одной из этих горилл не было никаких следов крови?

– Нет. По крайней мере, на шкурах; подождите-ка, у одной из горилл были кровавые пятна

– не брызги, а пятна, кровь сочилась из пореза у нее на ступне. Очевидно, она поранила ногу, наступив на острый осколок стекла.

– Откуда вам это известно?

– Потому что там был кусок стекла – осколок игольчатой формы, вонзившийся в ступню гориллы.

– И где этот кусочек стекла?

– О, это был обыкновенный осколок. Я не знаю, куда он потом делся.

– Кто извлек его?

– Я.

– Вы сами извлекли его из ступни гориллы?

– Да.

– Это болезненная процедура?

– Гориллу в тот момент усыпили. Чтобы облегчить поимку, животным дали фрукты с сильнодействующим снотворным. Я обнаружил горилл в крайне возбужденном состоянии. Дикие сторожевые псы устроили всю эту суматоху. Гориллы были очень возбуждены. Вой сирен, собачий лай и другие необычные звуки, полностью изменившие привычную для них обстановку, да еще сознание того, что они нарушают установленный порядок...

– Откуда им это было известно? – спросил Мейсон.

– Потому что они были выпущены из клеток. У горилл очень развитый интеллект. Они знают, когда им полагается сидеть в клетке, и понимают, что оказались на свободе при обстоятельствах, нарушающих установленный порядок.

– У меня все, – сказал Мейсон.

Бергер повернулся к судье:

– А теперь мы вызываем в качестве свидетеля Мортимера Херши.

Херши встал на свидетельское место и показал под присягой, что примерно за две недели до убийства Бенджамин Эддикс запланировал провести крупную деловую операцию; что подробности этой операции были известны только самому хозяину; что свидетелю были известны только некоторые детали, но он абсолютно ничего не знал о намерениях Эддикса; что Эддикс, по своему обыкновению, сохранил в тайне все, касавшееся цели и суммы сделки.

Поздно вечером во вторник, накануне убийства, Эддикс вызвал Натана Фэллона и Мортимера Херши на совещание. Он сообщил им, что хотел бы составить новое завещание, которое впоследствии собирается оформить по установленным законом правилам, или, как он выразился, «со всеми этими юридическими штучками», а в данный момент, поскольку он хочет, чтобы у него в доме все было в полном порядке, он составил вот это новое завещание.

– Он сообщил вам условия завещания?

– Нет, сэр. Не сообщил ничего, кроме того, что он чувствует себя виноватым перед Джозефиной Кемптон за несправедливые обвинения в ее адрес и что в связи с находкой, столь драматичным образом доказавшей ее невиновность, он хотел бы завещать кое-что ей.

– Упоминалось ли в вашем разговоре, что именно он решил ей завещать?

– Нет, только то, что он собирался это сделать.

– Кроме этого, сообщил ли он вам еще что-нибудь о содержании завещания?

– Нет, сэр. Не сообщил. Он просто сказал нам, что хочет обратить наше внимание на составленное им новое завещание; что оно написано им собственноручно; что он поручает мне положить его в надежное место с другими бумагами. Он положил завещание в конверт, заклеил его и попросил мистера Фэллона и меня расписаться на обратной стороне.

– И вы это сделали?

– Да, сэр.

– Вы оба?

– Да, сэр.

– Что было потом?

– В среду мы отправились по маршруту... ну, в этом не было ничего такого необычного – по маршруту собирать деньги.

– Что вы имеете в виду?

– Банковские чеки были оформлены на имя мистера Эддикса. Другие были выписаны на мое имя, и некоторые – на имя Натана Фэллона. Мы отправлялись с этими чеками на дальние окраины, в банки, с которыми поддерживали деловые отношения, и превращали чеки в наличные.

– Какая сумма была у вас, когда вы вернулись в среду вечером?

– Я не вернулся в тот вечер. Я остался у друзей в Санта-Барбаре. Мне сообщили о смерти мистера Эддикса примерно в семь утра в четверг. Я немедленно выехал в Стоунхендж и связался с властями, а затем с поверенным мистера Эддикса из конторы «Хардвик, Карсон и Реддинг».

– И вы получили какую-то сумму денег по некоторым из этих чеков?

– У меня было чуть больше восьмидесяти пяти тысяч долларов.

– Наличными?

– Да, сэр.

– И вы вернули эти деньги мистеру Хардвику?

– Да, сэр.

– Я полагаю, вы можете начинать перекрестный допрос, – сказал Гамильтон Бергер и пояснил судье: – Я вызвал этих свидетелей, Ваша Честь, только для того, чтобы Суд мог составить более полное представление об обстановке.

– Очень хорошо, – согласился судья Манди.

Мейсон улыбнулся Мортимеру Херши:

– Должен ли я так понять, мистер Херши, что ваша поездка для пополнения наличности отнюдь не была чем-то необычным?

– Совершенно верно.

– Мистер Эддикс, когда был жив, часто посыпал вас в такие поездки?

– Часто. Да, сэр.

– Куда шли наличные?

– Я полагаю, что почти в каждой операции, которую проводил мистер Эддикс, то есть в каждой крупной операции, данные финансовой отчетности, вероятно, не соответствовали действительности.

– В чем именно заключалось несоответствие?

– Я полагаю, что данные занижались.

– И что происходило потом?

– Ну, полагаю, что какая-то часть наличности оставалась у мистера Эддикса, но я не уверен.

– Мы считаем необходимым указать на то, – сказал Гамильтон Бергер, что мистер Эддикс занимался весьма сложными деловыми операциями, которые, как выясняется, осуществлялись с грубыми нарушениями правил.

– Не могли бы вы разъяснить более определенно, что вы имеете в виду? – спросил свидетеля Мейсон.

– Ну, например, если мистер Эддикс покупал нефтяное месторождение за сто тысяч долларов, он указывал в соглашении, что пятьдесят тысяч долларов будут выплачены позднее, а двести пятьдесят тысяч долларов должны быть выплачены наличными, то есть общая сумма составляет триста тысяч долларов.

– Но триста тысяч долларов он на самом деле не платил?

– Ну, в данном случае я, разумеется, рассуждаю о чисто гипотетическом случае.

– Я понимаю, продолжайте.

– Обычно при такой сделке он платил, к примеру, пятьдесят тысяч долларов наличными, и это с теми пятьюдесятью тысячами, которые он должен был выплатить позднее, и составляло как раз сто тысяч долларов.

– Но в документах указывалось, что сделка заключена на сумму в триста тысяч долларов? Я правильно понял?

– Да, сэр.

– С какой целью это делалось?

– Я не знаю, сэр, ничего, кроме того, что в таких сделках он подписывал документы, в которых указывалась значительно большая сумма, чем была уплачена на самом деле.

– А как насчет уплаты налогов его партнерами по заключенным контрактам?

– Я полагаю, сэр, что они в своей отчетности указывали именно сто тысяч долларов, хотя в письменном соглашении могла быть и другая цифра. Однако довольно часто происходили неприятности из-за расхождений.

– Другими словами, если сформулировать простым языком, Бенджамин Эддикс пытался надуть налоговое управление?

Херши помедлил, потом произнес:

– Мне кажется, нет, мистер Мейсон. Я тоже так сначала думал. Позднее я пришел к выводу, что здесь дело в другом.

– И в чем же?

– Я думаю, мистер Эддикс был в свое время женат. Я полагаю, что жена его жива и они не развелись. Я думаю, дело в том, что по законам нашего штата все громадное состояние, приобретенное мистером Эддиксом, могло быть объявлено совместным имуществом, если бы женщина, являвшаяся его законной женой, захотела этого. Таким образом, мистер Эддикс так вел свои дела, что в документах фигурировала сравнительно небольшая прибыль. То есть он в случае чего мог оспорить размер совместной собственности, в отличие от его личной собственности.

– У меня все, – сказал Мейсон.

– Мой следующий свидетель – Натан Фэллон, – сказал Бергер.

Натан Фэллон тоже присягнул, но явно было видно, что Фэллон в отличие от Херши не испытывая к своему покойному хозяину ничего, кроме чувства глубокой обиды.

- Где вы находились в ночь убийства?
 - В Лас-Вегасе.
 - И что вы там делали?
 - Занимался манипуляциями с банковскими счетами, чтобы мистер Эддикс мог исказить отчетность и надуть налоговое управление.
 - Вам доподлинно известно, что он делал это с целью обмануть налоговое управление?
 - Свидетель помедлил.
 - Не так ли?
 - Нет, сэр.
 - Следовательно, то, что вы сказали, – это всего лишь предположение?
 - Ну, когда человек начинает манипулировать с банковскими счетами, как это делал он, для этого наверняка есть какая-то причина.
 - Совершенно справедливо, – сказал Гамильтон Бергер. – Таким образом, если бы вы занимались этим, то делали бы это с целью обмануть налоговое управление; следовательно, исходя из этого вы и предположили, что Бенджамин Эддикс действовал из аналогичных побуждений?
 - Вы решили, – спросил Мейсон, – устроить перекрестный допрос своему собственному свидетелю?
 - Видите ли, – сказал Гамильтон Бергер, – хотя замечание ваше, скорее всего, излишне, но в конце концов мистер Эддикс не может сам заступиться за себя.
 - Ну что ж, – непринужденно обратился Натан Фэллон к Гамильтону Бергеру, – возможно, вы придумаете объяснение получше.
- Публика в зале суда грохнула от смеха, и даже судья Манди улыбнулся.
- Мистер Эддикс не посвящал вас в свои секреты?
 - Мистер Эддикс не любил меня. Я не любил мистера Эддикса. Полагаю, что в самое ближайшее время я был бы уволен, если бы не смерть мистера Эддикса.
 - Вы уехали из Стоунхенджа в среду, в день убийства?
 - Да, сэр.
 - Во сколько примерно?
 - Я вылетел в Лас-Вегас, днем, двухчасовым рейсом.
 - Вы получили инструкции касательно того, что должны были делать в Лас-Вегасе?
 - Да, сэр. Я должен был вернуться со ста пятьдесятью тысячами долларов наличными.
 - Вы выполнили эту инструкцию?
 - Нет, сэр. Не выполнил.
 - Почему?
 - Потому что не решился носить с собой такую большую сумму наличными. Когда я услышал о смерти мистера Эддикса, я отнес всю наличность в банк и положил ее на счет мистера Эддикса. Я известил по телефону поверенного мистера Эддикса о том, что собираюсь предпринять.
 - А мистер Херши покинул Стоунхендж до вас?
 - Нет, сэр. Мы ушли с ним одновременно. Мистер Херши отвез меня в аэропорт, а затем поехал в Санта-Барбару.
 - Кто находился в Стоунхендже в тот момент, когда вы уходили?
 - Бенджамин Эддикс.
 - Кто еще?
 - Больше никого.
 - Но ведь это было довольно необычно?

- Да, сэр. Это было в высшей степени необычно.
 - Начинайте перекрестный допрос, – обратился Гамильтон Бергер к Мейсону.
 - Почему вы считаете это необычным, мистер Фэллон?
 - Потому что обычно кто-то ухаживал за животными, да и дом требовал присмотра со стороны экономки; кроме того, обычно приходили несколько слуг.
 - Но когда вы уходили, в доме не было никого, кроме мистера Эддикса?
 - Совершенно верно. Несколько днями раньше мистер Эддикс выразил сильное неудовольствие тем, как содержалась часть дома, отведенная под зоопарк. Он уволил всех служащих, ухаживавших за животными.
 - А кто кормил животных, чистил клетки, ну и все остальное, после того как дрессировщики были уволены?
 - Мы, – проговорил Фэллон с явным отвращением. – Это как раз и было одной из главных причин возникших между моим хозяином и иной трений. На такого рода работу я не нанимался.
 - Вам помогал мистер Херши?
 - Мистер Херши и Бенджамин Эддикс. Мы делали это втроем.
 - А слуги, кто занимался домашним хозяйством?
 - Никаких слуг не было. Домашним хозяйством никто не занимался.
 - Случались ли вследствие этого какие-нибудь происшествия?
 - Да, сэр.
 - Какие?
 - На мистера Эддикса напала одна из горилл, она просунула лапу сквозь прутья решетки, схватила Эддикса за пиджак и притянула его к клетке. Я закричал и принялся стучать по решетке скребком, которым чистил клетки, а мистер Эддикс рванулся, и ему удалось высвободиться.
 - Он получил какие-нибудь повреждения?
 - Да, сэр. У него был серьезный вывих ноги, а также глубокие царапины на лице.
 - Когда это произошло?
 - В понедельник утром.
 - У меня все, – сказал Мейсон, – больше вопросов нет.
- Гамильтон Бергер вызвал в качестве свидетеля фотографа, который продемонстрировал фотографии лежащего на полу тела и расположение пятен крови, брызнувшей из раны на шее на стену и ковер. Он также представил снимки лица мистера Эддикса, на котором были видны царапины от когтей гориллы.
- Задавайте вопросы, – сказал Гамильтон Бергер.
 - Я обратил внимание, что здесь две разные фотографии лица убитого, сказал Мейсон, – на одной из них хорошо заметна щетина, а на другой лицо убитого чисто выбрито.
 - Первая была сделана до того, как тело перевезли в морг, а вторая вскоре после вскрытия. Служащий морга побрил лицо покойника, когда готовил его для погребальной церемонии.
 - То есть вы сфотографировали тело, а после этого вас послали сделать еще несколько фотографий? Я правильно понял?
 - Да, сэр.
 - С какой целью это было сделано?
 - Я не знаю.
 - Но вы получили инструкцию пойти в морг и сделать еще несколько фотографий, на которых были бы хорошо видны черты лица?
 - Да.
 - Чисто выбритого?

– Да.

– С целью опознания?

– Мне неизвестно, с какой целью. Мне велели их сделать, и я сделал.

– Благодарю вас, – проговорил с улыбкой Мейсон. – У меня все.

– У нас по этому делу все, Ваша Честь, – сказал Гамильтон Бергер.

– Хотел бы обратить внимание Высокого Суда на тот факт, – сказал Мейсон, – что я просил разрешения задать на перекрестном допросе еще несколько вопросов после выяснения одной проблемы. Я прошу вас предоставить мне возможность уточнить один технический вопрос посоветоваться со своим компаньоном. Приближается время обеденного перерыва. Не мог бы суд продолжить слушание дела завтра утром в десять часов?

Судья Манди покачал головой:

– У вас была возможность подготовиться к слушанию дела, мистер Мейсон. Окружной прокурор в самом начале слушания дела предложил вам попросить отсрочку. Суд не собирается проводить слушание по частям. Я объявляю перерыв на пятнадцать минут, так что у вас будет возможность посоветоваться. Суд объявляет перерыв на пятнадцать минут.

Судья Манди ушел в свою комнату.

Мейсон подошел к миссис Кемптон, сидевшей под охраной надзирательницы.

– Извините меня, – прошептала ему миссис Кемптон. – Я пыталась всех перехитрить и только сама себе навредила. Вызовите меня для дачи показаний, и я расскажу чистую правду и все объясню.

– Объясните прямо здесь и сейчас. Вы мне лгали?

– Только в том, что касалось чека, да и то я, собственно, не лгала. Я просто умолчала о нем.

– Отлично, так откуда же у вас этот чек?

– С маленького столика возле кровати мистера Эддикса. Он был сильно пьян и спал. Чек лежал там, выписанный на мое имя. Я сразу поняла, что он собирается дать его мне...

– Постойте-ка, вы хотите сказать, что он был выписан на ваше имя?

– Ну да, там было написано на обороте.

– То есть вы имеете в виду, что это не вы подделали передаточную надпись?

– Конечно нет. Все уже было подписано, когда я увидела его в первый раз, поэтому и взяла.

Я знала, что для этого он меня и позвал туда.

– Вы что, думаете, кто-нибудь в это поверит?

– А почему нет? Ведь это же правда.

– В общем, так: нельзя, чтобы хоть кто-нибудь услышал это от вас до тех пор, пока мы не сможем кое-что проверить.

– Мистер Мейсон, я хочу, чтобы вы вызвали меня для дачи показаний. Я хочу рассказать им, что там произошло в действительности.

Мейсон покачал головой:

– Лучше, если пока будем говорить только мы.

– Вы думаете, я лгу?

– Необязательно.

– Нет, вы так думаете.

– Ну что ж, вы ведь уже рассказали нам одну историю, и в результате мы оказались совершенно не готовы к тому, что нас ткнут носом в этот чек.

– Я просто умолчала об этом. Я не лгала вам. Просто я не рассказала вам кое о чем, вот и все.

– Если я вызову вас для дачи показаний, они распнут вас, – сказал Мейсон. Он повернулся к Этне: – Время нас уже поджимает, Джим. Нужно что-то делать.

– Давайте еще раз попробуем получить отсрочку до завтрашнего утра.

– Судья не даст нам ее. Он собирается закончить слушание дела сегодня. Поскольку это всего лишь предварительное слушание, он считает, что у Суда уже вполне достаточно данных для предъявления обвинения нашей подзащитной.

– Ну и что же мы будем делать? Мы не можем вызвать ее для дачи показаний.

– Любой адвокат время от времени попадает в такие ситуации, Джим, сказал Мейсон. – Нам нужно придумать что-нибудь и затянуть все это, пока судье не придется объявить вечером перерыв.

– Но мы ничего не можем сделать, – сказал Этна, – они запустили в нас мячом, а нам некуда бежать. История с чеком и неуклюже подделанной подписью – у нас нет никакого объяснения для нее. А если мы не сумеем все объяснить, нас побьют. Я уже вообще жалею, что взялся за ее дело, несмотря на полагающийся мне по нашему соглашению гонорар. Я...

Мейсон покачал головой:

– Нужно принимать все таким, как оно есть. Нельзя же все время только сливки снимать. Время от времени судьба неизбежно преподносит нам какой-нибудь сюрприз.

– Мы честно пытались помочь Джозефине Кемптон. Она не имела права делать из нас мартышек, – сказал Этна.

– Да, довольно неплохая шутка, – усмехнулся Мейсон.

Этна тоже улыбнулся, хотя и не вполне искренне:

– Ну, может быть, я не совсем удачно выразился, но эти рассказы о горилле... А тут еще она преподносит нам совершенно идиотскую историю с чеком – ведь ее уличили в том, что она пыталась все это утаить!

– Ну ладно, – сказал Мейсон, – нам нужно тянуть время до тех пор, пока что-нибудь для нас не прояснится.

– Каким образом вы собираетесь тянуть время?

– Я оставил себе лазейку, – сказал Мейсон, – во время перекрестного допроса эксперта. Здесь есть один момент, о котором, я полагаю, им ничего не известно. Вы когда-нибудь слышали о докторе Градволе из Сент-Луиса?

Этна покачал головой.

– Ну как же, – сказал Мейсон, – я думаю, ему больше, чем кому бы то ни было, можно было поставить в заслугу основание Американской академии судебной медицины, и он в последнее время занимается кое-какими исследованиями, от которых у наших противников, похоже, начнется головная боль. Я не собирался поднимать этот вопрос до тех пор, пока не проверю некоторые технические подробности, однако... А вот и судья!

Мейсон показал на открывшуюся дверь совещательной комнаты, из которой в зал суда вышел судья Манди.

Судья Манди взглянул на свои часы.

– Прошу вас, господа, побыстрее закончить слушание по этому делу. Как мне представляется, ничто не должно нам помешать уже сегодня вынести решение.

– Если Высокий Суд не возражает, – сказал Мейсон, – мы договорились провести перекрестный допрос Филина Гротона.

– Но ведь речь шла, по-моему, о его профессиональной компетентности? – спросил судья Манди.

– Да, это имеет отношение к его профессиональной компетентности.

– Что, неужели есть какие-то основания сомневаться в компетентности мистера Гротона?

Завтра в суде и так очень насыщенный день.

– Я полагаю, если Суд не будет возражать, что интересы моего клиента требуют...

– Ну хорошо, хорошо, но Суд предупреждает вас, мистер Мейсон, что он не собирается мириться с тактикой умышленного затягивания процесса. Это предварительное следствие. Это не судебный процесс с участием присяжных заседателей. Суду достаточно хорошо известна квалификация мистера Гротона. Мистер Гротон десятки раз проводил экспертизы для суда. Более того, я полагаю, что и защите прекрасно известна квалификация мистера Гротона. Займите место свидетеля, мистер Гротон.

Гротон вновь занял место свидетеля.

Мейсон сказал:

– По поводу упомянутой реакции осаждения человеческой крови я хочу задать вам вопрос – знакомы ли вы с механизмом этой реакции?

– Естественно.

– Не могли вы объяснить Суду, что...

– Суд не нуждается ни в каких объяснениях, – нетерпеливо прервал его судья Манди. –

Суду досконально известен механизм этого процесса. При неоднократных инъекциях человеческой крови у животного срабатывает иммунная система, защищающая от этого типа крови. В результате если налить в пробирку сыворотку крови этого животного и добавить туда человеческую кровь, то происходит реакция с выпадением осадка. Вот и все.

– Прекрасно, Ваша Честь, – проговорил Мейсон с улыбкой, не теряя хорошего расположения духа, – но я хотел бы услышать это от свидетеля, а не от Суда.

Судья Манди сердито нахмурился и сказал:

– Отлично, спрашивайте свидетеля, если хотите, но Суду все это известно, и вам это известно, и любому, кто имел хоть какое-то отношение к судебной медицине, это тоже известно.

– В целом все обстоит именно так, верно? – спросил Мейсон Гротона.

– Да, в общих чертах все верно.

– Теперь вот что, – сказал Мейсон, – когда впервые был разработан этот тест? Просто ответьте кратко.

– Если вы не возражаете, – сказал Гротон, – и если это поможет вам прояснить для себя этот вопрос, мистер Мейсон, я мог бы рассказать вам вкратце о реакции осаждения.

– Прошу вас.

– В конце прошлого века, – сказал Гротон, – господин по имени Уленхут, ведущий немецкий специалист-серолог, впервые доказал, что если ввести кролику сыворотку крови любом другого биологического вида, например человека, то происходит специфическая

иммунизация, то есть в крови кролика образуется вещество, которое будет реагировать только на кровь того вида, которую ему вводили, например на человеческую кровь. Вассерман был одним из многих, кто доказал правоту Уленхута, и реакцию стали использовать в качестве метода идентификации человеческой крови. Профессор Наттел, американский серолог, работавший в Кембриджском университете в Англии, взял на себя решение сложнейшей задачи полного определения области применения и пределов различных тестов и в тысяча девятьсот четвертом году опубликовал книгу по этому вопросу. Профессор Наттел выделил антитела у кроликов, которым вводили кровь всех известных в мире животных, и ему не удалось обнаружить никаких исключений, опровергающих утверждение, что тест является специфическим, то есть сыворотка кроликов, которым вводили человеческую кровь, реагировала только с человеческой кровью; кроликов, которым вводили кровь слонов, – только с кровью слонов, и так далее.

Гротон взглянул на судью и улыбнулся, судья улыбнулся ему в ответ, словно хотел сказать: «Я полагаю, вы поставили этого адвоката на место».

– Это очень интересно, мистер Гротон, – сказал Мейсон. – А вам известно, что кровь приматов, как установили немецкие исследователи, иногда дает реакцию, напоминающую реакцию человеческой крови?

– Да, насколько мне известно, об этом эффекте упоминается в некоторых трудах.

– И что методы исследования значительно усовершенствовались со времен Уленхута и профессора Наттела?

– Ну конечно.

– Теперь ответьте, пожалуйста: знакомы ли вы с доктором Градволем?

– Я слышал о нем. Я с ним не знаком.

– Он ведь является директором полицейской лаборатории в Сент-Луисе, штат Миссури?

– По-моему, да.

– Знакомы ли вы с его экспериментами, проводившимися в тысяча девятьсот пятьдесят первом и пятьдесят втором годах с имеющимся теперь более совершенным оборудованием?

– Нет, сэр. Не знаком.

– Известен ли вам документ, появившийся впервые в «Дайджесте лаборатории», том пятнадцатый, февраль тысяча девятьсот пятьдесят второго, страницы четыре, пять и шесть, в котором доктор Градвуль публикует данные, полученные им в результате тщательной проверки тех давних предположений и проведения реакции осаждения с кровью обезьян?

– Ну... теперь, когда вы об этом упомянули, мне кажется, я в свое время обратил на это внимание.

– Я смею утверждать, что если вы собираетесь выступать экспертом по таким вопросам, то вам нужно лучше знать последние научные исследования в этой области, – сказал Мейсон. – Вы можете прочитать там, что доктор Градвуль, используя новое, более совершенное оборудование, провел серию тестов с кровью шимпанзе и обнаружил, что реакция осаждения происходит с кровью шимпанзе точно так же, как и с человеческой кровью. Чтобы завершить всестороннее исследование этого вопроса, он ввел кроликам кровь шимпанзе, выделил сыворотку, дающую реакцию на кровь шимпанзе, и обнаружил, что совершенно идентичные результаты получаются как с кровью шимпанзе, так и с человеческой кровью.

– Мне об этом ничего не известно! – воскликнул Гротон.

– Но вы ведь имеете возможность проверить все научные данные в справочной библиотеке?

– Ну конечно. Да, сэр.

– И вы сможете проконсультироваться в библиотеке, если Суд объявит перерыв до завтрашнего утра?

– Подождите-ка, – воскликнул Гамильтон Бергер, – позвольте мне заметить, что это уведет нас слишком далеко в сторону.

– Я думаю, у защиты нет никаких оснований полагать, что Суд объявит перерыв только для того, чтобы свидетель смог ответить на узкоспециальный вопрос, – сказал судья Манди. – Или свидетель может ответить на вопрос, или не может, вот и все.

– Хорошо, – сказал Мейсон, – я тогда задам вопрос свидетелю. Готовы ли вы свидетельствовать под присягой, мистер Гротон, что пятна крови, обнаруженные вами на одежде обвиняемой и проверенные при помощи так называемой реакции осаждения, не были пятнами крови гориллы?

Свидетель медлил – он явно был в замешательстве.

– Да или нет? – спросил Мейсон. – Вы профессиональный эксперт, допрашиваемый в качестве свидетеля. Вы десятки раз выступали экспертом в суде. Само собой разумеется, что вы обязаны быть в курсе всех исследований в вашей области. Само собой разумеется, вы должны знать, что соответствует истине, а что – нет. Прошу вас, свидетельствуйте под присягой, абсолютно искренне – можете ли вы утверждать, что пятна крови не были пятнами крови гориллы?

Гротон провел рукой по волосам и с беспокойством посмотрел на окружного прокурора.

– О, – сказал Гамильтон Бергер, – я выражаю протест, с позволения Высокого Суда. Я полагаю, что этот вопрос уже задавался и на него был дан ответ. Совершенно незачем вновь к этому возвращаться. Перекрестный допрос ведется не по правилам.

– Протест отклоняется! – рявкнул судья Манди, уставившись на свидетеля.

Гротон снова взглянул на окружного прокурора, потом на судью.

– Нет, я не могу утверждать это под присягой, – сказал он.

– И насколько вам известно, пятна крови могли быть оставлены гориллой?

– Насколько мне известно, да.

– Вам известно также, что одна из выпущенных горилл порезала ступню осколком стекла?

– Да.

– И что у нее текла кровь?

– Насколько я понял, да.

– Следовательно, вы не готовы показать под присягой, что пятна на одежде, исследованные вами, были пятнами человеческой крови?

– Ну, разумеется, если они могли быть оставлены гориллой, то это были пятна не человеческой крови, то есть это могла быть не человеческая кровь. И разумеется, мистер Мейсон, я исхожу из предположения, что вы правильно изложили суть экспериментов доктора Градволя. Я лично, ну, в общем, сомневаюсь, что... ну, я не знаю.

– Вы эксперт?

– Да.

– Вам известно, что вы должны давать показания под присягой, основываясь на ваших собственных знаниях и опыте, а не исходя из того, что расскажу вам я или кто-нибудь другой?

– Ну, разумеется.

– Вот и отлично. Отвечайте на вопрос. Готовы ли вы с полной уверенностью присягнуть, что исследованные вами пятна крови были пятнами человеческой крови?

– Мне нужно некоторое время для того, чтобы я смог ответить на этот вопрос.

– Время для чего?

– Для того, чтобы я смог лично познакомиться с результатами экспериментов доктора Градволя. Вы понимаете, мистер Мейсон, я не ученый, не исследователь. Я токсиколог, лабораторный специалист. Я провожу тесты, придуманные другими, тесты, опубликованные в

авторитетных книгах по данному вопросу, и, когда я получаю определенные результаты, я оцениваю их в соответствии с экспериментами и исследовательской работой, проведенной другими. Если появилось что-то новое в области серологии, а теперь, после того как вы это упомянули, мне кажется, что действительно этот вопрос недавно дискутировался... ну, я считаю, что моей обязанностью и обязанностью Суда является провести расследование.

— С позволения Высокого Суда, — сказал Гамильтон Бергер, — я считаю, что вопрос, была ли это человеческая кровь или нет, не стоит ни цента.

— Все зависит от того, какую ценность для вас представляет цент, рявкнул судья Манди. — Суд весьма заинтересован в этой фазе следствия, и Суд хочет принести мистеру Мейсону извинения за естественное в данных обстоятельствах подозрение, что эта часть перекрестного допроса понадобилась для того, чтобы затянуть слушание дела. Совершенно очевидно, что защита располагает информацией, представляющей огромный интерес для суда — информацией, которую, несомненно, необходимо уточнить. Суд объявляет перерыв до десяти часов завтрашнего утра, и Суд просит мистера Гротона приложить все усилия для того, чтобы установить истину с учетом упомянутых тестов Градволя. У вас нет возражений, мистер Гротон?

— Ну конечно нет. Я позвоню доктору Градволю лично, получу данные о его тестах и схожу в справочную библиотеку, чтобы прочитать сообщения по данному вопросу.

— При сложившихся обстоятельствах, — сказал судья Манди, — заседание откладывается до десяти часов утра,

В автомобиле, когда они возвращались из здания суда, Делла Страт сказала Мейсону:

— Шеф, ты определенно озадачил этого эксперта.

— Конечно, — сказал Мейсон, — перед нами все еще стоит проблема передаточной надписи на чеке. Обрати внимание, Делла: это, черт возьми, самое весомое обвинение, потому что совершенно очевидно, во-первых, что Джозефина Кемптон скорее всего единственный человек на земле, кому эта подделка могла принести выгоду.

— Почему ты сказал «скорее всего»? — спросила Делла Страт. — Она и есть единственный человек, который мог получить выгоду от этой подделки.

Мейсон покачал головой:

— Есть еще один человек, который мог получить от этого выгоду.

— Боюсь, что я не совсем понимаю. И потом, что ты скажешь по поводу ее кровавого отпечатка пальца на чеке?

— Если она лжет, — сказал Мейсон, — то у нее, конечно, вполне могла быть кровь на руках после убийства Эддикса. А если она говорит правду, то кто-то оттиснул ее палец на чеке, пока она была без сознания.

— А кровь?

— Ей могли капнуть кровь на палец, а может быть, кровь была от гориллы с порезанной ступней, той самой, что так дружелюбно относилась к ней.

— Но каким образом можно доказать, что там произошло на самом деле?

— Нам нужно кое-что предпринять для расследования этой фазы дела, Делла, — сказал Мейсон. — Я сейчас остановлюсь вот здесь, на бензоколонке. Ты позвонишь в Стоунхендж и узнаешь, там ли брат Эддикса. Как я понял, он прилетел на самолете из Австралии и занимается делами, которые Бенджамин Эддикс не завершил.

— И если он там?.. — спросила она.

— Скажи ему, что я хочу с ним встретиться по важному вопросу, ответил Мейсон.

— Но, шеф, не лучше ли выяснить все вопросы с его поверенным? Он не...

— Поверенные не представляют его интересов, — сказал Мейсон, поверенные представляют банк, являющийся исполнителем завещания. Я не собираюсь обсуждать с ним вопросы, связанные с наследством. Я хочу побеседовать с ним совершенно по другому поводу. Мне нужна его помощь для того, чтобы обнаружить кое-какие ключи к разгадке тайны.

— А полиция не посмотрит на это косо?

— Возможно. — Мейсон остановился у бензоколонки и сказал служащему: Налейте полный бак, а мы пока позвоним.

Делла Страт зашла в телефонную будку на станции, набрала номер и мгновение спустя подбежала к машине:

— Он говорит, что готов встретиться в любое время, шеф, и что ему очень хочется поговорить с тобой. По-моему, его зовут Герман Барнуэлл. Что ему передать — когда тебе будет удобно?

— Прямо сейчас, — сказал Мейсон, — передай, что мы едем к нему.

Делла Страт вернулась в телефонную будку и вскоре вышла из нее.

— Он определенно очень хочет с тобой встретиться, шеф. Он сказал, что в Австралии много читал о тебе.

— Отлично, — сказал ей Мейсон. — Мы с ним побеседуем, и, возможно, нам удастся кое-что разузнать.

Служащий станции кончил заправлять машину и принял ся наводить блеск на ветровом стекле.

Мейсон уплатил за бензин, выехал с заправочной станции и помчался по шоссе, лавируя в плотном полуденном потоке машин.

Делла Страт, давно привыкшая к манере Мейсона водить машину, откинулась назад на сиденье и повернула зеркало заднего вида в свою сторону, чтобы следить, не появятся ли патрульные машины.

Мейсон влезал во все щели, какие только открывались в плотном потоке машин. И едва они выехали на бульвар, где движение было не таким оживленным, как он прибавил газу.

— В это время они обычно и ловят лихачей, — предупредила Делла Страт.

— Я знаю, — коротко ответил Мейсон, — но я напал на горячий след. И не могу ждать, пока он остынет.

— Какой след? — спросила она. — Или у тебя есть от меня какие-то секреты?

— Когда я приехал к Бенджамина Эддиксу на следующий день после стычки с гориллой, — сказал Мейсон, — он был очень возбужден и сильно нервничал. Одна сторона лица у него была скрыта под повязкой.

— Правая сторона?

— Правая сторона. Та самая, где были царапины — большинство из них.

— Ну и что? — спросила она.

— Там, где у него не было повязки, — ответил Мейсон, — а она закрывала всю правую сторону и часть левой, он выглядел вполне ухоженным.

— А почему бы и нет?

Делла Страт увидела, что Мейсон больше не собирается отвечать ни на какие вопросы — все его внимание было поглощено машиной, а на той скорости, с которой они ехали, для этого требовались все его способности.

— Если мне удастся получить разрешение осмотреть дом, — коротко сказал ей Мейсон, — я хочу, чтобы ты держалась от меня подальше.

— Что я должна делать?

— Держаться от меня подальше.

— И на каком же расстоянии?

— На достаточном. И ни при каких обстоятельствах ты не должна пытаться встремляться в непредвиденные ситуации, которые могут возникнуть.

— Господи, да о чем ты говоришь?

— Если мы обнаружим еще одну гориллу, — сказал Мейсон, — ты не должна пытаться мне помочь. Как бы ни складывались обстоятельства, я хочу, чтобы ты как можно быстрее убежала. Прячься в машину, доезжай до ближайшего телефона и вызывай полицию.

— Но, шеф, я не понимаю. Ты думаешь, что в доме спрятана горилла? Этого не может быть.

— Гипноз — это такая штука, — сказал Мейсон, — о которой нам известно сравнительно мало. Предположим, что ты в состоянии загипнотизировать гориллу. Тогда встает проблема, каким образом управлять ее сознанием. Она будет совершать непредсказуемые поступки.

— Шеф, ты меня разыгрываешь или пытаешься напугать. Ты же не поверишь, ты просто не мог поверить всей той ерундой, которую миссис Кемптон рассказывала о загипнотизированной горилле, убившей Бенджамина Эддикса.

Мейсон усмехнулся.

— Ты ведь не поверил, правда же?

— Делла, — сказал Мейсон, — я думаю, что здесь-то и скрывается разгадка, которую мы все проглядили. Мне кажется, что если ты будешь со мной и у вас будет возможность убежать, то

мы сможем узнать, в чем эта разгадка заключается. С другой стороны, если ты будешь находиться слишком близко от меня, мы можем вдруг обнаружить, что оба попали в ловушку. Так что, пожалуйста, держись поближе к двери и при первом же признаке опасности беги за полицией.

– Опасности с чьей стороны?

– Со стороны загипнотизированной гориллы.

– А как же ты?

Мейсон усмехнулся:

– Смелость – лучшее противоядие от опасности, помнишь, Делла? Я уверен, что со мной все будет в порядке.

– Мне все это не нравится, – сказала она нахмутившись.

Мейсон свернулся на Олив-стрит.

– Ну, вот мы и приехали, Делла. Я вижу, произошли некоторые перемены.

– Я бы сказала, что довольно заметные перемены, – сказала Делла Страт. – Новый хозяин, похоже, гораздо более общителен, чем его покойный брат.

Железные ворота были распахнуты настежь. Посыпанная гравием дорожка приветливо изгибалась в зелени газонов. Охранника не было.

Мейсон напоследок еще раз предупредил Деллу:

– Если Герман Барнуэлл предложит мне осмотреть дом в поисках ключей к разгадке, Делла, – а я почти уверен, что он постараётся выказать готовность к сотрудничеству, – я хочу знать наверняка, что тебя с нами не будет. Стой у самого выхода и делай вид, что тебя интересуют картины, украшения интерьера – словом, все что угодно, только не убийство.

– У меня уже мозги закипают от напряжения – так я стараюсь понять, зачем тебе это нужно, но я до сих пор...

– Вот мы и приехали, – сказал Мейсон.

Он остановил машину перед домом. Распахнулась дверь, и оттуда вышел встретить их коренастый, крепко сложенный мужчина. Его зубы сверкнули в быстрой улыбке. Говорил он с заметным австралийским акцентом.

– Мистер Мейсон, как я полагаю. Очень рад вас видеть. Когда вы позвонили мне, я едва поверил в такую удачу. Я читал много статей о ваших расследованиях. А это мисс Делла Страт, ваша секретарша? Для меня, конечно, большая честь, что вы посетили меня здесь. Ну разумеется, вы понимаете, я прибыл совсем недавно. У меня еще не было возможности как следует здесь осмотреться. Дом нуждается в основательной уборке. Я еще не успел даже нанять служащих. Собственно говоря, предварительные переговоры с агентствами по найму показали, что это будет весьма не просто.

– А как вы справляетесь с гориллами? – спросил Мейсон.

Герман Барнуэлл широко взмахнул рукой:

– Их больше нет. Я продал все – оборудование, клетки, стадо – все скопом – зоопарку. Когда об этой сделке сообщат в прессе, я надеюсь добиться большего успеха в решении проблемы прислуги. Но входите же и скажите, что я могу для вас сделать, если это в моих силах. Я в самом деле очень рад вас видеть здесь. – Он широко распахнул дверь и сказал: Проходите прямо через холл в большую гостиную, если вы ничего не имеете против. Боюсь, мне придется самому заняться напитками. Вам шотландского с содовой? Или вы предпочитаете коктейль?

– Шотландский с содовой вполне меня устроит, – сказал Мейсон, – но мы, к сожалению, спешим. Я полагаю, вы не очень занятой человек и...

– Нет, нет, никаких, мистер Мейсон. У меня уже было предварительное совещание с

мистером Хардвиком – поверенным, ответственным за исполнение завещания, и я уже проверил несколько счетов вместе с мистером Херши, пытаясь что-нибудь понять в довольно запутанных деловых операциях моего брата. Разумеется, все это большей частью в руках банка, но банку нужно знать мои намерения в этой связи. Возможно, вас заинтересует тот факт, мистер Мейсон, что я отдал распоряжение банку ни при каких обстоятельствах не опротестовывать те пункты завещания, по которым Джозефина Кемптон должна получить часть наследства.

– Конечно, – заметил Мейсон, – ее обвиняют в убийстве, и если она...

– Она не убивала его, – спокойно произнес Герман Барнуэлл. – Я знаю, что она не убивала.

– Вы знаете?

– Да.

– Могу я спросить, откуда вам это известно?

– Для меня достаточно того, – сказал Герман Барнуэлл, – что миссис Кемптон не убивала моего брата. Мой брат пытался скрыться от своего прошлого. Не имеет смысла темнить, мистер Мейсон. Вы слишком проницательны, чтобы вас могли обмануть дешевые уловки. Мы с братом не испытывали друг к другу особенной приязни. Я даже не буду пытаться изображать это – ну, может быть, перед широкой публикой – да, но перед вами – нет. Бенджамин был в крайней степени эгоистичен. Мы вместе жили какое-то время в Австралии. У нас был общий бизнес, связанный с шахтами. Возникли сложности с законом. Один человек, вставший нам поперек дороги, погиб. Он былбит. Я не хочу сказать, что именно Бенджамин убил этого человека. Хотя некоторые обстоятельства указывали на это. Полиция расследовала дело кое-как. Они считали, что это я совершил убийство. Меня судили и признали виновным. Однако вскоре открылись новые обстоятельства, свидетельствовавшие в мою пользу, и я был оправдан. Бенджамин, однако, бесследно исчез. К его счастью, у него никогда не брали отпечатков пальцев, и он мог ускользнуть от всех.

– И вы не знали, где он? – спросил Мейсон.

– Я считал его погибшим. Бенджамин был очень хитер. У него была небольшая яхта. Он вышел в море на этой яхте, когда надвигался штурм. Через два дня была обнаружена плавающая вверх килем яхта. Никаких следов Бенджамина на ней не обнаружили. Естественно, все решили, что он погиб.

Мейсон нахмурился.

– То есть он убежал и оставил вас одного разбираться с обвинением в убийстве?

– Не совсем так. Полицейские неправильно истолковали имеющиеся показания. Мой брат бежал.

– У меня есть основания полагать, – сказал Мейсон, – что у вашего брата могла быть горилла, которую он не держал в клетке.

– Что?

– Именно так – горилла, о которой знали только двое или трое.

– Но... Боже мой, мистер Мейсон, где же, по вашему, он мог держать такую гориллу?

– Я как раз хотел бы, чтобы вы помогли мне это выяснить.

Глаза Германа Барнуэлла сузились.

– Боюсь, что я не улавливаю вашу мысль, мистер Мейсон. Даже сама идея мне кажется абсурдной.

– Я не уверен, что и сам улавливаю свою мысль, – сказал Мейсон, – но мне желательно, если можно, немного осмотреться здесь. Естественно, я хотел бы, чтобы вы меня сопровождали. Я вообще сомневаюсь, обыскивала ли полиция все помещения.

– Ну конечно же, – сказал Герман Барнуэлл, – посидите, пожалуйста, пока я приготовлю напитки. Вы знаете, мистер Мейсон, у меня тоже было такое неприятное чувство, что полиция

все свое внимание посвятила вещам и так слишком очевидным. Мне даже кажется... Однако мне не хотелось бы говорить о том, что я не могу доказать, и я не хотел бы пугать вашу секретаршу. Вам виски с содовой? И вам, мисс Страт, я полагаю, тоже?

— И мне тоже, — сказала она. — Если вы не возражаете, я пока выйду в холл. Мне очень хочется хорошенько осмотреть ту греческую вазу, в которой были найдены вещи.

— Чувствуйте себя как дома, — сердечно предложил Герман Барнэлл, не стесняйтесь.

Он вышел из комнаты, и через несколько мгновений появился Мортимер Херши.

— Добрый день, мистер Мейсон. Я только что вернулся из суда. Я совершенно не ожидал застать вас здесь.

Подойдя к адвокату, он пожал ему руку, потом повернулся к Делле:

— Здравствуйте, мисс Страт.

Мейсон махнул рукой.

— Делла решила взглянуть на каменную вазу в холле.

— Ну, это же совершенно естественно, — сказал со смехом Херши, — я ее прекрасно понимаю. Вы и в самом деле продемонстрировали выдающиеся дедуктивные способности, мистер Мейсон. И таким образом случайно спровоцировали довольно занимательную цепь событий.

— Я надеюсь, — сказал Мейсон, — что смогу сделать кое-что по тому же методу и сегодня. Я уже сказал мистеру Барнэллу, что хотел бы удостовериться, нет ли здесь гориллы, которую держали не в клетке.

— Я полагаю, об этом нечего и думать, мистер Мейсон, — рассмеялся Херши. — Все животные, за единственным исключением той обезьянки...

Комната прорезал отчаянный крик ужаса Деллы Страт:

— Шеф! Сзади!

Мейсон обернулся.

Делла Страт вбежала в комнату.

— Что там было? — спросил Мейсон.

— Позади вас! — воскликнула она. — Я лишь мельком видела сквозь дверь — ужасная оскалившаяся горилла...

Эхо выстрела разнеслось по дому. Потом прозвучал второй и третий выстрелы, затем наступила тишина.

Где-то с грохотом упал стул.

— Назад! — закричал Мейсон секретарше. — Назад! Делай, что я говорил говорил! Выполняй инструкции!

Какое-то время Делла Страт с изумлением смотрела на него, словно не понимая, о чем идет речь.

Неожиданно из двери, ведущей в кухню, показалась огромная горилла — с вытаращенными глазами и застывшим оскалом, напоминавшим ухмылку.

— Боже мой! — воскликнул Херши и бросился бежать, оглядываясь через плечо.

Оскалившаяся горилла неуклюже ковыляла в сторону Мейсона. Пальцы громадной волосатой руки опирались на пол. В другой руке она держала сверкающий кухонный нож.

— Помогите! Помогите! — закричал Херши и бросился к двери, но, споткнувшись о стул, растянулся на полу. Он схватил Мейсона за полу пиджака, чтобы подняться, продолжая кричать: — Бегите! Помогите! Пустите меня!

Громадная горилла устремилась прямиком к Мейсону.

Херши выхватил револьвер. Пытаясь подняться, он три раза выстрелил, стоя на коленях.

Горилла, уставившись на Мейсона, неуклонно двигалась вперед.

Что-то невнятно бормоча от страха, Херши вскочил на ноги. Поднимаясь, он толкнул Мейсона, так что тот потерял равновесие.

Горилла неистово взмахнула ножом.

Мейсон шагнул в сторону, внезапно схватил волосатую лапу, державшую нож, и резко ее вывернул.

Какое-то мгновение казалось, что от неожиданности у гориллы свело судорогой мускулы.

Этого мгновения Мейсону оказалось вполне достаточно. Правым кулаком он с силой ударил в волосатый живот, а затем нанес страшный удар коленом.

Револьвер снова выстрелил, и пуля, просвистев у самой головы Мейсона, впилась в стену.

Огромная горилла медленно падала вперед, сложившись пополам, а затем грохнулась на пол с глухим ударом, от которого содрогнулась вся комната.

Мейсон повернулся к Херши.

Коммерческий директор поднял револьвер, прицелился прямо в Мейсона и нажал на курок. Раздался щелчок.

Мейсон бросился вперед, но споткнулся о лапу гориллы.

Херши пятился к холлу, торопливо засовывая патроны в откинутый барабан револьвера.

В дверном проеме появилась Делла Страт с каменной скульптурой в руках.

Херши сделал еще один шаг назад.

Делла с силой обрушила каменную скульптуру ему на голову.

Колени у Херши подогнулись. Он выронил револьвер и упал лицом вперед.

– Делла! – сердито воскликнул Мейсон. – Я же велел тебе сразу отправиться за помощью...

– Ты что, думал, я тебя брошу? Нужно спешить, шеф. Побежали. Мы отправили его в нокаут и...

Мейсон подобрал револьвер Херши, затем, подойдя к огромной горилле, нашупал что-то у нее на спине и неожиданно расстегнул длинную застежку-молнию.

– Шеф! – вскрикнула Делла Страт.

Мейсон стащил оскалившуюся голову и снял шкуру гориллы, под которой оказалось обмякшее тело Германа Барнуэлла.

– Ну что, – сказал Мейсон, – теперь, возможно, ты перестанешь спорить и, пока я их караулю, сбегаешь за полицией?

Мейсон, Делла Страт и Пол Дрейк сидели в личном кабинете адвоката.

Пол Дрейк с глазами, красными от недосыпания, но блестевшими от интереса, воскликнул:

– Боже мой, Перри, это просто чудо, что тебя не убили.

– Если бы я был во всем абсолютно уверен, – сказал Мейсон, – если бы я знал то, что знаю сейчас, я бы пошел к лейтенанту Трэггу и рассказал бы ему все. Думаю, что он, обыскав хорошенько дом, нашел бы шкуру гориллы.

– Они, конечно, запланировали это уже давно, – сказал Дрейк.

– Разумеется. Как сейчас выяснилось, Бенджамин Эддикс уличил обоих и Херши и Натана Фэллона – в присвоении денег. Если уж говорить начистоту, благодаря Эддиксу у них была абсолютная свобода действий. Им были предоставлены все возможности. Эддикс пытался обмануть налоговое управление, манипулируя множеством счетов, переводя деньги в наличность, и Херши с Фэллоном отхватили на этом немалые суммы. Разумеется, серьезный недостаток махинаций, которыми занимался Бенджамин Эддикс, заключается в том, что невозможно вести по-настоящему точный учет операций. Ты и сам не знаешь наверняка, как обстоят твои дела. Ты все запутываешь, а поскольку записи не ведутся, ты дуришь не только правительство, но и самого себя.

– Сколько они, по-вашему, успели присвоить?

– Херши признался, что более трехсот тысяч долларов. Но это, конечно, всем лишь небольшая часть того, на что они рассчитывали. Очевидно, они уже какое-то время поддерживали связь с Германом. Герман предложил им целое состояние, если они смогут устроить все так, чтобы Бенджамин был убран с дороги при обстоятельствах, позволяющих Герману наследовать его состояние. Если оценивать беспристрастно, то они все сделали довольно ловко. Они схватили Бенджамина Эддикса. Они растянули ему связки ноги. Они оцарапали ему лицо, а затем, связав, заткнули ему рот. Тогда на сцену вышел Герман Барнузелл, загrimировавшийся под Бенджамина Эддикса. Это было довольно легко сделать, потому что они были похожи друг на друга по сложению, комплекции, да и внешне – они ведь братья. Замысел состоял в том, что должен был появиться незаинтересованный свидетель, который не знает лично Бенджамина Эддикса. Повязка на лице и то, что Херши и Натан Фэллон называли Германа Барнузелла Бенджамином Эддиксом, должно было помочь им действовать по разработанной схеме. Очевидно, они планировали использовать в качестве незаинтересованного свидетеля Джеймса Этну, но случилось так, что я купил дневники Элен Кэдмас, об этом стало известно благодаря публикациям в газетах, и таким образом я попал в самый центр событий. Они решили, что лучше использовать меня, а не Джеймса Этну. Они хотели представить все таким образом, что Бенджамин Эддикс якобы не доверяет Натану Фэллону, но полностью полагается на Мортимера Херши. Они, разумеется, давно подделывали подпись Бенджамина Эддикса. Затем все было подстроено так, что пока Херши и Фэллон готовили себе железные алиби, чтобы их не смогли обвинить в убийстве, Герман Барнузелл, загrimированный под Бенджамина, вызвал к себе домой Джозефину Кемптон. Под тем или иным предлогом он вышел на минуту и открыл клетки с парой безобидных горилл. Тем временем Бенджамина Эддикса накачали ликером до потери сознания. Герман напялил на себя тщательно подготовленную шкуру гориллы. Единственное, что никуда не годилось – застывшее выражение морды гориллы, из-за которого Джозефина Кемптон и подумала, что видит загипнотизированную гориллу. Они заманили миссис Кемптон наверх в комнату, она увидела громадную гориллу, увидела, как та пронзила бесчувственное тело Бенджамина Эддикса. Они рассчитали, что миссис Кемптон не в

силах будет противостоять соблазну присвоить чек, тщательно подготовленный заранее, с откровенно поддельной подписью. Разумеется, передаточная надпись была подделана, и чек не был бы оплачен. Деньги вернулись бы на счет, и кто бы ни наследовал состояние, получил бы их. То, что я доказал неправоту Бенджамина Эддикса, считавшего кольцо и часы похищенными, оказалось для них находкой. Они решили извлечь выгоду из этого, включив для пущей правдоподобности упоминание о случившемся в завещание. Но не все пошло им на пользу. Кое-что обернулось против них. Во-первых, когда я был там, Сидней Хардвик пришел встретиться со своим клиентом, а обманщик, выдававший себя за Бенджамина Эддикса, сказал, что он слишком плохо себя чувствует, чтобы встретиться с ним – встретиться со своим собственным поверенным, заметьте, хотя он только что принял меня, человека не просто постороннего, но имеющего противоположные интересы.

– Следовательно, – сказал Дрейк, – Джозефина Кемптон рассказала правду.

– Правду обо всем, кроме чека. Она пыталась скрыть это. Разумеется, Херши, Фэллон и Герман Барнуэлл знали, что она в их руках с того момента, как взяла чек. Его должны были или обнаружить при ней сразу, или в момент, когда она попыталась бы получить по нему наличные. Они рассчитывали, что ей удастся получить по чеку наличные. Она бы взяла деньги, а потом Герман Барнуэлл, проверяя дела, обнаружил бы подделку. По банковским записям установил бы, что двадцать пять тысяч долларов выплачены Джозефине Кемптон, и тут бы она попалась. Другими словами, если бы версия с гориллой, убившей Бенджамина Эддикса, прошла, то все было бы в порядке, это их вполне устраивало; но если бы что-нибудь прошло не так, то Джозефина Кемптон должна была выступить в роли убийцы. А в том случае, если бы ее не обвинили в убийстве, она, получив по чеку наличные, оказалась бы полностью в их власти.

– Ну что ж, – сказал Дрейк, – схема была слишком уж причудливой, но если принять во внимание, сколь таинственный образ жизни вел Бенджамин Эддикс, его попытки экспериментов с психикой животных... а это как ты объяснишь, Перри?

– Он убил человека в Австралии, – сказал Мейсон, – нам нужно еще многое проверить, но, похоже, история, рассказанная мне Германом, в целом правдива. Бенджамин Эддикс, или Барнуэлл, пытался изучить свою психику. Он, похоже, считал, что действовал под гипнозом. На этом пункте он, вероятно, действительно немного рехнулся.

– Как ты вышел на все это? – спросил Дрейк.

– Честно говоря, Пол, – сказал Мейсон, – я должен был бы раскусить все гораздо раньше.

– Каким образом?

– Я приехал, чтобы встретиться с Бенджамином Эддиксом, – сказал Мейсон. – И я встретился с человеком, которого мне представили как Бенджамина Эддикса. Мне не удалось как следует рассмотреть его лицо. Он носил темные очки, и я не видел его глаз. Повязка закрывала почти все его лицо. На самом деле я, разумеется, разговаривал с Германом, а не с Бенджамином. Герман какое-то время уже находился здесь, оставив в Австралии сообщника, который должен был отвечать на телеграммы Хардвика. Все это было частью тщательно подготовленной ловушки. Герман был достаточно хорошим актером, чтобы немного изменить свой голос, а поскольку раньше я никогда не встречался с Бенджамином, шанс разоблачения был очень невелик – может быть, один из миллиона. Но на одном они прокололись.

– На чем?

Мейсон улыбнулся:

– Все это происходило вечером во вторник. Горилла, по их легенде, напала на Бенджамина накануне. Я видел щеку человека, с которым разговаривал, – она была гладко выбрита. В суде представили фотографию лица Бенджамина. Я внимательно изучил фотографию и увидел, что царапины были глубокими и болезненными. Мне сразу стало не по себе, когда я увидел эту

фотографию. Я знал, что тут что-то не так, но не мог понять что. Все дело было, конечно, в выбритой щеке, которую я видел у края повязки. То, что ссадины были слишком болезненными, чтобы бриться, доказывалось неопровергимо – тем фактом, что он и не брился. И все же у человека, с которым я встретился, была чисто выбрита щека спустя более тридцати четырех часов после того, как, по их утверждению, было оцарапано лицо. Ошибиться было невозможно. Повязка, конечно, закрывала кожу, но во время разговора повязка слегка двигается, и если щека под ней небрита, то щетина будет хорошо заметна.

– А теперь что? – спросила Делла Страт.

– К счастью, – сказал Мейсон, – мы можем доказать, что собственноручно написанное завещание – это подделка. Херши просто умирает от нетерпения выдать всех сообщников и стать свидетелем обвинения. В силу вступает другое завещание, подготовленное Хардвиком. Разумеется, в этом завещании есть пункт, о котором Хардвик не хотел нам говорить, в соответствии с ним большая часть состояния остается Элен Кэдмас. Хардвик настаивал, чтобы Бенджамин Эддикс составил новое завещание, поскольку считал Элен Кэдмас мертвой. Бенджамин, однако, на самом деле не собирался менять завещание, так как знал, что Элен Кэдмас жива и здорова и ему нужно обеспечить ее на тот случай, если с ним что-нибудь случится. Таким образом, сложилась довольно странная ситуация. Юрист настаивал на том, что его клиент должен изменить завещание, поскольку главный наследник мертв, а клиент, знаяший правду, затягивал дело и водил юриста за нос. В конце концов, когда Хардвик упомянул, что он настаивал на составлении Бенджамином нового завещания в связи с возникшими определенными осложнениями, я должен был начать догадываться, какая сложилась ситуация.

– Но женитьба на Элен Кэдмас действительно была незаконной? – спросил Дрейк.

– Да, если его первая жена еще жива, но я почему-то думаю, что это не так. Херши говорит, что никто ничего о ней не слышал уже восемнадцать месяцев. До того она обычно брала деньги с Эддикса примерно раз в четыре или пять месяцев.

– А почему они на вас напали? – спросил Дрейк.

– По одной простой причине – я вызывал у них подозрение. Они знали, что Джозефина Кемптон рассказала мне историю с убийством. У них возникло опасение, что я начал обо всем догадываться. К тому времени как Суд объявил перерыв до следующего дня, я начал осознавать значение того факта, что щека у человека, с которым я разговаривал, была выбрита. Тогда-то у меня и появилась первая догадка о том, как все было на самом деле. По пути в Стоунхендж я все продумал и пришел к определенным выводам. Я знал, что они захотят от меня избавиться. И если бы им удалось убить меня при таких обстоятельствах, чтобы Делла Страт на самом деле увидела оскалившуюся гориллу и побежала бы за полицией, то ее рассказу о горилле-убийце поверили бы, потому что он совпадает с рассказом Джозефины Кемптон. Мне было известно, следовательно, что они должны дать Делле Страт взглянуть на гориллу. Если она сразу кинется за полицией, то они позволят ей убежать. Мне в таком случае нужно будет справиться с теми, кто будет находиться в доме. Если бы их было трое, то никаких шансов у меня не было бы, но их оказалось только двое – Герман и Херши. Герман, конечно, выглядел просто ужасающе в шкуре огромной гориллы. А на самом деле оказался довольно слабым противником. Он не мог двигаться быстро из-за тяжелой шкуры, неудобной головы и всего прочего. Он мог только медленно идти, размахивая ножом, а больше ничего. Так что я им предоставил шанс. Герман расставил декорации, затем вышел в бар – якобы приготовить напитки. Он влез в шкуру гориллы и стоял в дверях достаточно долго, чтобы Делла Страт его заметила. Потом он скрылся и несколько раза выстрелил. Потом, в шкуре гориллы, появился в дверях с ножом. При обычных обстоятельствах такое ужасное зрелище полностью парализует человека. Я мог броситься бежать, и вот на этот случай рядом был старый добрый Херши, делавший вид, что помогает мне,

натыкавшийся на мебель, падавший – так, чтобы у гориллы появилась возможность ко мне приблизиться. К тому времени, когда Делла Страт прибыла бы с полицией, они обнаружили бы двух трясущихся от ужаса мужчин; оба поклялись бы, что видели гориллу, убежавшую в сад, я что эта горилла убила меня. Они оба стреляли в нее, и им показалось, что, возможно, они ее ранили, или, если бы возникла такая необходимость, Херши мог застрелить меня и заявил бы, что попал в меня случайно, целясь в гориллу.

– Ты сильно рисковал, – сказал Дрейк.

– Да, немного рисковал, – согласился Мейсон. – Я решил, что если карты будут раскрыты, то скажу им, что они проиграли, что Делла в курсе всего и убежала, чтобы вызвать полицию.

– Все равно, – сказал Дрейк, – тебе пришлось понервничать.

– Возможно, – согласился Мейсон, – но это был единственный способ, пришедший мне в голову, чтобы заставить их открыться и получить неопровергимые доказательства. Да, кстати, думаю, будет лучше, если я свяжусь с Элен Кэдмас и дам ей знать о сложившейся ситуации... И еще. Делла, ты помнишь, я оставил счет в китайском ресторане, где мы ужинали, и сказал кассиру, что вернусь потом за сдачей?

Она кивнула.

– Я заскочил туда за сдачей, и кассир передал мне твой кошелек. Похоже, ты обронила его, когда вынимала из сумочки записную книжку.

Делла Страт неожиданно покраснела.

– В чем дело? – спросил Мейсон.

– Там была бумажка с предсказанием.

Мейсон покачал головой.

– Наверное, ты положила ее куда-то в другое место, Делла. Там не было никакой бумажки.

– О, – сказала Делла Страт с облегчением в голосе.

– Ну что ж, – сказал Мейсон, – развлекай Пола Дрейка, Делла. Возьми вон ту бутылку виски, мы ее разопьем. А я пока схожу к коммутатору и позвоню Элен Кэдмас. Нужно снять груз с ее души.

Мейсон вышел из кабинета в приемную и, набирая номер, вынул из кармана сложенный листочек рисовой бумаги с предсказанием, который вернул ему китаец вместе с кошельком Деллы Страт.

На листочке было напечатано изящным шрифтом:

«Если вы выйдете за него замуж, вы будете очень счастливы и подарите ему ребенка – мальчика, который будет очень похож на своего отца».

Мейсон помедлил немного, потом открыл свой бумажник, засунул в самый дальний уголок сложенный листок рисовой бумаги. Положив бумажник в карман, он стал ждать ответа Элен Кэдмас.